

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Э. А. Макаев

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ
СРАВНИТЕЛЬНОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

856367

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1977

ВВЕДЕНИЕ

«Всякое исследование основано на сравнении и выражается с помощью пропорций»

(*De docta ignorantia*. «Избранные философские сочинения Ник. Кузанского». М., 1937, стр. 7)

Автор поставил перед собой задачу дать набросок общей теории сравнительного языкознания. В настоящее время накоплен огромный фактический материал по всем индоевропейским языкам. На протяжении XIX и XX вв. были сделаны многие открытия первостепенной важности; дешифровка ранее не известных языков открывала перед изумленным взором исследователя новые индоевропейские языковые миры, а в то же время значительными успехами было ознаменовано общее языкознание, многие постулаты которого имели и имеют решающее значение для постановки и решения ряда кардинальных проблем сравнительного языкознания. В последние два-три десятилетия стала бурно развиваться относительно новая дисциплина — науковедение, значение которой для истории сравнительного языкознания и для осмысления новых эвристических приемов в сравнительно-исторических исследованиях трудно переоценить. Все это говорит о том, что уже назрела потребность в создании монографии, посвященной не столько обобщению накопленного материала, сколько выяснению и обоснованию теоретических основ сравнительного языкознания, его исходных постулатов и их верификации на конкретном языковом материале.

В индоевропейском сравнительном языкознании имеется несколько десятков монографий, специально посвященных различным аспектам сравнительного изучения и описания языка. Но все эти работы, при всех их высоких достоинствах и безукоризненной обработке материала, носят подчеркнуто пропедевтический характер, являясь, как правило, введением в сравнительную грамматику индоевропейских языков или в сравнительное изучение языка. Не подлежит сомнению (но не подлежит также и

порицанию!) их ярко выраженная прагматическая направленность. Являясь превосходными справочными пособиями и оказывая неоценимые услуги при изучении сравнительной грамматики соответствующей семьи языков, эти работы лишь спорадически касаются общих проблем сравнительного языкознания.

В данной книге я попытался дать анализ именно этих фундаментальных понятий сравнительного языкознания. В соответствии с поставленной задачей работа строится следующим образом: каждый постулат верифицируется на материале одного или нескольких индоевропейских (лишь в одном случае — тюркских) языков. Так, постулат о сопряженности приемов сравнительной и внутренней реконструкции верифицируется на приемах реконструкции фонетического и морфологического строя общегерманского языка, речь идет при этом не об отдельных примерах из разных германских языков, а о глобальной характеристике всех приемов реконструкции, большей или меньшей степени аргументированности отдельных постулатов, о различных приемах определения архаических образований, о становлении парадигматических рядов, о месте и значении изолированных образований, «остаточных формах», имеющих подчас решающее значение для эффективной реконструкции праязыкового состояния. Автор убежден в том, что лишь спекулятивный анализ выдвинутых постулатов, лишь умозрительное теоретизирование по поводу того или иного постулата без попытки их верификации на обширном и разнообразном языковом материале ничего не дает сравнительному языкознанию и не способствует его прогрессу. Поэтому в книге приводится значительный материал, почерпнутый из многих индоевропейских языков, но преимущественно опирающийся на германские, индоиранские, классические языки и на армянский язык. Что касается армянского языка, то автор, в противовес господствующей (и, добавим, единственной) догме, рассматривает данный язык как ценнейший источник для реконструкции общеиндоевропейского состояния и для решения целого ряда вопросов сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Развернутая аргументация этого положения дается в книге дважды, при верификации постулатов, связанных с приемами реконструкции.

Считаю своим долгом указать на то, чего не содержится в данной книге: она не является введением в сравнительное изучение языка, не является пособием по сравнительной грамматике индоевропейских языков, поэтому здесь не дается описания механизма фонетических корреспонденций, не объясняется форма под звездочкой, не раскрывается понятие передвижения согласных в германских языках и пр. Предполагается, что читатель уже знаком с элементами сравнительного языкознания, которые содержатся в курсах введения в языкознание, а также в курсах по истории отдельных индоевропейских языков и в большой справочной литературе. Кроме того, следует оговорить, что не все явления, относящиеся к теории сравнительного языкознания, получили в этой книге достаточно углубленное освещение. Неровности в трактовке отдельных проблем объясняются прежде всего далеко не достаточной степенью их разработанности в современном сравнительном и общем языкознании; укажу, например, на полную неразработанность принципов лингвистической экстраполяции.

Наконец, оговорю, что некоторые разделы данной книги уже были опубликованы ранее в виде отдельных статей в журналах и юбилейных сборниках; для данного издания они подверглись значительной переработке и были не менее значительно дополнены. В отдельных случаях я считал необходимым дать иную формулировку уже ранее высказанным положениям; без изменения осталась лишь работа, вошедшая во вторую главу книги.

Наблюдающиеся в отдельных местах повторения (надеюсь, их не так много!) объясняются тем, что одни и те же постулаты проверялись несколько раз на различном материале, при разборе различных концепций, которые, по мнению автора, не отвечают жестким требованиям логического доказательства или стоят в явном противоречии с анализируемым материалом.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ В РАЗВИТИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Начало XIX в. было ознаменовано рядом блестящих открытий и замечательных достижений в области индоевропейского сравнительного языкознания, позволивших отдельные гениальные интуитивные догадки предшествующего времени превратить в совокупность научных эвристических приемов исследования индоевропейского языкового мира и обеспечивших триумфальное шествие сравнительного языкознания на протяжении XIX и XX вв., не прекращающееся и в настоящее время. Именно последовательно исторический подход при анализе отдельных индоевропейских языков позволил в результате усилий нескольких поколений компаративистов создать точную и строго дисциплинированную методику исследования, которая по строгости выбора исходных постулатов, аргументированности научного построения и логичности конечных результатов может с достоинством выдержать сравнение с научной процедурой, применяемой в точных науках. В этом отношении методика сравнительного языкознания может по праву служить эталоном или моделью описания и анализа для любой лингвистической дисциплины.

В то же время было бы ошибкой полагать, что методика сравнительного языкознания не нуждается в коррективах и в дополнениях и, в связи с общим поступательным движением науки, в постоянном пересмотре и верификации исходных положений всего сравнительного языкознания. Ведь не может подлежать сомнению, что новые открытия, в частности дешифровка нескольких ранее не известных индоевропейских языков, а также использование новых и перспективных приемов исследования в области общего языкознания не может не сказаться в той или иной степени на эвристических приемах

и на окончательных выводах в компаративистике. Неудивительно поэтому, что многие исследователи (укажем лишь на А. И. Смирницкого¹, Б. А. Серебренникова², Я. Отрембского³, В. Георгиева⁴, Дж. Девото⁵ и автора данной работы⁶) неоднократно обращали внимание на недостатки сравнительно-исторического метода и на пути его усовершенствования.

Как правило, исследователи указывают на объективные и субъективные недостатки данного метода, на известную и неизбежную гипотетичность реконструкции, на неразработанность общих принципов относительной хронологии в индоевропейском языкознании, на неразработанность многих проблем индоевропейской ареальной лингвистики, на неудовлетворительную разработку основных разделов индоевропейского словообразования, на слабую фундированность семасиологического аспекта в индоевропейской этимологии, на отсутствие методики изучения индоевропейской ономастики и топонимики, что, в частности, ущербно сказывается на исследовании «малых» индоевропейских языков (фригийского, фракийского, скифского и др.), на беспочвенность многих выводов в отношении индоевропейской лингвистической палеонтологии⁷.

Можно полагать, что все указанные недостатки в известной мере действительно присущи индоевропейскому сравнительному языкознанию и лежащему в его основе сравнительно-историческому методу; можно полагать так-

¹ А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955.

² Б. А. Серебренников, Г. А. Климов. Методы лингвогенетических исследований. «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований». М., 1973.

³ J. Otrębski. Über die Vervollkommnung der Forschungsmethoden in der indoeuropäischen Sprachwissenschaft. «Lingua Posnaniensis», t. IX, 1962.

⁴ В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. (Дополненное итальянское издание этой книги: V. Georgiev. Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966).

⁵ G. Devoto. Origini indeuropee. Firenze, 1962.

⁶ Э. А. Макаев. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. — ВЯ, 1965, № 4, стр. 3—19.

⁷ В. П. Нерознак. Палеобалканские языки. Ареальные и генетические отношения. «Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы». М., 1974.

же, что некоторые из этих недостатков не столько относятся к сравнительному языкознанию, сколько к общей методологии науки и ее поступательному движению. Но при всем этом более существенной и неотложной является задача построения общей теории сравнительного языкознания в связи с критическим и углубленным анализом его теоретических основ и постулатов. Необходимость в построении общей теории сравнительного языкознания продиктована не только тем обстоятельством, что в настоящее время накопленный огромный фактический материал и испытанные приемы анализа данного материала в области индоевропейских языков создают необходимые предпосылки к построению подобной общей теории, но в значительно большей степени тем, что сравнительно-исторический метод со всеми его сильными и слабыми сторонами уже давно переступил границы индоевропейских языков и был распространен на другие языковые семьи: семитскую, финно-угорскую, тюркскую, дравидскую, малайско-полинезийскую, южноафриканскую, картвельскую и др.

Каковы перспективы создания общей теории сравнительного языкознания, отвечающей уровню современной науки? Для ответа на данный вопрос представляется необходимым кратко остановиться на характеристике основных этапов формирования и развития индоевропейского сравнительного языкознания, а также его современного состояния. Поскольку все дальнейшее изложение опирается на понятие парадигмы науки, введенное Томасом Куном⁸, то считаем необходимым дать не-

⁸ *Th. Kuhn. The structure of scientific revolution. Chicago, 1962.* См.: *Т. Кун. Структура научных революций. М., 1975.* — Следует иметь в виду, что в «Дополнении» Т. Кун предлагает для «парадигмы» другой термин: «Парадигма или множество парадигм — такой ответ на поставленный вопрос дает первоначальный текст моей книги. Но для такого использования, отличающегося от того, который будет обсуждаться ниже, термин «парадигма» не подходит. Ученые сами обычно говорят, что они разделяют теорию или множество теорий, и я буду рад, если этот термин окажется в конечном счете все же применимым и в этом случае. Однако термин «теория» в том смысле, в каком он обычно используется в философии науки, обозначает структуру намного более ограниченную по ее природе и объему, чем структура, которая требуется здесь. До тех пор пока термин может быть свободен от произвольных домыслов, следует избегать введения другого во избежание недоразумений. С этой целью я предлагаю термин «дисциплинарная матрица»: «дисциплинарная» — потому что она

которые разъяснения о самом термине. Согласно Т. Куну, парадигма науки — это доминирующая форма научного мышления и его категориальный строй на определенном этапе развития науки. Парадигма науки является «совокупностью наиболее общих идей и методологических установок, определяющих как выбор проблем, так и принципиальные способы их решения»⁹. Т. Кун полагает, что наука это такая система, которая постоянно создает новые проблемы и одновременно обеспечивает средства для их решения. Когда наука теряет способность решать проблемы, которые она сама выдвинула, тогда возникает ситуация кризиса, который разрешается созданием новой теории или парадигмы, отвечающей новым задачам. «Существующая парадигма в науке связана с господствующей в ней теорией, которая представляет ее конкретизацию, в ней парадигма находит наиболее полное воплощение. Все попытки создания альтернативной теории в тот момент, когда существующая теория «адекватно поддерживает традицию разрешения затруднений», в науке — бесплодны, обречены на неуспех. В науке господствует ситуация «бритвы Оккама»¹⁰.

Следует полагать, что концепция Т. Куна является не только новым словом в общей теории науки, но что она может быть с успехом применена и в сравнительном языкознании. Если с позиций Т. Куна подойти к истории сравнительного индоевропейского языкознания XIX—XX вв., то можно будет сделать заключение, что в сравнительном языкознании этого периода были представлены две завершенные и две незавершенные парадигмы.

1. Первый этап формирования сравнительного языкознания — незавершенная парадигма.

учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине, «матрица» — потому что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей специфики» (Т. Кун. Указ. соч., стр. 229. Дополнение 1966 г. М., 1975). Я не вижу никакой необходимости в замене термина «парадигма» на термин «дисциплинарная матрица» и в дальнейшем изложении буду пользоваться лишь термином «парадигма».

⁹ Н. И. Родный. Проблема научной революции в концепции развития науки Т. Куна. «Концепции науки в буржуазной философии и социологии». М., 1973, стр. 44—45. См. также: Н. И. Родный. Некоторые вопросы научной революции. «Проблемы истории и методологии научного познания». М., 1974, стр. 47—48.

¹⁰ Н. И. Родный. Проблема научной революции. . . , стр. 45.

2. Сравнительное языкознание в концепции А. Шлейхера — завершенная парадигма.

3. Младограмматическая концепция сравнительного языкознания — завершенная парадигма.

4. Сравнительное языкознание на современном этапе его развития — незавершенная парадигма.

Действительно, на заре компаративизма, в частности, в системе сравнительной грамматики индоевропейских языков Ф. Боппа, мы еще не можем говорить о наличии определенной совокупности сравнительно-исторических приемов и методов, последовательно применяемых к материалу различных индоевропейских языков. «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, греческого, латинского, литовского, готского и немецкого языков» Ф. Боппа, вышедшая с 1833 по 1849 г., была в истории науки первым опытом сравнительного описания словоизменения вышеуказанных индоевропейских языков. Больше всего Боппа занимал вопрос о происхождении именной и глагольной флексий, о чем он заявил уже в первых строках предисловия к своей сравнительной грамматике: «В этой работе я имею в виду дать сравнительное, сопоставляющее все родственное, описание организма названных в заголовке языков, исследование их физических и механических законов и происхождения форм, обозначающих грамматические отношения». Приходится удивляться не тому, что в данном труде отсутствовала сравнительная фонетика и, следовательно, не была представлена жесткая процедура фонетических корреспонденций, что является единственным гарантом надежности морфемных соположений в различных языках. Приходится удивляться тому, что Бопп, пробиваясь через объяснение именной и глагольной флексий на основе принципа агглютинации к созданию сравнительной грамматики индоевропейских языков, смог дать благодаря своей гениальной интуиции целый ряд блестящих и верных соположений, ставших классическим достоянием компаративистики. Исходное состояние индоевропейских языков не занимало Боппа; поэтому в его труде не нашло никакого отражения методика реконструкции, которая к тому времени уже широко применялась в естественных науках, а также в правоведении и истории литературы. Л. Мейе замечательно точно определил позицию Боппа и место его труда в сравнительном языкознании: «Бопп

открыл сравнительную грамматику в поисках за объяснением индоевропейского языка, подобно тому как Христофор Колумб открыл Америку в поисках пути в Индию»¹¹.

Незавершенная парадигма сравнительного языкознания Боппа уже через два десятилетия перестала удовлетворять новым задачам, встававшим перед сравнительным языкознанием, и поэтому следует считать вполне закономерным, что в тот год (1861), когда вышел последний том второго издания «Сравнительной грамматики» Боппа, появился «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков» А. Шлейхера. Данный труд знаменует новый этап в развитии сравнительного языкознания, создание новой и завершенной парадигмы на дедуктивной основе. Впервые в истории компаративистики была во всех деталях разработана методика реконструкции и установлено понятие исходного языкового состояния — праязыка. Хотя А. Шлейхер ясно осознавал, что индоевропейский праязык — это лишь результат реконструкции на основе данных индоевропейских языков, фактически эталоном или моделью для праязыка, своеобразной точкой отсчета при реконструкции служил санскрит, что вытекало не только из реконструкции фонетического и морфологического уровней в его компендии, ориентированной на санскрит, но также из его пресловутого перевода басни на индоевропейский праязык, который является не чем иным, как несколько модифицированным и архаизированным санскритом.

Поскольку проекция на индоевропейскую плоскость была произведена на основе одного индоевропейского языка, можно утверждать, что А. Шлейхер в своем переводе басни предвосхитил методику внутренней реконструкции, обоснованной значительно позже. Завершенность парадигмы А. Шлейхера сказалась в том, что введенное понятие праязыка и методика его реконструкции позволили представить сравнительную грамматику индоевропейских языков как цепочку непрерывной эволюции исходного состояния вплоть до отдельных индоевропейских языков, а установление точных фонетических корреспонденций между отдельными языками обеспечивало надежность морфологического анализа.

¹¹ А. Мейс. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 449.

В то же время вскоре были обнаружены весьма существенные слабые звенья в парадигме А.Шлейхера: последовавшие в семидесятых годах XIX в. открытия перво-степенной важности в области сравнительного языкознания, особенно в области индоевропейского вокализма и консонантизма, а также акцентологии, детронизировали санскрит как модель для построения сравнительной грамматики индоевропейских языков, было пересмотрено понятие праязыка, а перевод басни на праязык стал рассматриваться как aberrация компаративиста. Так постепенно стала складываться новая, младограмматическая, завершенная парадигма сравнительного языкознания на индуктивной основе, получившая наиболее яркое выражение в трудах акад. Ф. Фортунатова и в «Грундриссе сравнительной грамматики индоевропейских языков» К. Бругмана и Б. Дельбрюка, характеристика которого дается ниже.

Наиболее типичным для младограмматической парадигмы было непосредственное, однолинейное проецирование фонетических, морфологических и синтаксических явлений разных индоевропейских языков в праязык, и праязыковая модель оказывалась скопищем гетерогенных образований, подчас синхронно несовместимых и находивших свое объяснение в том, что младограмматическая реконструкция по сути дела игнорировала фундаментальные для современного сравнительного языкознания принципы временной иерархичности и ареальной дистрибуции подлежащих реконструкции явлений. К этому следует добавить, что компаративисты-младограмматики при реконструкции не проводили четкого различия между инвариантами и вариантами единиц разных уровней языка и благодаря этому на праязыковую плоскость нередко попадали заведомо позднейшие, вторичные, ареально ограниченные явления. Приходится согласиться с горькими, но справедливыми замечаниями Дж. Лейна о том, что «реконструкции К. Бругмана были по сути дела окрошкой из древнегреческого и древнеиндийского языков, в которую были добавлены немногие латинские, готские и литовские формы, но что не изменяло общего содержания этой окрошки»¹².

¹² G. Lane. On the present state of Indoeuropean linguistics. «Language», vol. 25, 1949, стр. 334.

Эта эклектическая процедура младограмматической реконструкции уже в свое время была предметом критики со стороны ряда языковедов, которые в противовес господствующей методике реконструкции стали разрабатывать приемы внутренней реконструкции¹³. Я. Ваккернагель заявил в 1896 году: «При расположении материала главенствующим для меня был принцип, согласно которому за основу [описания. — Э.М.] был взят фонетический строй древнеиндийского языка, а не праязык»¹⁴. Полстолетием позже Е. Курилович избрал тот же путь внутренней реконструкции при реконструкции индоевропейской акцентной системы на основе данных лишь одного ведического наречия. Автор так обосновывал методику своего описания и выбор одного индоевропейского языка: «Выводы, касающиеся индоевропейского «праязыка», основаны исключительно на индийском. Такой подход к вопросу оправдывается обстоятельством, что 1) каждый язык сохраняет устарелые элементы, допускающие частичную реконструкцию некоторых его доисторических черт; 2) полученная таким образом картина «праязыка» более прочна и логична, чем смесь разнообразных фактов, находившихся в распоряжении старых грамматиков; 3) случайные корректуры, вносимые родственными языками, допускаются лишь постольку, поскольку их можно согласовать с доисторической системой, реконструированной на основе данного языка; 4) выбор языка в данном случае не представляет затруднений: в ведийском мы не находим ни одной прозодической черты, которую приходилось бы, в сопоставлении с греческим или балтославянским, считать нововведением, но обратное утверждение было бы неправильно»¹⁵.

Поскольку акцентологическая концепция Е. Куриловича подробно рассматривается ниже в связи с выяснением вопроса о месте ведического наречия среди прочих индоевропейских языков, о его архаизмах и инновациях, то здесь ограничимся лишь замечанием, что акцентная реконструкция Е. Куриловича является ущербной (стр. 53)

¹³ E. Hermann. Über das Rekonstruieren. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Bd. 41, 1907.

¹⁴ J. Wackernagel. Altindische Grammatik, Bd. I. Göttingen, 1896, стр. 1.

¹⁵ J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952, стр. 497—498.

и, в связи с этим, не может не возникнуть вопрос о том, что нет оснований считать перспективной в сравнительном языкознании процедуру возведения в ранг общеиндоевропейского состояния отдельных уровней того или иного индоевропейского языка лишь на основе их внутренней реконструкции. Но в таком случае современный этап сравнительного языкознания отмечен парадоксальной ситуацией, которую можно выразить следующим образом: реконструкция общеиндоевропейского состояния на основе ряда индоевропейских языков оказывается эклектичной; реконструкция общеиндоевропейского состояния на основе одного индоевропейского языка оказывается ущербной. Поэтому вполне уместно поставить вопрос: знают ли компаративисты второй половины XX в., что они реконструируют?

Это обстоятельство во всяком случае красноречиво говорит о том, что современный этап сравнительного языкознания характеризуется наличием незавершенной парадигмы. Наличие парадоксальной ситуации в сравнительном языкознании второй половины XX в. в известной мере напоминает ситуацию, сложившуюся в математике, когда в 30-х годах XX в. К. Гёдель сформулировал свою первую теорему о неполноте формальных систем, а затем — вторую теорему о невозможности доказательства непротиворечивости формальной системы средствами самой этой системы¹⁶. Как известно, парадоксы К. Гёделя позволили прийти к выводу о невозможности полной формализации научного знания¹⁷. Есть основания полагать, что парадоксальная ситуация, сложившаяся в современном сравнительном языкознании, послужит мощным стимулом к созданию завершенной парадигмы. Каковы же отличительные черты сравнительного языкознания XX века?

I

Современное состояние индоевропейского сравнительного языкознания — это период утраченных иллюзий и больших ожиданий. В начале XX в. была завершена кодификация сравнительной грамматики индоевропейских языков на младограмматической основе, нашедшая

¹⁶ С. Клини. Введение в математику. М., 1957.

¹⁷ Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, стр. 101.

выражение в классическом «Грундриссе» К. Бругмана и Б. Дельбрюка¹⁸. В этом труде систематизировался материал всех к тому времени известных индоевропейских языков и подводились итоги многочисленным разысканиям компаративистов первой и второй половины XIX в. Отличительной чертой этой подлинной энциклопедии сравнительного языкознания, изобиловавшей огромным количеством точных и проверенных фактов из всех древних индоевропейских языков, филологически безукоризненно обработанных, и содержавшей множество тонких и правильных наблюдений в области фонетики, морфологии и синтаксиса, было отсутствие общей концепции статуса и эволюции общеиндоевропейского языкового типа и его сложного и противоречивого, далеко не всегда однонаправленного соотношения с отдельными индоевропейскими языками в терминах пространственной и хронологической соотнесенности отдельных явлений, что имело следствием прямолинейное и рядоположное возведение всех или большинства явлений индоевропейских языков к общеиндоевропейскому состоянию. Индоевропейский праязык оказывался при подобной процедуре своеобразным складочным местом для многочисленных регулярных образований и аномалий отдельных индоевропейских языков, благодаря чему праязыковая историческая перспектива по сути дела была сведена к нулю.

Естественно, что при таком подходе не мог быть со всей серьезностью поставлен вопрос о критериях архаизмов и инноваций как в самом праязыке, так и в засвидетельствованных индоевропейских языках. Адекватному описанию общеиндоевропейского состояния мешало также сознательное изъятие глоттогонической проблематики как не внушающей доверия лингвистической процедуры. К этому следует добавить, что кодификация сравнительной грамматики индоевропейских языков была достигнута лишь в области фонетики и морфологии; сравнительный синтаксис индоевропейских языков Дельбрюка ни в какой мере не являлся сравнительным синтаксисом: это было скорее собрание и сопоставление подчас совершенно гетерогенных структур отдельных индоевропейских языков без попытки соотнести их с праязыковым состоянием.

¹⁸ К. Brugmann, B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1897—1916².

Уточнения, дополнения, а также частичная ревизия «Грундрисса» были предприняты еще в начале XX в. Они шли в следующих направлениях.

В своем «Введении в сравнительное изучение индоевропейских языков» Мейе еще в 1903 г. пытался ввести в обиход сравнительной грамматики индоевропейских языков некоторые идеи своего учителя Ф. де Соссюра. Именно последним было продиктовано рассмотрение индоевропейского праязыка как системы соответствий между отдельными индоевропейскими языками. Элементы системного анализа языка, в то время только прокладывавшего себе дорогу, явственно ощущаются в замечательном руководстве Мейе. При всей новизне и плодотворности целого ряда весьма важных положений, мощно повлиявших на дальнейшее развитие сравнительного языкознания, «Введение» Мейе не порывало с традиционными представлениями сравнительного индоевропейского языкознания; достаточно указать на то, что в превосходном разделе о сонантах Мейе даже в последнем издании своего «Введения»¹⁹ не считал возможным использовать учение Ф. де Соссюра о сонантических коэффициентах.

В работах и курсах Богородицкого²⁰, хотя и в робкой, но определенной форме была сделана попытка ввести принцип относительной хронологии в сравнительную грамматику индоевропейских языков.

Хирт в многочисленных этюдах, обобщенных впоследствии в семитомной «Индogerманской грамматике»²¹, в прямой оппозиции к «Грундриссу» Бругмана и Дельбрюка, стремясь обосновать именно происхождение индоевропейского глагола, пытался утвердить г л о т т о г о н и ч е с к у ю проблематику как неотъемлемую часть сравнительной грамматики индоевропейских языков. При всей шаткости, легковесности и неудовлетворительности глоттогонических спекуляций Хирта его «Индоевропейская грамматика» поражала своим традиционным и консервативным характером в трактовке фонетического, мор-

¹⁹ *A. Meillet. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris, 1934.*

²⁰ *В. А. Богородицкий. Краткий очерк сравнительной грамматики арно-европейских языков. Казань, 1917.*

²¹ *H. Hirt. Indogermanische Grammatik, T. I—VII. Heidelberg, 1921—1937.*

фологического и синтаксического строя индоевропейских языков. При всех дополнениях и уточнениях контуры сравнительной грамматики индоевропейских языков оставались непоколеблемыми вплоть до открытия и расшифровки тохарских и анатолийских индоевропейских языков. Подобно тому, как открытие санскрита привело к созданию сравнительной грамматики индоевропейских языков в начале XIX в., расшифровка клинописного хеттского языка, а впоследствии и других анатолийских языков индоевропейского происхождения, привела к полному преобразованию сравнительной грамматики индоевропейских языков, к радикальному пересмотру концепций об архаизмах и инновациях в отдельных индоевропейских языках, а тем самым и к вопросу о самом праязыке и его членении. Помимо хетто-лувийских языков преобразованию сравнительной грамматики индоевропейских языков способствовали следующие факторы.

Внедрение принципов системного анализа в сравнительно-историческую методiku исследования. Благодаря этому оказалась возможной не только фонологическая интерпретация сравнительной фонетики индоевропейских языков, но также эффективное изоморфное описание фонемного, морфемного и синтагматического уровней языка при строгом соблюдении принципа иерархичности языковых явлений и процессов, что позволяет в свою очередь значительно расширить возможности сравнительной и внутренней реконструкции и тем самым более объективно поставить вопрос о восстановлении текста на индоевропейском праязыке. Именно принципы системного анализа дают возможность очертить контуры сравнительного синтаксиса индоевропейских языков и тем самым решить вопрос о том, какие синтаксические структуры можно приписать индоевропейскому праязыку и каким образом, на основе трансформационного анализа, из общиндоевропейских ядерных конструкций можно получить синтаксические модели отдельных индоевропейских языков. В качестве образца описания индоевропейской морфологии на основе принципа иерархичности можно указать на книгу Куриловича «Морфологические категории индоевропейских языков»²².

²² *J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.*

Углубление методики общиндоевропейской реконструкции на основе разработки и применения в н у т р е н н е й реконструкции. Именно последняя позволяет более строго и объективно разграничить архаизмы и инновации и тем самым определить, какие категории можно приписать исходному состоянию отдельных индоевропейских языков и, путем последовательного и ступенчатого нисхождения, индоевропейскому праязыку. Внутренняя реконструкция обеспечивает также реальную постановку вопроса о периодизации общиндоевропейского языкового состояния. Современное состояние общелингвистической теории позволяет рассматривать внутреннюю реконструкцию как неотъемлемую часть системного описания сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Внедрение принципов пространственной лингвистики в сравнительно-историческое языкознание. Преимущества данной методики, подробно рассмотренной в нашей работе «Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики»²³, заключаются в том, что она обеспечивает возможность вычленения на основе ряда структурных признаков определенных ареалов индоевропейской языковой общности, выяснение условий или возможности контактирования данных ареалов, установление соотношения моделей различных уровней с общиндоевропейскими моделями и определение архаизмов и инноваций в отдельных ареалах на основе соположения ареальных и общиндоевропейских моделей. Можно полагать, что на современном уровне сравнительно-исторического языкознания построение индоевропейской диалектологии лишь на основе генеалогической классификации и генетического родства оказывается недостаточным и малоэффективным и оно должно быть дополнено и модифицировано при применении и широком использовании теории языковых союзов.

II

В индоевропейском сравнительном языкознании раздел, посвященный индоевропейской диалектологии, как в отношении самого объекта исследования, так и в отношении применяемой методики, является наименее разработанным. Хотя индоевропейская диалектология

²³ Э. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964.

(или то, что может претендовать на подобное наименование!), если ее истоки возводить к монографии И. Шмидта²⁴, имеет почти вековую традицию, вплоть до настоящего времени все относящиеся к ней кардинальные вопросы остаются нерешенными, а осмысление соответствующего материала дается в столь противоречивой форме, что вполне своевременной и правомерной оказывается постановка вопроса о реальности и оправданности построений в данной области.

Не вдаваясь в историю вопроса, следует указать на то, что весь смысл последующего развития индоевропейской диалектологии заключался во все более интенсивном внедрении в нее принципов лингвистической географии или, шире, пространственной лингвистики, как бы проецирование наблюдений и исследовательских приемов, почерпнутых из описания живых говоров, их интерференции и их лабильных границ, на индоевропейскую плоскость. В связи с этим все более широкое распространение получают три процедуры, роковым образом сказавшиеся на индоевропейской диалектологии: а) приписывание общеиндоевропейскому языку диалектных особенностей; б) оперирование методикой изоглосс при характеристике индоевропейских диалектных особенностей; в) подмена проблемы индоевропейских диалектов проблемой членения индоевропейской языковой общности. Следует подчеркнуть, что именно перенесение методики лингвистической географии на описание общеиндоевропейского состояния имело следствием двусмысленное и неточное определение задач индоевропейской диалектологии и явно несостоятельную методику ее исследования. Более детальный анализ упомянутых трех процедур позволит установить, в какой мере данное положение согласуется с современным состоянием индоевропейского языкознания.

Уже И. Шмидт отмечал наличие отдельных диалектных особенностей в индоевропейском праязыке. С течением времени количество диалектных особенностей, которые различными исследователями приписывались общеиндоевропейскому языку, значительно увеличилось. В то же время усовершенствованная методика сравнительной реконструкции и особенно применение приемов внутренней

²⁴ *I. Schmidt. Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872.*

реконструкции отдельных подсистем различных индоевропейских языков позволяют восстановить такое состояние общиндоевропейского языка, которое можно изобразить в виде своеобразной наддиалектной нормы или в виде литературного языка, предполагающего наличие разновидности в форме разговорного языка. Общиндоевропейская наддиалектная норма уже по определению требует наличия противопоставленных ей диалектов или диалектных признаков, реализовавшихся скорее всего в форме разговорного языка. Обе разновидности общиндоевропейского языка — литературная и разговорная — характеризовались как определенной совокупностью общих конститутивных признаков всех уровней языка, так и определенной совокупностью признаков, характерных лишь для одной из разновидностей: признаков, присущих только литературному языку, и признаков, присущих только разговорному языку.

Естественно, что сравнительная и внутренняя реконструкция допускают восстановление лишь одной из разновидностей общиндоевропейского языка, именно — наддиалектной нормы или литературного языка, т. е. такое общиндоевропейское состояние, которое свободно от наличия конститутивных диалектных признаков. Следовательно, должна быть отброшена возможность приписать общиндоевропейскому языку ряд диалектных особенностей. То, что некоторыми исследователями описывается как диалектные разновидности общиндоевропейского языка: альтернатива *bh/m* в некоторых падежах именной парадигмы, *su-/si-* в местном падеже мн. ч., фономорфологические варианты в форме личного местоимения первого лица ед. ч., известные чередования в системе гуттуральных, наличие/отсутствие аугмента в глагольной парадигматике и пр., на самом деле представляет позднейшие образования эпохи стабилизации отдельных ареалов индоевропейской языковой общности и с точки зрения относительной хронологии является анахронизмом.

Принято описывать вычленение отдельных ареалов индоевропейской языковой общности в виде конституирования большего или меньшего количества диалектных изоглосс. Понятие изоглоссы²⁵, утвержденное в лингви-

²⁵ См. об этом: Э. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, стр. 16—25.

стической географии и извлеченное из практики составления атласов и описания живых говоров, было перенесено в первой половине XX в. в методiku индоевропейского сравнительного языкознания и стало конститутивным элементом при построении индоевропейской диалектологии. Кумуляция изоглосс фонетического, морфологического, синтаксического и лексического уровней языка рассматривается как свидетельство разнообразных контактов между отдельными индоевропейскими ареалами, а наличие и объем перекрещивающихся изоглосс должны обнаруживать более тесные связи различных ареалов. Данная методика исследования отражена в работах французской и итальянской школы компаративистов и в монографии В. Порцига 1954 г.²⁶ Обращает на себя внимание полное отсутствие каких-либо принципов или критериев при отборе и нагромождении изоглосс, при описании членения индоевропейской языковой общности и конституирования отдельных ареалов. Подбор изоглосс разных уровней языка, чаще всего случайный или ничем не мотивированный (или мотивированный лишь тем, что данная изоглосса представлена или отсутствует в различных ареалах), не может не привести к калейдоскопу конфигураций отдельных индоевропейских ареалов, меняющихся в зависимости от субъективных установок исследователя.

Необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что в любой лингвистической процедуре, в том числе и в сравнительном индоевропейском языкознании, первоосновой всякого описания является строгое соблюдение принципа иерархичности как самих лингвистических единиц и отношений между ними, так и уровней языка. Перенесенная во временную плоскость иерархичность означает не что иное, как строгое соблюдение принципа относительной хронологии. Не подлежит сомнению, что подбор таких изоглосс, как определенное структурирование подсистемы сонантов, наличие аугмента, наличие *-m* в абсолютном исходе слова, наличие/отсутствие лексем для обозначения *орла, коня, солнца* и пр.²⁷, не дает никакого основания для вычленения определенного индоевропейского ареала или для выяснения его контактов с другими ареалами и явля-

²⁶ W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.

²⁷ См.: W. Porzig. Указ. соч., стр. 79 и 161—162.

ется грубым нарушением указанных обязательных принципов лингвистического анализа. Вопрос осложняется еще и тем обстоятельством, что отдельные заведомо архаические изоглоссы разных уровней языка могут сохраняться в виде реликтов в отдельных индоевропейских языках, и тем самым они ничего не говорят о временной глубине того языка или ареала, где представлена данная изоглосса.

Излишне также указывать на то, что не получает никакого уточнения понятие изоглоссы применительно к общеиндоевропейскому состоянию и его дальнейшей дезинтеграции. Нельзя не прийти к выводу, что оперирование диалектными изоглоссами в индоевропейском сравнительном языкознании без учета их иерархического порядка и без разграничения их возможной хронологической соотнесенности, их механическая кумуляция при вычленении и характеристике отдельных индоевропейских ареалов, отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка, и должно быть отброшено.

Представляется настоятельной необходимостью замена вышеописанной процедуры атомистического изоглоссного анализа процедурой вычленения микросистем разных уровней языка при строгом соблюдении принципов иерархичности и относительной хронологии как микросистем, так и уровней языка. Сопоставление и соположение ряда микросистем различных индоевропейских языков на основе внутренней и сравнительной реконструкции (принцип иерархичности сказывается в данном случае и в том, что сравнительная реконструкция должна быть иерархически всегда подчинена внутренней реконструкции!) даст возможность установить наличие/отсутствие определенных континуумов, позволяющих говорить о стабилизации отдельных индоевропейских ареалов.

Стабилизация отдельных индоевропейских континуумов происходила как в рамках развертывания исконных общеиндоевропейских элементов, сохранения или элиминирования различных вариантов разных уровней общеиндоевропейского литературного языка, так и в рамках образования известной совокупности конститутивных признаков, возникших в результате контактирования родственных и неродственных языков, втягивавшихся в раз-

личные языковые союзы. Для всего комплекса проблем, связанных с членением индоевропейской языковой общности, центральным понятием оказывается языковое пространство. Именно оно структурирует, одновременно пивелируя и контрастируя, многообразные микросистемы тех языков, которые по ряду причин оказались втянутыми в данное языковое пространство, накладывая на них неизгладимый отпечаток пространственной характеристики. В языковом пространстве нет места для разграничения генетически родственного и неродственного, своего и чужого, исконного достояния и разного рода заимствований — все эти гетерогенные элементы как бы унифицируются и сублимируются в новой языковой структуре, формируемой данным пространством.

Следовательно, членение индоевропейской языковой общности ничего общего не имеет с картиной постепенного распада индоевропейского праязыка и превращения диалектных особенностей общеиндоевропейской эпохи в некое структурное целое, дающее впоследствии основание для формирования и развития отдельных индоевропейских языков. Языковое пространство, формируя и структурируя языковой союз, всегда таит в себе возможность, часто получающую реализацию, решительного перерыва языковой эволюции и создания из гетерогенных элементов в генетическом и структурном отношении нового единства.

Таким образом, и с этой стороны получает подтверждение положение о невозможности восстановления индоевропейских диалектов и в теоретическом отношении полной бесплодности попыток в этом направлении. Следствием из данного положения является постулат о невозможности и нецелесообразности проекции структурных черт отдельных индоевропейских ареалов в общеиндоевропейское состояние как пучка диалектных изоглосс, приписываемых данному состоянию. Между диалектами общеиндоевропейского языка, противопоставленными индоевропейской литературной норме и недоступными для реконструкции, и отдельными ареалами индоевропейской общности лежит ничем не заполнимая пропасть. Методически чрезвычайно слабая фундированность индоевропейской диалектологии, ее беспочвенность и противоречивость ее выводов, бездоказательный и необязательный характер ее постулатов явились прямым следствием того, что были неправильно

сформулированы ее задачи и проблема членения индоевропейской языковой общности оказалась подмененной мнимой проблемой общеиндоевропейских диалектов и их дальнейшей эволюции.

Проблема членения индоевропейской языковой общности — это описание многоступенчатых и неоднократно имевших место процессов интеграции и реинтеграции языковых континуумов как в терминах генетического родства, так и в терминах типологического сродства. Языковые союзы следует рассматривать как один из самых мощных факторов, способствовавших преобразованию исконных общеиндоевропейских моделей структурирования отдельных уровней языка в различных ареалах и созданию известной совокупности инноваций, характерных для всего последующего развития индоевропейских языков. Конституирование языковых союзов могло вести одновременно к установлению резких границ между близкородственными языками, которые втягивались в различные языковые союзы (ср., например, историю иранских и индийских языков), и к нивелированию структурных различий между родственными и неродственными языками (ср., например, тенденции в развитии скандинавских и финно-угорских языков).

Таким образом, различные опыты описания членения индоевропейской языковой общности, в основе которого лежит учение о дифференциации общеиндоевропейского языка на отдельные ареалы путем экспансии и обособления его диалектных особенностей, должны рассматриваться как неудовлетворительные. Можно указать на теорию волн, которая является весьма односторонним описанием процесса стабилизации различных индоевропейских континуумов, предполагающим лишь иррадиацию из одного центра с постепенным затуханием и отсутствием резких различий между отдельными континуумами. Можно указать также на членение индоевропейской языковой общности на два ареала — восточный и западный, утвердившееся в работах ряда компаративистов²⁸, которое не отвечает строгости лингвистического описания и должно быть отброшено. Дело в том, что общие восточному или западному ареалу конститутивные признаки

²⁸ См. об этом: Э. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, стр. 46—57.

при ближайшем рассмотрении оказываются принадлежностью лишь части соответствующего ареала или оказывается возможным доказать их более позднее возникновение.

Отсутствие глобальных конститутивных особенностей восточного или западного ареалов ставит под сомнение реальность самого членения. В свете всего вышеизложенного можно утверждать, что исходного состояния структурной общности языков восточного и западного ареала, явившегося следствием распада индоевропейского праязыка на две ветви — восточную и западную, вообще не существовало и что различные черты структурной общности явились следствием контактирования нескольких индоевропейских языков, втянутых в определенный языковой союз.

Описать членение индоевропейской языковой общности означает дать описание, обоснование и анализ многообразных и мощных языковых контактов.

В этой связи особый методологический интерес представляет подробный анализ родственных отношений индийских и иранских языков, несомненная близость которых привела исследователей, как известно, к постулированию исконного индоиранского языкового единства и, следовательно, к установлению их общего арийского языкового состояния.

III

Значительная близость иранских и индоарийских языков в их древнейшем состоянии (авестийский, древнеперсидский — с одной стороны, ведический, санскрит — с другой) в области фонетики, грамматики, лексики не подлежит сомнению. Можно даже утверждать, что из всех известных индоевропейских языков столь значительная структурная близость характерна лишь для индоиранского ареала. Вполне естественной поэтому представляется постановка вопроса о причинах и факторах, повлекших за собой столь разительное сходство двух групп древних индоевропейских языков. В сравнительном индоевропейском языкознании безоговорочное признание получила гипотеза, впервые обоснованная Б. Дельбрюком²⁹, со-

²⁹ В. Delbrück. Einleitung in das Sprachstudium. Strassburg, 1880. — Следует особо отметить, что Б. Дельбрюк уже в то время из всех

гласно которой индийские и иранские языки восходят к общему индоиранскому языку, с распадением которого образовались две группы: индийская и иранская и тем самым структурная общность обеих групп языков объяснялась сохранением или консервацией общих черт, восходящих к эпохе индоиранской общности. Нет сомнения, что в основе этого объяснения лежала теория родословного древа индоевропейских языков А. Шлейхера, принимавшая наличие ряда ареальных праязыков, являющихся промежуточными звеньями между индоевропейским праязыком и отдельными индоевропейскими языками. В дальнейшем развитии сравнительного языкознания, особенно после появления и бурного развития диалектологии и лингвистической географии и тех выводов, которые были сделаны из методики данных дисциплин для сравнительной грамматики индоевропейских языков, существование таких ареальных праязыков, как итало-кельтский и балто-славянский, было поставлено под сомнение и стало предметом многочисленных и нескончаемых контроверз, не закончившихся и в настоящее время ³⁰. Однако гипотеза индоиранского праязыка на фоне той ожесточенной бури, которая была вызвана полемикой между сторонниками и противниками существования индоевропейских ареальных праязыков, продолжала свое безмятежное существование. Более того, в начале XX в., в монографии А. Мейе ³¹, она подверглась некоторой модификации и приняла тот канонический облик, который остался незабываемым на протяжении XX в., и именно в этом виде данная гипотеза представлена во всех руководствах и исследованиях по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Для объективной оценки данной гипотезы

ареальных индоевропейских языков единственно научно обоснованным признавал лишь существование индоиранского праязыка. В шестом издании этой же книги (Leipzig, 1919, стр. 249) Б. Дельбрюк признавал индоиранское и балто-славянское контактирование.}

³⁰ См. последнюю обобщающую работу по данному вопросу с обширной библиографией: «Ancient Indo-European dialects», edited by H. Birnbaum, J. Puhvel. Berkeley and Los Angeles, 1966; см. также: С. Marstrand. De l'unité italo-celtique. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd. III, 1929; O. Szemerényi. The problem of Balto-Slav unity. «Kratylos», 2, 1957; С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

³¹ A. Meillet. Les dialectes indo-européens. Paris, 1950 ².

в свете современного состояния сравнительного индоевропейского языкознания представляется необходимым подробно рассмотреть аргументацию А. Мейе в его уже упоминавшейся книге, в которой он указывал на то, что «из всех (индоевропейских. — Э. М.) диалектных групп, для которых следует постулировать эпоху языковой общности после распада общеиндоевропейского языка, индоиранская группа является единственной, реальность которой прямо засвидетельствована... Следует определить, на основе каких данных устанавливается языковая общность диалектов после их выделения из индоевропейской общности; индоиранская группа обнаруживает целый ряд специфических особенностей, которые более нигде не встречаются и которые восходят к эпохе совместной жизни (носителей. — Э. М.) данной группы диалектов»³². К таким особенностям, которые более нигде не встречаются, А. Мейе относил следующие явления.

1. Общность имени для обозначения индийских и иранских народов: авест. *airya-*, др.-перс. *ariya-*, др.-инд. *ār(i)yas* 'ариец'.

2. Гласные *ē, ō, ā* > *ǎ* с вытекающей отсюда утратой качественного и, соответственно, развитием количественного чередования.

3. Переход *e* > *i*.

4. Действие в этих языках (и только в них) закона Бартоломэ.

5. Проникновение формата *-n-* в род. п. мн. ч. у гласных основ.

6. Форматив род. ~ отлож. п. ед. ч. у *ā*-основ — *āyā*.

7. Форматив 3-го л. императива *-u*: др.-инд. *bháratu*, авест. *baratu* 'пусть несет'.

8. Определенное парадигматическое тождество, например, в парадигме личного местоимения 1 л.

А. Мейе заключал: «Ни один индоевропейский язык не обнаруживает даже в отдаленной степени подобных тотальных совпадений, доходящих до мельчайших подробностей, как это имеет место в индоиранских языках»³³.

А. Тумб и Р. Хаушильд в своей «Грамматике древнеиндийского языка»³⁴, давая характеристику арийского

³² А. Meillet. Les dialectes indo-européens, стр. 24—25.

³³ Там же, стр. 25—27.

³⁴ А. Thumb, R. Hauschild. Handbuch des Sanskrit. T. I. Heidelberg, 1958, стр. 56.

праязыка, добавляют к вышеприведенному списку А. Мейе следующие явления:

9. Палатализация гуттуральных как в языках группы «satəm».

10. Переход $s > \check{s}$ в позиции после $-i-$, $-u-$, $-r-$, $-k-$.

11. Форматив $-mi$ в 1-м л. ед. ч. у тематических и атематических глаголов.

Прежде чем будут рассмотрены данные критерии, которые позволяют конституировать индоиранское языковое единство, необходимо остановиться на вопросе, какие признаки являются достаточным основанием для признания, что индийские и иранские языки восходят к единому индоиранскому праязыку? Это прежде всего — инновации, совместно пережитые индийскими и иранскими языками, характерные лишь для данных языков и не встречающиеся в других индоевропейских языках. Именно это имел в виду Мейе, перечисляя индоиранские специфические особенности, «которые более нигде не встречаются». Данный вопрос теснейшим образом связан с проблемой инноваций и архаизмов в индоевропейских языках и их удельным весом при определении степени родства между различными индоевропейскими языками. Поскольку мне уже неоднократно приходилось останавливаться на этом вопросе³⁵, в данной работе я укажу на следующие моменты. При определении степени родства между отдельными индоевропейскими языками решающее значение принадлежит выявлению инноваций, общих для двух языков и не характерных для прочих индоевропейских языков. Однако этого еще недостаточно. Следует строго различать между существенными и несущественными инновациями при определении степени языкового родства.

Существенными инновациями следует считать такие инновации, которые охватывают лишь определенные языки или языковые группы и не распространяются на другие языки или ареалы. Так, переход \check{e} , \check{o} , $\check{a} > \check{a}$ в индоиранских языках является существенной инновацией, ибо синкретизм кратких и долгих кардинальных гласных

³⁵ См.: Э. А. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, стр. 25—33; 56—57; *Он же*. Именное склонение в ведическом и санскрите. — ВЯ, 1964, № 6, стр. 94—101; Э. А. Макаев. Archaismen und Innovationen im Vedischen. «Pratidānam F. V. Y. Kuiper», 's Gravenhage, 1969, стр. 32—38.

в одной фонеме /ǣ/ из всех индоевропейских языков имел место только в индоиранских языках.

Несущественными инновациями следует считать такие инновации, которые охватывают многие индоевропейские языки, которые представляют большую важность при описании эволюции морфологического строя индоевропейских языков, но которые при определении степени родства между двумя языками или ареалами не представляют никакого интереса и не должны приниматься во внимание. Так, процесс тематизации основ был характерен не только для индоиранских, но для подавляющего большинства индоевропейских языков, и поэтому данное явление не может использоваться как один из признаков, характеризующих постулируемое индоиранское языковое единство. Итак, при определении степени языкового родства между двумя языками или ареалами следует учитывать лишь существенные инновации.

Что касается архаизмов, то они позволяют определить дистанцию между общиндоевропейским языком и определенным этапом развития какого-либо индоевропейского языка, но при определении степени родства между двумя языками они оказываются irrelevantными и не должны приниматься во внимание. В этом случае архаизмы оказываются функционально тождественными несущественным инновациям. С данной трактовкой инноваций и архаизмов, которую мне приходилось неоднократно обосновывать в вышеупомянутых работах, интересно сравнить анализ инноваций и архаизмов, предложенный Е. Куриловичем, который указывает на то, что «Это разделение на характерные и нехарактерные («банальные») черты переплетается с другим: рассматриваемые общие черты могут быть или новообразованиями, или архаизмами. Причем опять-таки на первый план выдвигаются новообразования как доказательство языковой общности, проявляющейся позитивно или действенно; наоборот, общие архаизмы, свидетельствующие об общем отсутствии изменений на соответствующем участке языковой системы, имеют негативный характер и соответственно с этим ценность лишь дополнительного аргумента... Нехарактерные факты, такие, как общность или сходство фонетических и грамматических изменений банального типа, а также аргументы негативного свойства, такие, как сохранение без изменений старых фонетических или грамматических

черт, должны быть приняты во внимание только в другом плане как подтверждение решающих аргументов, какими являются общие характерные новообразования. Схематически это можно представить так:

	Новообразования	Архаизмы
Характерные	<i>a</i>	<i>b</i>
Банальные	<i>c</i>	<i>d</i>

Из этих четырех рубрик только *a* включает основные аргументы для доказательства языковой общности. Две другие (*b*, *c*) не могут быть самостоятельными доказательствами, а *d* практически не имеет доказательной ценности (ср., например, сохранение названий чисел, родства, местоимений и т. п.)... Но и в области характерных новообразований (рубрика *a*) важность отдельных аргументов неодинакова. Конечно, трудно отдать предпочтение огульно либо фонетической эволюции, либо изменениям морфологического строя или функций. Чем более специфично и сложно изменение, тем более будет поражать соответствие между обнаруживающими его языками. Наиболее же характерны, по нашему мнению, те изменения, которые идентичны в обоих языках не только по своим конечным результатам, но и в промежуточных стадиях»³⁶.

После этих общих замечаний об инновациях и архаизмах можно перейти к рассмотрению списка Мейе и Тумба — Хаушильда.

Мейе указывает прежде всего на общее этническое обозначение древнейших представителей индийских и иранских племен — «арья» (авест. *a¹rya-*, вед. *ārya-*). Но не говоря уже о неясности этимологии данного этнонима³⁷, можно полагать на основе филологической интерпретации данного термина в древнеиндийском и древнеиранском языках³⁸, что «арья» обозначал свободных, полноправных людей, возможно, чужеземцев-победителей, в отличие от ими покоренных, побежденных племен

³⁶ *Е. Курилович. О балто-славянском языковом единстве. «Вопросы славянского языкознания», 3. М., 1958, ст. 15—16.*

³⁷ *М. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, I. Heidelberg, 1956, стр. 52, 79.*

³⁸ См.: *P. Thieme. Der Fremdling im Rgveda. Leipzig, 1938; Он же. Mitra and Aryaman. New Haven, Connecticut, 1957.*

«дасью»³⁹. Сравним, например, в Ригведе: *ābhir víśvā abhiyújo víṣucīr āryāya víśó' va tārīr dāsiḥ* 'С этими отгони все атаки, подчини арийцу дасийские племена' (*R̥gveda*, Мандала VI, 25, 2)⁴⁰. Таковыми могли быть представители родственных, но различных племен. Во всяком случае, общность этнического термина вовсе не означает, что древнеиндийские и древнеиранские племена должны непременно восходить к е д и н о м у арийскому племени (скорее всего такого племени вообще никогда не существовало, а «арья» было первоначально не этническим, а социальным термином), а индийские и иранские языки — к одному индоевропейскому диалекту, как то предельно ясно было сформулировано В. Бранденштайном: «Среди индоевропейских языков индоиранские языки образуют замкнутую группу, т. е. они находятся друг с другом в более тесном родстве, чем с каким-либо другим индоевропейским языком. Поэтому можно полагать, что данная группа языков восходит к о д н о м у (подчеркнуто автором. — Э. М.) индоевропейскому диалекту, хотя и не в смысле схемы родословного древа. Этот индоевропейский диалект принято называть «арийским», так как и в Индии, и в иранской области термин «арийский» применялся как самообозначение собственного народа»⁴¹. Мейе со свойственной ему точностью и осторожностью в выводах был, несомненно, более прав, когда приходил к следующему заключению: «...индийский и иранский несомненно восходят к различным индоевропейским диалектам, а эпоха их совместного развития не привела к их полному слиянию. Изоглоссы падения *ə внутри слова и трактовка *wu являются водоразделом между индийским и иранским; кроме того, можно указать на определенные лексические совпадения, наблюдающиеся в иранских и славянских языках, и которые в то же время не распро-

³⁹ Э. А. Грантовский. Арии. «Советская историческая энциклопедия», т. I. М., 1961, стр. 726; В. И. Абаев. Из истории слов. — ВЯ, 1958, № 2.

⁴⁰ *Th. Aufrecht*. Die Hymnen des Rigveda. Berlin, 1955; перевод дается по кн.: *K. Geldner*. Der Rig-Veda, I—III. Cambridge, Massachusetts, 1951; *H. Grassmann*. Wörterbuch zum Rig-Veda. Wiesbaden, 1955, стр. 185: «*Ursprünglich der zu den Treuen gehörige, daher der Arier als Benennung der indischen (wie auch der iranischen) Stämme, im Gegensatz gegen die Fremden dāsyu*».

⁴¹ *W. Brandenstein, M. Mayrhofer*. Handbuch des Altperisischen. Wiesbaden, 1964, стр. 1.

страняются на древнеиндийский язык. Эти две языковые группы, хотя и развивались параллельно, продолжали все же оставаться в некоторой степени различными⁴².

Затем Мейе указывает на переход индоевропейских гласных *ě, ā, ō* > индоиранское *ā*. Данное явление, бесспорно, образует существенную инновацию (см. стр. 28), но оно будет рассмотрено ниже в связи с некоторыми особенностями подсистемы индоиранских согласных.

Далее Мейе перечисляет некоторые явления, которые заслуживают особого рассмотрения. Дело в том, что ряд этих явлений относится к несущественным инновациям и тем самым они не обладают доказательной силой для обоснования гипотезы индоиранского языкового единства или арийского праязыка.

Проникновение форматива *-n-* в род. п. мн. ч. у гласных основ характерно не только для древнеиндийского и древнеиранского, но и для германских языков⁴³. Такой же несущественной инновацией является указание Мейе на форматив 3-го л. императива *-i*: др.-инд. *bhāratu*, авест. *baratu* 'пусть несет', ибо данное образование не ограничивается только индоиранским ареалом; так, в хетто-лувийских языках представлено то же образование: ср. др.-инд. *āstu*, авест. *astū*, хетт. *estu* (3-е л. ед. ч. императ. глагола 'быть'); др.-инд. *sāntu*, др.-авест. *hēntū*, хетт. *ašantu* (3-е л. мн. ч. глагола 'быть')⁴⁴. «Возможно, форматив *-i* представлен также в готском языке; ср. готск.

⁴² *A. Meillet*. Указ. соч., стр. 27.— И. М. Оранский справедливо подчеркивает, что «предки ираноязычных племен, создавших Авесту, и предки индоязычных племен, создавших Веда, жили в глубокой древности вместе, на одной общей территории, говорили на близкородственных друг другу арийских диалектах»; *И. М. Оранский*. Введение в иранскую филологию. М., 1960, стр. 43.— Хотя автор, как и все исследователи до него, не сомневается в том, что «эти языки генетически родственны, что они восходят к одному общему источнику — арийскому языку-основе» (там же, стр. 48).

⁴³ «Сравнительная грамматика германских языков», т. III. М., 1963, стр. 182—183; *A. Thumb, R. Hauschild*. *Handbuch des Sanskrit*, II, Heidelberg, 1959, стр. 48.

⁴⁴ *H. Kronasser*. *Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen*. Heidelberg, 1956, стр. 208—209; *A. Kammenhuber*. *Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch*. *Handbuch der Orientalistik*, Bd. 2, Lief. 2. *Alt Kleinasiatische Sprachen*. Leiden/Köln, 1969; *H. Reichelt*. *Awestisches Elementarbuch*. Darmstadt, 1967², стр. 129—130; *H. Kronasser*. *Etymologie der hethitischen Sprache*. Bd. I, Wiesbaden, 1966, стр. 370 и сл.

bairadau, bairandau 'пусть несет, пусть несут'⁴⁵. Что касается перехода $\text{ə} > i$, то данный процесс, как отмечает сам Мейе, не сближает, а разделяет индийские и иранские языки. Таким образом, из всех перечисленных Мейе особенностей действительную силу имеют лишь: вторая — синкретизм гласных; четвертая — действие закона Бартоломэ; шестая — форматив $-\bar{a}y\bar{a}$ (у \bar{a} -основ); восьмая — известное тождество ряда парадигматических звеньев.

Те же значения относятся к списку Тумба—Хаушильда. И в данном случае речь идет о несущественных изоглоссах или инновациях. Так, палатализация гуттуральных охватывает с большей или меньшей степенью интенсивности весьма значительный индоевропейский ареал группы «satəm»; естественно, что данная инновация не может быть использована как одно из доказательств существования общearийского языка. То же замечание относится и к переходу $s > \check{s}$ в позиции после $-i-$, $-u-$, $-r-$, $-k-$. Данный переход характерен не только для индоиранских, но и для славянских и частично для балтийских языков. Г. Бройер с полным основанием замечает, что «Начало этого фонетического процесса, по всей вероятности, восходит еще к индоевропейской эпохе и должно рассматриваться как диалектная особенность определенного индоевропейского ареала на основании того, что при тех же условиях происходил переход $s > \text{ʃ}$ в древнеиндийском, $s > \check{s}$ в древнеиранском, а также в остатках представленный переход $s > \check{s}$ в литовском (чаще всего после $-r-$ и $-k-$)⁴⁶. К тому же выводу приходит Г. Шевелов: «Все эти различия в диапазоне перехода ($s > \check{s} > x$. — Э. М.) и в его хронологии доказывают, что переход $s > x$ в славянском не был частью и фрагментом индоиранской эволюции, хотя бесспорное сходство в двух процессах развития является свидетельством общего отправного пункта в рамках диалектного индоевропейского языка и обнаруживает позднейшее иранское влияние на славянские языки»⁴⁷.

Наконец, то же замечание относится и к последнему пункту, к формативу $-mi$ в 1-м л. ед. ч. у тематических и

⁴⁵ W. Krause. Handbuch des Gotischen. München, 1968, стр. 227.— Автор сопоставляет готск. bairandau с греч. φέρειω + частица -и.

⁴⁶ H. Bräuer. Slavische Sprachwissenschaft, I. Berlin, 1961, (Sammlung Götschen), стр. 178.

⁴⁷ G. Shevelov. A prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 129.

атематических глаголов. Не говоря уже о том, что именно в данном случае обнаруживается существенное различие между древнеиндийским и древнеиранским (ср. др.-инд. bhāgāmi, авест. barāmi 'я несущу', но др.-авест. spasyā 'наблюдаю, смотрю'), проникновение форматива *-mi* в тематические глаголы наблюдается не только в индоиранском ареале, но характерно также для армянского и кельтских языков (ср. арм. berem 'я несущу', др.-ирл. benim 'я ударяю', gaibim 'я беру'). Г. Льюис и Х. Педерсен замечают: «1 л. ед. ч. настоящего простого имеет правильное окончание на *-i* в 1 спряжении в древнеиранском языке (biru 'я несущу', tiagu 'иду', arso 'ищу') ... В среднеиранском языке преобладающим всюду стало окончание *-im*. В сложных формах также употребляется простое окончание *-im*»⁴⁸.

Таким образом, большинство из рассмотренных изоглосс, приводимых Мейе и Тумбом — Хаушильдом для доказательства реального существования индоиранской языковой общности или арийского праязыка, на самом деле оказываются несущественными инновациями, которые в лучшем случае свидетельствуют о наличии определенных индоевропейских ареалов, о более или менее интенсивных контактах между ними, но которые не дают основания для постулирования общеарийского языка.

Теперь рассмотрим бесспорно существенную инновацию, охватывающую индоиранский ареал, а именно переход и.-е. $\check{e}, \check{o}, \check{a} > \check{a}$ в данном ареале. Хотя переход $\check{o} > \check{a}$, а частично и $\check{e} > \check{a}$ наблюдается в разных индоевропейских ареалах⁴⁹, не подлежит сомнению, что синкретизм кратких и долгих гласных $\check{e}, \check{o}, \check{a} > \check{a}$ четко очерчивает индоиранский ареал. В какой мере это является доказательством существования общеарийского языка? Исследователи обычно не связывали данное явление с особенностями индоиранского консонантизма, а именно эта взаимозависимость чрезвычайно важна для поставленного вопроса. Дело в том, что имевшая место в предыстории

⁴⁸ Г. Льюис, Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 332—333.

⁴⁹ Ср. $\check{o} > \check{a}$ в инд.-ир., герм., лит., частично в арм.: Н. Krahe. Indogermanische Sprachwissenschaft, I. Berlin, 1962 (Sammlung Götschen), стр. 56; переход $\check{e} > \check{a}$ в тох. А (тох. А. ak, тох. В. ek 'глаз', тох. А. kam, тох. В. keme 'зуб'); W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch, I. Heidelberg, 1960, стр. 53.

индийских и иранских языков первая и вторая палатализация гуттуральных протекала неодинаково в данных языках. В протоиранском и.-е. $\hat{k}, \hat{g}, \hat{gh} > \acute{s}, \acute{z}, \acute{zh}$ (авест. *s, z*), т. е. I палатализация: ср. др.-инд. *sátám*, авест. *satəm* 'сто'; др.-инд. *jānu*, авест. *zānu* 'колено'; др.-инд. *himá-* 'снег', авест. *zima-* 'зима'. Протоиранские *k, g, gh* перед \acute{e} и \acute{i} $> \acute{c}, \acute{j}, \acute{jh}$ (авест. *č, ř*), т. е. II палатализация: ср. др.-инд. *sácate*, авест. *hačaiti* 'следует'; др.-инд. *jīvati*, авест. *řvaiti* 'живет'; др.-инд. *hánti*, авест. *řainti* 'ударяет, убивает'.

Таким образом, в предыстории иранских языков фонемные ряды, возникшие в результате действия I и II палатализации, противопоставлены и не подвергаются синкретизму. В то же время в предыстории индийских языков контраст $\acute{s}, \acute{z}, \acute{zh} \sim \acute{c}, \acute{j}, \acute{jh}$ сведен лишь к противопоставлению $\acute{s} \sim c$, в др.-инд. $j < \acute{z}$ и \acute{j} , а др.-инд. $h < \acute{zh}$ и \acute{jh} . Не подлежит сомнению, что протоиранское состояние не только отлично от протоиндийского, по что он явно древнее протоиндийского⁵⁰. В то же время не приходится доказывать, что явления I и II палатализации древнее перехода $\acute{e} > \acute{a}$ в индоиранском ареале⁵¹. Следовательно, переход $\acute{e}, \acute{a}, \acute{o} > \acute{a}$ является общеарийским и протекает тождественно в индийских и иранских языках, тогда как явления палатализации протекают различно в указанных языках и восходят к более древней эпохе. Итак, в начале, в предыстории индийских и иранских языков в подсистеме согласных обнаруживаются различия, а значительно позже в подсистеме гласных обнаруживаются тождественные явления. Как объяснить это парадоксальное явление?

Единственно приемлемым представляется объяснение, согласно которому указанные явления в области согласных (палатализация) и в области гласных (синкретизм) протекали параллельно, но независимо в индийских и

⁵⁰ См.: *K. Hoffman*. Altiranisch. Handbuch der Orientalistik, Bd. IV. Iranistik. Leiden — Köln, 1958, стр. 3.

⁵¹ См.: *K. Brugmann*. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904, стр. 165; «Der urar. Wandel von \acute{e} in \acute{a} war jünger als die Palatalisierung»; *T. Burrow*. The Sanskrit language. London, 1955, стр. 77; «The second palatalisation took place fairly early in the development of Indo-Iranian, before the change of \acute{e} to \acute{a} which distinguishes this branch from the rest of Indo-European»; *M. Mayrhofer*. Sanskrit Grammatik. Berlin, 1965, стр. 21.

иранских языках, обнаруживая и сходства и различия. Это положение с неизбежностью подводит к заключению, что протоиндийский и протоиранский языки восходят к близкородственным, но различным индоевропейским диалектам (см. выше пояснение Мейе), а не к мнимому общеарийскому языку, ибо в данном случае мы ожидали бы строго логически обратного результата, а именно: в начале общеарийской эпохи должно было наблюдаться структурное сходство или тождество в подсистеме гласных и согласных, а в более позднее время должны были сказаться различия, которые неизбежно привели бы к распаду первоначального языкового единства⁵².

Следовательно, коронный пример для постулирования эпохи индоиранской языковой общности, приводимый всеми исследователями, свидетельствует лишь о том, что протоиндийский и протоиранский языки восходят к различным индоевропейским диалектам. Но данный пример поучителен и в другом отношении: рефлексy I и II палатализации в иранском ареале показывают, что в данном случае протоиранское состояние оказывается более древним, чем протоиндийское состояние. Это подводит к вопросу о различиях между протоиндийским и протоиранским состоянием. Следует со всей определенностью подчеркнуть, что исследователи, описывая древнейшее состояние индийских и иранских языков, слишком большое внимание уделяли чертам структурного сходства между данными группами языков, не придавая особого значения структурным различиям между ними и чаще всего рассматривая иранское состояние как более позднее по сравнению с древнеиндийским состоянием. Тем самым общеарийский язык в значительной степени совпадал с протоведическим состоянием. Так, Тумб и Хаушильд прямо подчеркивали: «Древнеиндийский обнаруживает в фоне-

⁵² Н. Минисси указывает на то, что «слишком упрощенческая концепция доисторической эпохи уступила место другой, согласно которой развитие различных явлений, особенно в области согласных, характерных для индийских и иранских языков, было обусловлено действием тенденций, протекавших параллельно, но независимо». См.: *N. Minissi. Il vocalismo del protoario. «Studia classica et orientalia Antonio Pagliaro oblata», III. Roma, 1969, стр. 119.* В данной работе автор, на основе анализа индоиранских заимствований в финно-угорских языках, пытается определить относительную хронологию синкретизма $\check{e}, \check{o} > \check{a}$ в протоиндийском.

тике и грамматике примечательные совпадения с древнеиранским. Эти общие черты оба диалекта, естественно, наследовали из общеарийского языка, который не представляет затруднения восстановить на основе сравнения обоих диалектов и который, впрочем не очень сильно отличался от ведического наречия»⁵³. В другом месте автор указывает на то, что: «Иранский в большей степени отличается от общеарийского языка, чем древнеиндийский; так, для него характерен переход общеарийского $-s > h$ (ср. др.-инд. *saṛva-*, авест. *haurva-*, др.-перс. *haruva-* 'целый', 'весь'); затем спондантизация гуттуральных в группах согласных (ср. др.-инд. *putra-*, др.-перс., авест. *puθra* 'сын'; др.-инд. *kṣatra-*, авест., др.-перс. *xšaθra* 'господство'); затем утрата аспирианта (ср. др.-инд. *iha*, где $h < dh$; ср. ср.-инд. *idha*, авест. (Гаты) *ida*, др.-перс. *idā* 'здесь') и т. д.»⁵⁴. С данными рассуждениями невозможно согласиться. Обратимся прежде всего к различиям, наблюдаемым в области фонетики, морфонологии и морфологии между древнеиранским и древнеиндийским языками.

Ф о н е т и к а

Выше уже указывалось на существенные различия в трактовке результатов I и II палатализации гуттуральных в протонидийском и в протоиранском, при этом подчеркивалось, что иранское состояние является более древним.

Различные рефлексy и.-е. группы $*d^2d$: ир. (младоавест.) *dazdi*, др.-инд. *dehí* 'дай' $<$ и.-е. $*de-d^2dhi <$ $< *de-d-dhi$. X. Райхельт отмечает, что в плане относительной хронологии исчезновение $-d-$ является более поздним феноменом, чем переход $s, z > š, ž$ после i, u ⁵⁵.

Различные рефлексy и.-е. группы $*tt : t^st >$ авест. (Гаты) *vōistā*, др.-инд. *véttha* 'ты знаешь', младоавест. *čistiš*, др.-инд. *cittih* 'мысль', 'размышление'⁵⁶.

Переход $s > h$ в иранском: др.-инд. *saṛva-*, авест. *haurva-* 'целый, весь'.

Деаспирация и.-е. $*bh, *dh, *gh$: младоавест. *brātā*, др.-инд. *bhrātā* 'брат', авест. (Гаты) *var^odaitī*, др.-инд.

⁵³ А. Thumb, R. Hauschild. Handbuch des Sanskrit, стр. 55—56.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ H. Reichelt. Указ. соч., стр. 36—37.

⁵⁶ Там же, стр. 33.

várdhati 'он увеличивает', младоавест. gar^omō 'жаркий'
др.-инд. ghar^{má}- 'жара'⁵⁷.

Спирантизация глухих аспирированных смычных:
*ph, *th, *kh > ир. f, θ, x; младоавест. safəm, др.-инд.
śaphám 'копыто', авест. (Гаты) dadāvā, др.-инд. dadātha
'ты дал', младоавест. xumbá-, др.-инд. kumbhá < *khumb-
ha 'горшок'⁵⁸.

Различные рефлексy п.-е. группы *kʰ (k^uʰ) и *k'ʰ:
авест. xšaya- 'господствовать', др.-инд. ksaya- 'господ-
ствовать' < *kʰ; авест. šaē'ti, др.-инд. kṣeti 'он живет'.
К. Хоффман отмечает, что в древнеиндийском отмечается
синкретизм п.-е. *kʰ и *k'ʰ > kṣ, в то время как в иранском
п.-е. kʰ > xš, а п.-е. k'ʰ > š⁵⁹.

Различная трактовка -ə- внутри слова в индийском и
в иранском (см. замечание Мейе выше): отмечается отсут-
ствие -ə- в иранском при наличии -ə- в древнеиндийском;
ср. др.-инд. dráviṇas-, авест. draonah- 'владение', др.-
инд. vṛṇíté, авест. vər^ontē 'он выбирает', др.-инд. duhi-
tā, авест. (Гаты) dug^odā 'дочь'⁶⁰.

Различная трактовка п.-е. *r̄ и ṝ в индийском и в иран-
ском: др.-инд. > ṛ, ṛ; авест. > ar; др.-инд. rúḡ, авест.
paraōš 'много'; др.-инд. bhurati, младоавест. ava-bara'ti
'низвергается'⁶¹.

Явление эпентезы в иранском (с разновидностями:
i- эпентеза — авест. mainyav-, др.-инд. maṇyáv- 'дух',
авест. maīduya-, др.-инд. mādhyā- 'середина', 'средний';
u- эпентеза — младоавест. rougu-, др.-инд. rúḡ 'многий',
'обильный')⁶², что сближает иранский с греческим,
кельтским, частично с армянским, при отсутствии эпен-
тезы в древнеиндийском.

М о р ф о л о г и я

Существенно различная трактовка внутреннего и внеш-
него сандхи в иранском и в индийском. Так, Х. Рай-
хельт отмечает: «В авестийском акцентно самостоятельные
слова пишутся отдельно, при этом, за немногими исключе-

⁵⁷ Н. Reichelt. Указ. соч., стр. 40—43.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ К. Hoffmann. Указ. соч., стр. 3.

⁶⁰ Там же, стр. 2.

⁶¹ Там же.

⁶² Н. Reichelt. Awestisches Elementarbuch. Darmstadt, 1967, стр. 77.

ниями, для них характерна фонетическая форма начала и исхода предложения»⁶³. Принципиально иную картину дает сандхи в древнеиндийском⁶⁴.

Фундаментальные различия акцентной структуры в иранском и индийском. Е. Курилович, подводя итоги своим разысканиям в области древнеиранской акцентной системы, приходит к следующему выводу: «Судьба древних конечных элементов в среднеиранском обычно объясняется ранней фиксацией ударения на предконечном слоге. Эта просодическая особенность присуща также армянскому языку, который является индоевропейским языком, граничащим с иранским ареалом. В другом месте мы попытались доказать древний характер этого просодического переворота, возводя его к эпохе, предшествующей авестийской и древнеперсидской письменной традиции»⁶⁵.

Г р а м м а т и к а

К. Хоффман, давая в своем обзоре весьма внушительный перечень морфологических различий в иранском и в индийском языках, указывает на то, что «Во многих случаях древнеиранский, особенно, естественно, гатический авестийский, сохранил древние черты, утраченные в ведическом»⁶⁶. К таким различиям и архаизмам он относит следующие явления:

Форматив *-sa* (2-е л. ед. ч. презенса медиума вторичного окончания) в иранском в отличие от формата *-thās* (то же окончание) в древнеиндийском. Е. Курилович и К. Уоткинс полагают, что форматив *-sa* в иранском, соответствующий *-so* в греческом и *-a -za* в готском, является инновацией данных языков, в которых древний форматив того же окончания оказался вытесненным на основании пропорциональной аналогии: *-t: -to/-s: -so*⁶⁷. К. Уоткинс⁶⁸

⁶³ *H. Reichelt*. Указ. соч., стр. 86.

⁶⁴ *J. Wackernagel*. Указ. соч.— Спорный вопрос об индоевропейских основах сандхи рассматривается в работах: Э. А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965, с. 92—95; Он же. Структура слова в индоевропейских и в германских языках. М., 1970, стр. 260—262.

⁶⁵ *J. Kuryłowicz*. L'accentuation en vieil iranien. «Indo-Iranica. Mélanges présentés à G. Morgenstierne». Wiesbaden, 1964, стр. 103.

⁶⁶ *K. Hoffmann*. Указ. соч., стр. 14.

⁶⁷ *J. Kuryłowicz*. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, стр. 59.

⁶⁸ *C. Watkins*. Indogermanische Grammatik, Bd. III, Erster Teil. Heidelberg, 1969, стр. 129 и 135.

полагает, что форматив *thās* также является преобразованием более древней формы, но древнеиндийский продолжает сохранять в *-thās* < *-tha* + *as* архаизм. Весьма примечательно, что К. Хоффман, рассматривая данное явление, видел единственную возможность его объяснения в принятии диалектных различий уже в самом ющеарийском языке: «Известные отклонения от ведического являются следствием наличия в арийском языке диалектных различий»⁶⁹. Тумб — Хаушильд предпочитают варьирование формативов **thēs* ~ **so* приписать индоевропейскому языку, предполагая, что *-so*, утвердившееся в иранском и греческом и элиминированное в древнеиндийском, было закреплено за тематическими глаголами⁷⁰.

Форматив *-āi* (< и.-е. *-ōi*) дат. п. ед. ч.: младоавест. *aḥurāi* 'богу'; ср. др.-инд. форматив *-āya*: *devāya* 'богу'⁷¹.

Форматив им. п. мн. ч. *n*-основ ср. рода в иранском представлен двумя вариантами: а) *-āni*, б) *-ān*; авест. (Гаты) *pāmēni* (вед. *pāmāni*) ~ *pāmaṃ*⁷².

Примечательно в иранском сохранение архаического гетероклитического склонения: ср. авест. *hvarē* < **súvar*, вед. *svár* 'солнце', род. п. ед. ч. авест. (Гаты) *xvāng* < **suṣāns*⁷³.

Примечательными архаизмами являются в иранском форматив *-āiṣ* в им. п. ед. ч. *n*-основ: др.-перс. *daḥyāiṣ* 'страна', а также в парадигме иранского *pita*, др.-перс. *pita* 'отец', дат. п. ед. ч. младоавест. *fēdgrōi* < **furai* < и.-е. **ptr-éj*⁷⁴.

К. Хоффман⁷⁵ отмечает наличие весьма значительно количества архаических образований в иранской системе глагольной парадигматики, например, форма императива авест. (Гаты) *zdī* < и.-е. *zdhi*; ср. вед. *edhí* 'будь'; ср. перфект авест. (Гаты) *vaohmā* < **va-uk-ma*, вед. *ūcimá* 'мы сказали'; ср. форматив *-ā*, и.-е. *-*ō* в 1-ом л. ед. ч. тематических глаголов; ср. авест. *ma¹nuā* 'я думаю' (об обобщении *-mi* у тематических и атематич-

⁶⁹ К. Hoffmann. Указ. соч., стр. 14.

⁷⁰ А. Thumb, R. Hauschild. Указ. соч., стр. 207.

⁷¹ Н. Reichelt. Awestisches Elementarbuch, стр. 169; К. Hoffmann. Указ. соч. стр. 14.

⁷² К. Hoffmann. Указ. соч., стр. 15.

⁷³ Там же.

⁷⁴ F. R. J. Kuiper. Notes on Vedic noun-inflexion. Amsterdam, 1942, стр. 21, 36; К. Hoffmann. Указ. соч., стр. 15.

⁷⁵ К. Hoffmann. Указ. соч., стр. 16.

ческих глаголов в древнеиндийском см. стр. 34 выше); ср. форматив 3-го л. мн. ч. вторичного окончания имперф. авест. *-at* < и.-е. **nt* (в ведическом *-ur*; ср. авест. *dadat*, вед. *adadhur* 'они поставили'). М. Лойман отмечает, что *-ur* является ведической инновацией ⁷⁶. Кроме того, К. Хоффман отмечает ряд примечательных архаизмов в иранском в области словообразования и синтаксиса ⁷⁷

Рассмотренные суммарно различия в области фонетики, морфологии и грамматики, наблюдающиеся между индийским и иранским ареалами, не являются, конечно, во всех отношениях единообразными; бесспорно, ряд образований представляет иранскую инновацию, возникшую в эпоху раздельного существования обоих ареалов; ряд ведических образований представляет явные архаизмы; наконец, ряд образований в равной степени может рассматриваться как архаизмы и в ведическом, и в иранском. Но не подлежит никакому сомнению, что все приведенные различия в своей совокупности не могут быть приписаны общеарийскому языку. Это оказывается возможным лишь в том случае, если общеиранское состояние рассматривать как язык, состоящий из ряда диалектов. Выше приводилось положение К. Хоффмана: «Известные отклонения от ведического являются следствием наличия в арийском праязыке диалектных различий». Есть еще одна возможность все указанные различия между иранским и индийским возвести к общеарийскому языку, именно в том случае, если, как это делают некоторые исследователи, общеарийское состояние рассматривать как состояние, почти тождественное общендоевропейскому состоянию; ср., например, замечание Х. Райхельта (в отношении консонантизма): «Звуковой строй общеарийского языка во всем существенном идентичен общендоевропейскому звуковому строю» ⁷⁸. Но и в том, и в другом случае понятие общеарийского языка становится бессодержательным, ибо, если арийский праязык был пронизан диалектными различиями, то тогда приходится восстанавливать его предшествующие формы, когда он еще был единообразным, ибо только

⁷⁶ М. Leumann. *Morphologische Neuerungen im altindischen Verbal-system*. Amsterdam, 1952, стр. 27: «*ai. adadur* ist eine Neuerung».

⁷⁷ К. Hoffmann. Указ. соч., стр. 16.

⁷⁸ H. Reichelt. Указ. соч., стр. 36: «Der ar. Lautbestand ist im wesentlichen derselbe wie der idg.»

это позволяет и заставляет два родственных языка возводить к единому источнику. Если древнеиранский и древнеиндийский языки возводятся к общеарийскому состоянию, в котором они отображались как пучки диалектных изоглосс, то в таком случае какой смысл имеет реконструкция общеарийского состояния. Ведь тогда общеарийское состояние — это не что иное, как совокупность протоиранского и протоиндийского с сохранением всех их различий. В том случае, если общеарийское состояние приравнивается общендоевропейскому состоянию, то тогда элиминируются различия двух состояний и общеарийский язык теряет свой *raison d'être*. Нельзя не заметить, что все упомянутые исследователи слишком большое внимание уделяли чертам структурного сходства между протоиранским и протоиндийским состоянием, лишь попутно отмечая их различия. Следует полагать, что в дальнейшем предстоит большая работа именно в этом направлении, при этом задачей первостепенной важности явится внутренняя реконструкция иранских и индийских языков, которая позволит протоиранский и протоиндийский на основе строгой процедуры непосредственно возводить к определенному ареалу общендоевропейского языка, минуя общеарийское состояние, как не отвечающее строгим требованиям методики сравнительного языкознания.

Совсем в другой плоскости лежат такие явления, как наличие известного количества стилевых и метрических особенностей и формул, типологически, а в некоторых случаях и формально тождественных в отдельных частях Авесты и Ригведы. Именно эти особенности, неоднократно отмечавшиеся исследователями, в последнее время было удобно систематизированы в работах Ж. Дюшен-Гильмена, Б. Шлерата и Р. Шмитта⁷⁹.

Данные стилевые и метрические корреспонденции между Авестой и Ригведой были использованы многими исследователями в качестве одного из наиболее доказательных аргументов в пользу реального существования индоиранского языкового единства. Так, Мейе отмечал: «Если существуют подобные совпадения в деталях (между иран-

⁷⁹ J. Duchesne-Guillemin. *L'étude de l'iranien ancien*. «Kratylos», VII, N. I, 1962, стр. 33—36; B. Schlerath. *Das Königtum im Rig- und Atharvaveda*. Wiesbaden, 1960, стр. 129 и сл.; R. Schmitt. Указ. соч., см. также: «Indogermanische Dichtersprache», hrsg. von R. Schmitt. Darmstadt, 1968.

ским и индийским.— Э. М.), то само собой разумеется, что системы двух языковых групп должны быть схожими в целом; и действительно, на основе существующих фрагментов текстов была создана грамматика древнеиранского языка с помощью грамматики санскрита. И, как это часто повторяли, простое применение некоторых правил фонетических или морфологических корреспонденций позволяло трансформировать с максимальным приближением к точности определенный отрезок Авесты в отрезок на ведическом наречии, и наоборот»⁸⁰. Т. Барроу подчеркивает, что «представляется вполне возможным обнаружить метрические отрезки в древнейшей части Авесты, которые лишь при помощи фонетической субституции на основе установленных корреспонденций могут быть переведены на понятный санскрит»⁸¹.

Тумб и Хаушильд указывали на то, что «Тесные связи между иранским и индийским языками лучше всего можно проиллюстрировать тем, что, при соблюдении звуковых законов, целые предложения Авесты звук за звуком и слово в слово могут быть транспонированы на язык ведических гимнов, как то было продемонстрировано Джексоном, Бартоломэ и Милльсом, и что эти предложения можно перевести с помощью древнеиндийской грамматики и словаря»⁸². И. М. Оранский также подчеркивает, что «Даже синтаксические конструкции языка Авесты и ведического санскрита настолько близки, что, применяя известные фонетические корреспонденции, можно в ряде случаев переводить с языка Авесты на ведический санскрит и обратно целые фразы, слово за словом»⁸³. Р. Шмитт заявлял: «С другой стороны, имеются также такие соответствия, но на этот раз преимущественно из области фразеологии, которые, хотя они и восходят к эпохе до разделения общендоевропейского на отдельные языки, все же не настолько древни, чтобы их можно было приписать общендоевропейскому языку. Я имею в виду многочисленные индоиранские, особенно авестийско-ведические соответствия, которые определенно восходят к эпохе общеварийского языка, но не к общендоевропей-

⁸⁰ А. Meillet. Указ. соч., стр. 27.

⁸¹ Т. Burrow. Указ. соч., стр. 4.

⁸² А. Thumb, R. Pauschild. Handbuch des Sanskrit, I. Heidelberg 1958, стр. 56—57.

⁸³ И. М. Оранский. Указ. соч., стр. 48.

ской эпохе». Тот же автор считал возможным несколькими строчками ниже заявить следующее: «Как известно, на заре иранистики исследователи шли так далеко, что даже пытались перевести более или менее крупные авестийские фрагменты на псевдоведическое наречие»⁸⁴. В какой мере оправдывает себя подобная процедура?

Нет основания сомневаться в наличии известного количества сходных в стилевом и метрическом отношении фрагментов и формул в «Гатах» Авесты и в Ригведе⁸⁵. Однако материал, собранный в упомянутом обзоре Ж. Дюшен-Гильмена, непреложно свидетельствует о том, что в этих сходных фрагментах и формулах легко можно обнаружить два слоя.

1. Сходные авестийские и ведические формулы, восходящие к общендоевропейской эпохе и, следовательно, выступающие как реликты или архаизмы в Авесте и в Ригведе. Так, авест. *šaṇrəm taš-* (Гаты, 29, 7) ~ вед. *taṣṭān māntrān* (Ṛgveda I, 67, 4) 'творить (дословно: строить) заклинание' находит параллели и в других индоевропейских языках, например, в германских; ср. др.-исл. *ljóða-smíðr* 'поэт', т. е. дословно: 'кузнец магических напевов'. В другом месте мне приходилось указывать на то, что др.-исл. *ljóðasmiðr* 'поэт' является не расширенным исходного значения, а реликтом общендоевропейского обозначения поэтического ремесла; ср. использование в древнеиндийском и в древнеиранском глагола *takṣ* (*taš*) 'строить' для обозначения поэтического ремесла»⁸⁶.

2. Сходные формулы, которые могут быть использованы лишь в плане общей типологии и языка, так как они как эпическое достояние могут встречаться и действительно встречаются во многих индоевропейских и индосистемных языках. Так, один из первых примеров, приводимых Дюшен-Гильменом, авест. *daēvā vīspāñhō* (Y. 32, 3) ~ вед. *vísve devāḥ* 'все боги' является примером подобного типологического схождения; у многих народов в древности, в эпоху политеизма, обращение ко всем богам (или богиням) было обычным ритуалом; ср. в греч.

⁸⁴ R. Schmitt. *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*. Wiesbaden, 1967, стр. 4.

⁸⁵ См.: H. Humbach. *Die Gathas des Zarathustra*, Bd. I—II. Heidelberg, 1959.

⁸⁶ Э. А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках, стр. 31.

τοῖς θεοῖς εὐχομαι πᾶσι καὶ πάσαις 'заклинать всех богов'⁸⁷, ср. в «Эдде»: «Senn vóro aesir allir á þingi oc ásynior allar á máli» (ᾤгум. 14, 1—2) 'Тут же собрались все боги (=асы) на вече, а все богини на совещание'⁸⁸.

Таким образом, для определения общего индоиранского фонда сходных авестийских и ведических фрагментов и формул необходимо прежде всего элиминировать два вышеупомянутых пласта: здесь предстоит еще кропотливая работа со стороны компаративистов, иранистов, индологов и фольклористов. Авестийско-ведические сходжения действительно имели место, ибо протоиранский и протоиндийский были близкородственными индоевропейскими диалектами, находившимися долгое время в теснейшем географическом и культурном контакте, во взаимном обмене духовными ценностями, что не могло не привести, наряду с консервацией общего обоим диалектам индоевропейского наследия, к появлению целого ряда общих инноваций, в том числе и в области поэтической техники и лексики, поэтической фразеологии и эпических формул. Представляется, что только в этом смысле следует интерпретировать и использовать сходные авестийские и ведические фрагменты и формулы, а перекодирование авестийских фрагментов в ведические и обратно может использоваться как технический прием для разграничения того, что является собственно достоянием интенсивных индийско-иранских контактов и что должно быть отнесено к упомянутым двум пластам.

Все сказанное позволяет прийти к следующим выводам: в развитии индийских и иранских языков древнейшего периода, более или менее адекватно отраженном в Ригведе и в отдельных частях Авесты, вне всякого сомнения имело место наличие значительного количества общих обоим группам языков структурных и парадигматических особенностей всех уровней языка. Эти общие структурные признаки, характерные для индийских и иранских языков, объясняются не их происхождением из постулируемого общеарийского праязыка, а прежде всего тем, что протоиранский и протоиндийский были искони двумя

⁸⁷ H. Liddel, R. Scott, H. Jones. Greek-English lexicon. Oxford, 1961, стр. 791.

⁸⁸ «Edda. Die Lieder des Codex Regius», herausgegeben von G. Neckel, I. Dritte, umgearbeitete Auflage von H. Kuhn. Heidelberg, 1962, стр. 113.

близкородственными индоевропейскими диалектами, каждый из которых унаследовал от общиндоевропейской эпохи большое количество общих обоим диалектам структурных признаков.

Кроме того, эти диалекты в течение весьма длительного времени находились, после распада индоевропейской языковой общности и образования ряда ареалов, в теснейшем географическом и культурном контакте, входя в один и тот же языковой ареал, что имело следствием появление ряда общих обоим диалектам инноваций; именно к таким общим инновациям относится синкретизм кратких и долгих гласных в индийских и в иранских языках, что, в свою очередь, имело следствием разворачивание количественного чередования, как бы компенсировавшего процессы синкретизма в подсистеме гласных, и ряд других явлений.

Данные инновации являются результатом параллельного, но независимого развития индийских и иранских языков, ибо только этим обстоятельством можно объяснить наличие весьма значительного количества расхождений между индийскими и иранскими языками, многие из которых относятся к доисторической эпохе и не могут быть объяснены лишь как позднейшие инновации, характерные только для иранских или только для индийских языков. Наконец, не исключена возможность, что некоторые из черт структурного сходства и различия, присущих древнеиндийскому и древнеиранскому языкам, явились следствием того, что на протяжении своей длительной истории протоиндийские и протоиранские диалекты неоднократно втягивались в различные, а подчас и тождественные зоны контактирования, а возможно, и в разные языковые союзы. Именно в этом и только в этом смысле следует понимать проблему индоиранского языкового единства.

Методика типологических исследований, в настоящее время в значительной мере перекрещивающаяся с методикой пространственной лингвистики, позволяет более вычлукло и более надежно отделить явления, возводимые к генетически общему источнику, от явлений, формирующихся в результате параллельного и независимого развития в нескольких ареалах, что является одним из важных критериев установления архаизмов и инноваций в отдельных индоевропейских языках⁸⁹. Кроме того, типо-

⁸⁹ Э. Макаев. Сравнительная, сопоставительная, типологическая грамматика. — ВЯ, 1964, № 1.

логические критерии чрезвычайно важны, а подчас они являются просто решающими при постановке вопроса, весьма актуального именно в настоящее время, о формах и степени контактирования индоевропейских языков с неиндоевропейским языковым миром: с финно-угорскими (или, шире, алтайскими), кавказскими, семитскими языками, а возможно также и с языками Дальнего Востока как в терминах отдаленного генетического родства, так и в терминах языковых союзов.

* * *

Вышеуказанные факторы явились и продолжают являться решающими в постепенном преобразовании сравнительной грамматики индоевропейских языков, далеко не завершеном! в настоящее время, в связи с чем продолжают оставаться открытыми многие вопросы первостепенной важности. Нет нужды указывать на то, что в рамках небольшого этюда невозможно остановиться на всех этих дискуссионных вопросах. Здесь будут рассмотрены только те аспекты и проблемы сравнительного индоевропейского языкознания, которые с нашей точки зрения представляют наибольший интерес.

IV

Одной из иллюзий классической грамматики индоевропейских языков была гипотетическая общиндоевропейская модель, извлеченная в основном из данных ведического диалекта и языка Гомера; их флективная полнота рассматривалась как наследие индоевропейского праязыка, и данная модель остается непоколебленной и в настоящее время у энигонов младограмматической школы, например, в работах Краэ⁹⁰. В то же время на основе сравнительной реконструкции Мейе и его школе удалось обнаружить значительное количество инноваций отдельных индоевропейских языков, что было достигнуто путем строгого разграничения явлений, генетически восходящих к общиндоевропейской эпохе, и явлений, происходящих из конвергентного развития различных индоевропейских языков. Исследования, основанные на внутренней рекон-

⁹⁰ *H. Krahe*. Indogermanische Sprachwissenschaft, I—II. Berlin, 1962—1963.

струкции (например, работы Уоткинса о происхождении строя кельтского глагола)⁹¹, подтвердили и значительно дополнили наблюдения Мейе. Наконец, итальянские компаративисты (особенно Девото⁹² и Пизани⁹³), хотя и в несколько гипертрофированной форме, неоднократно подчеркивали, что расхождения между индоевропейскими языками носят более древний характер, а схождения относятся к более позднему времени. Все изложенное подготавливает к выводу о том, что целый ряд особенностей именного и глагольного строя является следствием параллельного развития отдельных индоевропейских языков и не может быть приписан общеиндоевропейскому языку. Однако необходимо тут же оговорить, что многие исследователи склонны весьма широко интерпретировать общеиндоевропейское состояние, поэтому задачей первоочередной важности является разработка хронологической стратиграфии индоевропейского праязыка.

Так, в уже упомянутой своей книге Курилович⁹⁴ считает возможным на основе ряда соображений, которые здесь не рассматриваются, приписать общеиндоевропейскому языку наличие семи падежей (звательный падеж как не отвечающий символическому полю (в терминологии Бюлера — «Symbolfeld») не включается в состав парадигмы с синхронной точки зрения, хотя в диахроническом плане Курилович придает данному падежу большое значение). В то же время Курилович полагает, что при помощи внутренней реконструкции можно дойти до древнейшего этапа общеиндоевропейского состояния и дать схему падежей:

	Падеж	Окончание
1	Им., вып., зв. Род., отлож. Местн.	нуль
2 ед. ч.		-s
3		-i

Оставляя в стороне отдельные спорные детали построения Куриловича, следует указать на то, что приписывать

⁹¹ *C. Watkins. Indo-European origins of the Celtic verb, I. The sigmatic aorist. Dublin, 1962.*

⁹² *G. Devoto. Storia della lingua di Roma. Firenze, 1944; Он же. Origini indeuropee. Firenze, 1962.*

⁹³ *V. Pisani. Geolinguistica e indeuropeo. Roma, 1940; Он же. Storia della lingua latina, I. Torino, 1962; Он же. Zur Sprachgeschichte des alten Italiens. «Rheinisches Museum für Philologie», Bd. 94, H. I, 1954.*

⁹⁴ *J. Kuryłowicz. Указ. соч., стр. 199 и сл.*

общиндоевропейскому состоянию одновременно наличие трехчленной и семичленной парадигмы, естественно, невозможно, поэтому Курилович и указывает на древнейший этап, до которого может быть достигнута реконструкция. Следовательно, внутренняя и сравнительная реконструкция позволяют выделить по меньшей мере два хронологических среза общиндоевропейского языка, которые можно условно обозначить: I — ранне- (или прото-) индоевропейский и II — позднейиндоевропейский. Структурные модели этих двух срезов, а также их соотношение во многом остаются неясными, что вынуждает ограничиться лишь следующими предварительными замечаниями. Что касается позднейиндоевропейского состояния, то с достаточной степенью вероятности ему можно приписать следующие характерные черты.

а) Фонемный уровень. Описание фонологического строя позднейиндоевропейского языка представляет наибольшие трудности. Прежде всего продолжает оставаться неясной система чередований гласных. Апофоническая теория Куриловича⁹⁵, оригинальная и блестящая, является лишь одним из возможных, но не единственно оправданных построений. Ее односторонний, подчеркнуто морфологический характер, делает ее элегантною, но одновременно и ущербною. Кроме того, учение Куриловича о редуцированной ступени чередования покоится на весьма шатких основаниях, а его учение о продленной ступени чередования явно неудовлетворительно и должно быть отброшено. Продолжает по-прежнему оставаться неясным место ларингальных в фонологической системе данного периода. Нет единого ответа на вопрос о том, входили ли ларингальные в подсистему согласных (или, согласно иной интерпретации, сонантов) или они составляли особую подсистему, наряду с подсистемой согласных и сонантов⁹⁶.

б) Морфологический уровень. В области именной парадигматики позднейиндоевропейского языка можно отметить следующее: парадигматизация средних падежей во мн. числе еще не была завершена (ср. в др.-инд.

⁹⁵ *J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.*

⁹⁶ В данной работе ларингальная теория не рассматривается, поскольку в другом месте нами был дан ее подробный анализ. См.: *Э. А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках, стр. 136—151.*

-bhyām, -bhis, -bhyas, -su); ср. в крипто-микенском падеж на -rī, в греч. -φι (ν); не были завершены процессы вклипывания местоименной парадигмы в именную парадигму и тематизации именных основ: становление, но не завершение парадигмы *o*-основ с колонным ударением и рядом явных инноваций также относится к данному периоду. Еще не было завершено втягивание полунаречного образования в качестве формата отложительного падежа ед. числа *o*-основ в отличие от соответствующего формата род. / отл. п. ед. числа атематических основ. Форматив *-ei / -i* дат. / мест. п. ед. числа, подвергшийся впоследствии парадигматической дифференциации, выступал в двух вариантах в зависимости от акцентных отношений. Все это позволяет свести количество членов именной парадигмы в этом периоде к четырем, а возможно, на основе сведения формата им. п. ед. числа к единой модели — к трем членам.

В области глагольной парадигматики поздннеоэвропейского языка можно отметить: отсутствие парадигматической оппозиции основ презенса, перфекта и аориста при наличии оппозиции инфекта и перфекта; отсутствие парадигмы имперфекта и плюсквамперфекта; отсутствие универбации частицы *-e* с глагольной основой, давшей впоследствии, при этом лишь в некоторых индоевропейских ареалах, аугмент; отсутствие парадигматической оппозиции первичных / вторичных окончаний в системе глагола при парадигматическом оформлении лишь вторичных окончаний; отсутствие парадигмы будущего времени; возможно также отсутствие парадигмы медиума перфекта и факультативность редупликации в основе перфекта. Если эта картина в какой-то мере соответствует действительности, то тогда не приходится соглашаться с реконструкцией Курпиловича протоиндоевропейского глагольного состояния в его монографии «Морфологические категории индоевропейских языков»⁹⁷, предполагающего наличие парадигматической оппозиции основ презенса, имперфекта, перфекта и аориста при доминанте презенса как в диахроническом, так и в синхроническом плане⁹⁸.

⁹⁷ *J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European.*

⁹⁸ См. об этом на германском материале: *Э. Макаев. Морфологический строй общегерманского языка. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963.*

Что касается ранне- (или прото-)индоевропейского состояния, то здесь следует довольствоваться лишь некоторыми гипотетическими построениями и доводами существенно дедуктивного характера. Здесь принципиально важным оказывается решение вопроса о том, в какой мере внутренняя реконструкция именного и глагольного строя различных индоевропейских языков и логика языковой трансформации индоевропейского структурного типа позволяют дойти до такой хронологической глубины, такого раннеиндоевропейского состояния, когда оказывается возможным приписать ему структурный облик, характеризующийся наличием лишь одной гласной фонемы — сллабемы, недифференцированной именной / глагольной основы (или *Kasus indefinitus*)⁹⁹, слоговой структуры, допускающей лишь открытые слоги, наличием таких морфоситаксических особенностей, которые позволяют говорить об элементах эргативного строя в раннеобщиндоевропейском. Не приходится отрицать, что при таком описании раннеобщиндоевропейского состояния оно слишком отдаляется от модели общиндоевропейского состояния. Ведь смысл любой реконструкции заключается в том, что она дает возможность наиболее полным и непротиворечивым образом объяснить последовательные трансформации частных подсистем, а идеально и системы в целом, в последующие этапы развития уже исторически засвидетельствованных отдельных индоевропейских языков. Несколько иначе это сформулировано Курловичем: «Невозможно реконструировать *ad infinitum*. Мы должны довольствоваться реконструкцией этапов, граничащих с исторической действительностью»¹⁰⁰. В какой мере наличие разнообразных реликтов отдельных индоевропейских языков приглашает к такой и только такой интерпретации раннеобщиндоевропейского состояния?

При современном состоянии сравнительно-исторического языкознания дать ясный ответ на данный вопрос не представляется возможным. Его эффективное решение диктует необходимость углубленной разработки следующего круга проблем: 1) внутренняя реконструкция отдельных

⁹⁹ E. Hermann. *Zusammengewachsene Präteritum- und Futurumschreibungen in mehreren indogermanischen Sprachzweigen*, II. Der Kasus indefinitus. «*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*», Bd. 69, II. 1/2, 1948, стр. 37 и сл.

¹⁰⁰ J. Kuryłowicz. Указ. соч., стр. 58.

индоевропейских языков; 2) широкое привлечение постулатов типологической грамматики п универсалий при решении альтернативного вопроса о том, какую процедуру описания общиндоевропейского состояния следует предпочесть на основе таких типологических параллелей, которые могут иметь всеобщий или обязательный характер; 3) широкая разработка проблемы контактирования индоевропейских языков с языками неиндоевропейского языкового мира. К этому остается добавить, что большие надежды можно возлагать на поступающий материал недавно открытых и открываемых индоевропейских языков.

Так, можно уверенно утверждать, что в ближайшее время материал индоевропейских языков Малой Азии, в частности успешная расшифровка карийского, лидийского, ликийского, а также дальнейшая разработка хеттолувийских языков позволит анатолийскому языковому миру занять ключевую позицию в построении сравнительной грамматики индоевропейских языков на уровне современных данных. При всех этих оговорках следует со всей определенностью подчеркнуть, что описание раннеиндоевропейского состояния, полученное в основном дедуктивным путем, не может уже тем самым рассматриваться как несовершенное или научно-несостоятельное описание. Следует помнить, что дедукция всегда занимала важное место в сравнительной грамматике индоевропейских языков; достаточно указать на «Мемуар» Ф. де Соссюра, где гениальный автор чисто дедуктивным путем пришел к ряду открытий первостепенной важности, как то: учение о структуре индоевропейских корней, особенно двусложных, учение об индоевропейском вокализме, учение о сонантических коэффициентах, учение о едином происхождении древнеиндийских глаголов V, VII, IX классов. Можно полагать, что роль дедукции в сравнительном языкознании в дальнейшем еще более возрастет в связи с бурным и успешным развитием методики точной лингвистики.

Все изложенное подготавливает к выводу, что в настоящее время предпочтительнее давать не одну модель общиндоевропейского состояния, а отдельно описывать два его хронологических среза: более ранний и более поздний. Можно также полагать, что представляется мало вероятной процедура возведения в ранг общиндоевропейского состояния частных подсистем отдельных индоевро-

пейских языков на основе их внутренней реконструкции, как то было продемонстрировано Куриловичем при анализе акцентной системы ведического наречия, которая рассматривалась как общендоевропейский эталон, позволявший наложить его на акцентные системы прочих индоевропейских языков и выявление в них многочисленных инноваций на фоне архаической и, следовательно, общендоевропейской акцентной модели. Однако в исследованиях последних двух десятилетий, посвященных акцентологии отдельных индоевропейских языков (работы К. Станга¹⁰¹, Л. Садник¹⁰², И. Тронского¹⁰³, В. Иллич-Свитыча¹⁰⁴, Г. Голтона¹⁰⁵ и др.), были достаточно выпукло представлены слабые стороны реконструкции общендоевропейской акцентной системы, произведенной Куриловичем. Кроме того, есть основания полагать, что структурный облик ведического наречия весьма далек как от модели раннеобщендоевропейского, так и от модели позднеобщендоевропейского состояния. Эти соображения не позволяют также согласиться с концепцией В. Пизани¹⁰⁶, согласно которой общендоевропейским состоянием следует считать структурную модель санскрита, навязанную прочим индоевропейским языкам в порядке образования и экспансии языковых союзов. В этом убеждает более пристальное рассмотрение архаизмов и инноваций в ведическом.

V

Одной из аксиом классической сравнительной грамматики индоевропейских языков являлось рассмотрение ведического наречия как такого индоевропейского диалекта, который, наряду с гомеровским диалектом древнегреческого языка, наиболее верно и последовательно отражает общендоевропейское состояние. С этой точки зрения ведическое наречие представляло консервацию и кумуля-

¹⁰¹ Chr. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

¹⁰² L. Sadnik. Slavische Akzentuation. Wiesbaden, 1959.

¹⁰³ И. Тронский. Древнегреческое ударение. М.—Л., 1962.

¹⁰⁴ В. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.

¹⁰⁵ H. Galton. The fixation of the accent in Latin and Greek. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», Bd. 15, H. 3/4, 1962.

¹⁰⁶ V. Pisani. Indogermanisch und Sanskrit. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Bd. 76, H. 1/2, 1959.

цию архаических черт общендоевропейского языка, а его дальнейшее развитие, особенно в его отношении к санскриту, было принято расценивать как процесс постепенного и неуклонного распада всего многообразия морфологического строя ведического наречия и выветривания его весьма архаических просодических, морфологических, синтаксических и словообразовательных моделей. Таким образом, архаизмам ведического наречия противостояли многочисленные инновации как санскрита, так и прочих индоевропейских языков.

Интенсивно и успешно разрабатываемая в настоящее время методика внутренней реконструкции, а также весьма существенно видоизмененная концепция общендоевропейского языка и его сравнительная реконструкция настоятельно требуют пересмотра указанной точки зрения. В работе «Склонение в ведическом и в санскрите»¹⁰⁷ была предпринята попытка обнаружения ряда архаизмов в санскрите и инноваций в ведическом в области именной парадигматики, что заставляет отказаться от слишком упрощенного описания развития ведического и санскрита, приводящего лишь к обеднению и деградации бывшего парадигматического многообразия ведического наречия в форме застывшего и нормированного санскрита. Следовательно, вопросом первостепенной важности является определение того, что следует рассматривать как архаизмы и инновации в ведическом, каково их соотношение и какие выводы можно сделать в отношении места ведического диалекта среди прочих индоевропейских языков.

Вопрос об определении архаизмов и инноваций в ведическом должен решаться как на основе внутренней, так и на основе сравнительной реконструкции. Именно наложение двух процедур реконструкции позволяет с несравненно большей степенью вероятности определить, какие архаизмы ведического продолжают общендоевропейское состояние и в чем именно состоят ведические инновации. В этой связи следует указать на то, что в специальной литературе не всегда должным образом проводится различие между архаизмами ведического наречия и архаизирующими тенденциями отдельных ведических поэтов, сознательно консервирующих определенные элементы и моде-

¹⁰⁷ Э. А. Макаев. Именное склонение в ведическом и в санскрите. — ВЯ, 1964, № 6.

ли различных уровней языка, что относится скорее к истории стиля ведического литературного языка и что в данной работе остается вне рассмотрения¹⁰⁸.

Можно полагать, опираясь на внутреннюю реконструкцию ведического, что ряд явлений именной и глагольной парадигматики обязан своим происхождением процессам парадигматического выравнивания и должен быть отнесен к ведическим инновациям. Как показали исследования Л. Рену¹⁰⁹, Е. Курпиловича¹¹⁰, М. Лоймана¹¹¹, К. Хоффмана¹¹², Т. Барроу¹¹³, Р. Бирве¹¹⁴, Т. Елизаренковой¹¹⁵, В. Иванова¹¹⁶, В. Топорова¹¹⁷, И. Нартен¹¹⁸, К. Уоткинса¹¹⁹ и др., сюда можно отнести следующие явления: форматив *-āsas* в им. п. мн. числа *o-* и *ā-*основ (о чем более подробно в уже упоминавшейся папке работе), форматив *masi* в 1-ом л. мн. числа глагольной парадигмы, структурное оформление парадигмы медиума перфекта и некоторых типов аориста, особенно парадигма аориста VI (*-sis*), а также процесс экспансии сигматического аориста за счет других типов аориста, широко захвативший послеведический период, но начавшийся еще в ведическую эпоху, структурное оформление парадигмы пассива и кондиционалиса.

¹⁰⁸ Здесь имеются в виду не метрические и просодические особенности ведических текстов, принципиально важные для выяснения вопроса о соотношении ведического и общиндоевропейского поэтического языка, а стилевые особенности отдельных мандал Ригведы, позволяющие в ряде случаев установить их внутреннюю хронологию. См. об этом: *J. Wackernagel. Altindische Grammatik. Introduction générale par L. Renou*, стр. 5, 52; *J. Gonda. Stylistic repetition in the Veda*. Amsterdam, 1959; *L. Renou. Histoire de la langue sanskrite*. Lyon—Paris, 1956.

¹⁰⁹ *L. Renou. La valeur du parfait dans les hymnes védiques*. Paris, 1925.

¹¹⁰ *J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European*.

¹¹¹ *M. Leumann. Morphologische Neuerungen im altindischen Verbalssystem*. Amsterdam, 1952.

¹¹² *K. Hoffmann. Der Injunktiv im Veda*. Heidelberg, 1967.

¹¹³ *T. Burrow. The Sanskrit language; On же. An archaic verbal termination in Early Indo-Aryan*. «Indo-Iranian Journal», vol. I, № 1, 1957.

¹¹⁴ *R. Birwé. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalssystem*. Walldorf—Hessen, 1956.

¹¹⁵ *Т. Елизаренкова. Аорист в «Ригведе»*. М., 1960.

^{116, 117} *В. Иванов, В. Топоров. Санскрит*. М., 1960.

¹¹⁸ *I. Narten. Die sigmatischen Aoriste im Veda*. Wiesbaden, 1964.

¹¹⁹ *C. Watkins. Indo-European origins of the Celtic verb. I. The sigmatic aorist*. Dublin, 1962.

С другой стороны, опираясь на сравнительную реконструкцию, можно полагать, что форматное многообразие и многочисленный состав именной и глагольной парадигмы, а также значительная дифференциация именных и глагольных основ в ведическом и в некоторых других индоевропейских языках отражает многоступенчатые процессы грамматикализации (или парадигматизации) гетерогенных по своему происхождению деривационных рядов, протекавшие параллельно и независимо в различных индоевропейских ареалах и что тем самым лишает возможности приписать данное состояние общеиндоевропейскому языку.

Наиболее существенным отличием современного состояния сравнительной грамматики индоевропейских языков от классического индоевропейского языкознания конца XIX и начала XX в. является принципиально иная модель общеиндоевропейского языка, постулируемая на основе новых данных при помощи внутренней и сравнительной реконструкции.

С известной долей вероятности можно полагать, что общеиндоевропейский язык характеризовался следующими отличительными признаками: а) в области именной парадигматики: наличие четырехпадежной (а в случае возможности сведения формата род. п. ед. числа и им. п. ед. числа к единой исходной форме — трехпадежной) системы: им., род., дат. / местн., вин. падежи; незавершенная парадигма мн. числа; значительное количество наречных и полунаречных образований, еще не втянутых в именную парадигму, что имело следствием значительную вариативность соответствующих деривационных рядов, а впоследствии — наличие различных дублетных форм в составе именной парадигмы; более позднее происхождение именной парадигмы с колонным ударением; б) в области глагольной парадигматики: наличие двух контрастных глагольных основ: инфекта и перфекта; отсутствие универбации наречной частицы *-e* с глагольной основой, что впоследствии, уже в эпоху раздельного существования отдельных индоевропейских языков, привело в некоторых ареалах к парадигматизации данной частицы и превращение ее в аугмент; отсутствие структурного оформления парадигмы имперфекта и плюсквамперфекта, предлагающих обязательно наличие аугмента и (для плюсквамперфекта); редупликации перфектной основы, являвшейся в тот

период факультативной в основе перфекта и выступавшей первоначально лишь в основах, не обнаруживавших чередования гласных, как было правильно подмечено Р. Ле-ве¹²⁰ и обосновано Е. Курпиловичем¹²¹ в его монографии «Морфологические категории индоевропейских языков»; отсутствие структурного оформления парадигмы футурума; отсутствие контраста первичных и вторичных окончаний в системе глагола и наличие лишь одного ряда окончаний, первоначально принадлежавших инфектной основе и впоследствии переосмысленных как «вторичные» окончания, что имело следствием выделение основы аориста в самостоятельную парадигму, противопоставленную основе презепса.

Если соотнести вышеописанную модель общиндоевропейского языка с парадигматическим строем ведического наречия, то тогда парадигматическая гипертрофия в ведическом предстанет как инновация частично данного диалекта, частично как индоиранская инновация, в отдельных звеньях разделяемая и некоторыми другими индоевропейскими языками. На фоне этих инноваций более выпукло предстанут ведические архаизмы, представленные как целыми парадигмами, так и распыленными парадигматическими реликтами. Сюда можно отнести следующие явления: структурное оформление именной парадигмы с чередованием гласных, продолжающим общиндоевропейские модели; наличие парадигм с исходом на краткий и долгий сонант (j) и (ɥ); структурная оформленность корневых основ; парадигматически распыленные остатки гетероклитического склонения; многообразие и парадигматическая дробность презентных основ, отражавших, возможно, различные модальные и аспектные оттенки, постепенно затухавшие и подвергавшиеся выветриванию в дальнейшем развитии индоевропейских языков или переосмыслявшиеся уже не как парадигматические, а как деривационные ряды; парадигматическая оформленность инфюнктива, а также парадигмы перфекта; структурирование глагольной парадигмы при помощи чередования гласных; наличие принципа эквивалентности, а не субординации в глагольной парадигматике.

¹²⁰ R. Loewe. Germanische Sprachwissenschaft, II. Berlin und Leipzig, 1918, стр. 72—78.

¹²¹ J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European, стр. 70—71.

Произведенная таким образом процедура определения архаизмов и инноваций в ведическом дает возможность обрисовать место ведического наречия среди прочих индоевропейских языков на уровне современного состояния индоевропейского сравнительного языкознания. Если к вышеозначенным ведическим архаизмам и инновациям, перечисленным далеко не полно, добавить характеристику некоторых особенностей иных уровней языка, прежде всего фонемного и фонеморфологического, то тогда еще более вышукло предстанет место ведического наречия среди индоевропейских языков. Что касается ведических инноваций данных уровней, частично охватывающих и весь индоиранский ареал, то можно указать на следующие: значительное преобразование подсистемы кратких и долгих гласных, существенные апофонические преобразования, сказавшиеся в значительном сокращении качественного чередования и, соответственно, в увеличении количественного чередования; распад подсистемы дифтонгов, которая в общиндоевропейском была структурирована как самостоятельный класс, противопоставленный подсистеме гласных и сонантов; наличие глухих смычных придыхательных как особого класса фонем, наличие класса церебральных фонем.

Остается выяснить, в какой мере явления внешнего и внутреннего сандхи в ведическом могут быть возведены к общиндоевропейской эпохе и в какой мере они являются индийскими инновациями (более подробно данный вопрос освещается в нашей работе «Структура слова в общиндоевропейском языке»). Обобщая все сказанное, можно утверждать, что структурный облик ведического наречия весьма далек от той модели общиндоевропейского языка, которую можно восстановить в свете тех данных, которыми располагает компаративист во второй половине XX в.

Большой интерес представляет проблема не только наложения общиндоевропейских и ведических структурных моделей, но также вскрытие причин и условий парадигматизации первоначально гетерогенных деривационных рядов, столь типичной для некоторых индоевропейских ареалов, в том числе и для индоиранских языков. Хотя многое в данной проблеме остается неясным и в настоящее время, представляется возможным в порядке предварительной постановки вопроса указать на следующее: со структурно-типологической точки зрения общиндоевро-

пейский язык можно охарактеризовать как фузионный. Оставляя в стороне вопрос о том, был ли фузионный тип исконым для общиндоевропейского или ему предшествовала другая типология (или даже несколько типологий), который при всей своей важности для темы данной работы не имеет существенного значения, необходимо подчеркнуть, что уже в самом фузионном типе общиндоевропейского языка были заложены потенции, которые при благоприятных условиях могли принять определенную форму и развернуться в следующих направлениях.

Фузионный тип общиндоевропейского языка как бы располагал к парадигматизации различных деривационных рядов, к созданию емких и целостных именных и глагольных парадигм, к втягиванию в эти парадигмы наречных и полунаречных образований. Следует тут же оговорить, что в самом фузионном типе содержались известные границы для неуклонно возрастающей парадигматизации единиц деривационного уровня, ибо в фузионной структуре были заложены две полярно противоположные тенденции: одна из них вела к *формантному синкретизму*, что диктовалось самим фузионным строем и что рано или поздно должно было привести к морфологическому опрощению и затем к преобразованию парадигматических рядов в ряды деривационные; другая тенденция, основанная на принципе морфологического переразложения и, следовательно, на переосмыслении морфемных швов, вела к *формантному обособлению*, к вычленению новых формативов, к созданию новых парадигматических звеньев, следовательно, к перинтеграции парадигм и к преобразованию деривационных рядов в парадигматические ряды. Можно полагать, что именно этим механизмом объясняется наблюдающаяся во всех индоевропейских языках в разные периоды их развития картина неоднократного разрушения и воссоздания, всякий раз на иных основаниях, парадигматического строя.

Не подлежит сомнению, что различные индоевропейские ареалы были открыты для всякого рода влияний со стороны родственных и неродственных языков, что они втягивались в различные языковые союзы, испытывая при этом типологическое преобразование. Прямым следствием языковых контактов могли явиться инновации, разделяемые всеми или большинством родственных и неродственных языков, втянутых в определенный языковой

союз, накладывавший неизгладимый отпечаток и структурировавший внутреннюю форму различных языков. Не исключена возможность, что индоиранский языковой мир мог испытать подобное мощное воздействие со стороны некоторых неиндоевропейских языковых миров, оказавшихся своего рода катализатором в процессе возраставшей парадигматизации, охватившей некоторые индоевропейские языки, в том числе и ведическое наречие. Возможно также, что скрещение тенденций, исходивших из общиндоевропейского языка и его структурных потенций и тенденций, исходивших из определенного языкового союза, куда были втянуты индоиранские языки, дало в результате то парадигматическое многообразие, что так отличает ведическое наречие.

Наконец, нельзя не обратить внимание на внутреннюю структуру самого ведического наречия. В одном отношении ведическое наречие можно описать как парадигматизацию индоевропейского поэтического языка, принявшую гиперболические формы. Это положение относится в значительной мере и к авестийскому языку. Внутренняя форма ведического наречия ближе к внутренней форме авестийского языка, чем к санскриту. Тем самым, реконструкция общего исходного состояния для ведического и авестийского оказывается более реальной, чем подобная реконструкция для ведического и санскрита. Если это в какой-то мере верно, то тогда представляется весьма заманчивым соположение парадигматического гиперболизма в ведическом, не знающего себе равного ни в одном индоевропейском языке (достаточно указать на то, что по подсчетам Г. Курциуса¹²², ведическая глагольная система насчитывает 891 парадигматическую форму, в то время как в гомеровском диалекте в системе глагола представлено 507 парадигматических форм, в латинском — 143 и в готском — 38. А. Мейе подсчитал, что в Ригведе от корня *bhar-* ‘нести’ могут быть образованы 500—600 парадигматических форм) с другими формами древнеиндийского символизма, носящего такой же гиперболический харак-

¹²² G. Curtius. Das Verbum der griechischen Sprache. Bd. I, 1873—1877, стр. 3 и сл.— Следует оговорить, что и у Курциуса, и у Мейе наблюдается смещение собственно парадигматических и деривационных образований. Число глагольных парадигматических звеньев в древнеиндийском значительно меньше, чем то обнаруживают подсчеты Курциуса и Мейе.

тер: мифологией, искусством, числовой символикой, поэтическим языком, эпическим творчеством?

Детронизация ведического наречия как самого архаического из всех индоевропейских языков, наиболее полно и адекватно отражающего общеиндоевропейское состояние, продиктована коренным пересмотром постулатов классического индоевропейского сравнительного языкознания и статуса общеиндоевропейского языка, его дезинтеграции и методах его реконструкции. Это, однако, вовсе не ведет к умалению исключительной ценности показаний ведического наречия, архаизмы и многочисленные инновации которого и впредь будут иметь первостепенную важность как для индоиранской филологии, так и для сравнительной грамматики индоевропейских языков. Структурное оформление ведического наречия дает возможность исследователю наблюдать интенсивно протекавшие процессы морфологической парадигматизации, а ведические инновации позволяют сильнее оттенить подлинные архаизмы в других индоевропейских языках и более четко наметить контуры общеиндоевропейского языка.

В ведологической литературе принято подчеркивать «текучий» характер структуры ведического наречия. Известно, какие далеко идущие выводы из этого положения были сделаны М. Лойманом¹²³ в его инструктивной монографии об инновациях в древнеиндийской глагольной системе. Думается, что скорее следует говорить не о «текучести» ведического наречия, а о том, что гипертрофированная парадигматизация, охватившая ведическое наречие, началась в относительно недавнее время (если отсчитывать от общеиндоевропейского состояния) и к моменту устной фиксации ведических гимнов раннего периода еще не была завершена. Впрочем, тенденция к гипертрофированной парадигматизации никогда не была завершена в ведическом, ибо она была перекрыта другими тенденциями подчас противоположного направления, относившимися уже к иной эпохе, к иным географическим ареалам, с иными жанровыми и стилевыми устремлениями. Но это — уже область, где начинаются так называемые среднеиндийские диалекты и где ведическое наречие продолжает свое эфемерное существование в виде устной, а затем и письменной традиции.

¹²³ М. Leumann. Указ. соч., стр. 7 и сл.

Можно полагать, что в дальнейшем общендоевропейская модель раннего и позднего периода будет строиться на основе соположения частных подсистем отдельных индоевропейских языков в соответствии с принципами иерархичности и относительной хронологии, а также в связи с более жесткими и строгими критериями индоевропейских архаизмов и инноваций. Это позволит описать общендоевропейскую модель как своеобразную наддиалектную форму, представленную двумя разновидностями, условно обозначенными как «литературный» и «разговорный» язык. Восстановимым оказывается по понятным причинам лишь так называемый литературный язык. Полученная таким образом общендоевропейская структурная модель может быть интерпретирована и типологически при соположении ее с иноструктурными моделями неиндоевропейского языкового мира. Процедура подобного типологического описания разработана еще весьма недостаточно, а опыты типологической характеристики общендоевропейского состояния, предложенные Финком¹²⁴, Леви¹²⁵, Трубецким¹²⁶, Хартманом¹²⁷ и др., являются преждевременными и мало удовлетворительными.

VI

В сравнительной грамматике индоевропейских языков младограмматического толка, называемой также классической, проблема реконструкции текста на индоевропейский праязык подавляющим большинством исследователей была изъята из научного обихода, и упоминание праязыковой басни Шлейхера вызывало снисходительную улыбку. Любопытно отметить, что попытка Хирта¹²⁸ вторичной транскрипции басни в терминах сравнительной фонетики индоевропейских языков начала XX в., встреченная с явным презрением, свелась лишь к модификации

¹²⁴ F. Finck. Die Haupttypen des Sprachbaus, Leipzig, 1910.

¹²⁵ E. Lewy. Der Bau der europäischen Sprachen. «Proceedings of the Royal Irish Academy», vol. 48, Section C, № 2, Dublin, 1942; *Он же*. Kleine Schriften. Berlin, 1961.

¹²⁶ И. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме. — ВЯ, 1958, № 1.

¹²⁷ P. Hartmann. Zur Typologie des Indogermanischen. Heidelberg, 1956.

¹²⁸ H. Hirt. Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle, 1939.

вокализма и консонантизма. В то же время перевод Шлейхера был ни чем иным, как транспозицией санскрита в фонетический облик индоевропейского праязыка, как это отвечало уровню реконструкции середины XIX в. С некоторой долей иронии это можно было бы рассматривать как первый опыт внутренней реконструкции на основе древнеиндийского языка. Такому отношению к возможности реконструкции текста способствовало также состояние совершенно неудовлетворительной разработки сравнительного синтаксиса индоевропейских языков. Однако внедрение принципов системного анализа языка на разных уровнях в сравнительную грамматику индоевропейских языков и методика внутренней реконструкции, а также некоторые соображения, почерпнутые из общей теории языка, заставили вновь вернуться к проблеме реконструкции текста в свете современных данных.

Можно полагать, что восстановление текста на индоевропейском праязыке на уровне фонемки, морфемки и синтагматики, частично и на лексико-семантическом уровне допустимо и возможно. Естественно, что перекодирование текста с одного уровня на другой может всякий раз сопровождаться процедурой реконструкции, которая специфична для данного уровня, например фонемного или морфемного, и поэтому для каждого уровня требует особого описания. В то же время, в силу изоморфизма языковых структур разных уровней, многое в реконструкции фонемного, морфемного, синтагматического и лексико-семантического уровней будет однотипным и поэтому, в целях экономии самой процедуры реконструкций, а также для достижения большей архитектурной стройности, возможно дать подробное описание процедуры реконструкции лишь одного уровня, всякий раз внося добавления и коррективы каждого иерархически высшего уровня, что можно представить алгебраически:

1. $(a + b) + c$
2. $(a + b + c) + d$
3. $(a + b + c + d) + e$ и т. д.

Реконструкция текста на индоевропейский праязык, каким бы фрагментарным он ни был, влечет за собой целый ряд соображений не только лингвистического, но и филологического характера. Роль филологии в сравнительном индоевропейском языкознании значительно воз-

росла не только в связи с дешифровкой и интерпретацией текстов на недавно открытых индоевропейских языках, но в значительно большей степени в связи с обострившимся интересом к реконструкции и характеру общиндоевропейских поэтических и метрических формул, индоевропейского поэтического языка, стратиграфии индоевропейского словаря: сакральной, правовой, поэтической и экспрессивной лексик. Некоторые задачи общиндоевропейского поэтического языка были обрисованы Ваккернагелем ¹²⁹ и Шпехтом ¹³⁰, а контуры общиндоевропейской метрики, данные еще в середине XIX в. А. Куном, более выпукло предстали в работах Мейе ¹³¹, Якобсона ¹³², Куриловича ¹³³ и Уоткинса ¹³⁴. Шпехт ¹³⁵ дал простое соположение ведических и древнеисландских поэтических фрагментов с попыткой индоевропейской реконструкции первой строчки гимна: *idem, gonöses, upo klute.*

Hlióðs bið ec allar helgar kindir
meiri oc minni mogo Heimdalar
vildo, at ec, Valföðr vel fyrtelia
forn spíöll fira, þau er fremst um man
(*Edda, Völ. I, r. 8*)

‘Внимайте мне, все священные роды
великие с малым Хеймдалля дети!
Один, ты хочешь, чтоб я рассказала
о прошлом всех сущих, о древнем, что помню’.
(*Старшая Эдда, стр. 9*) ¹³⁶

Idam, janā, úpa śruta
nārāsaṃsa staviṣyate
(*Atharvaveda XX, 127, 1*)

‘Внемлите этому, о люди; будет возведено повествование,
прославляющее дарообильных людей’.

¹²⁹ J. Wackernagel. Indogermanische Dichtersprache. «Philologus», Bd. 95, 1943.

¹³⁰ Fr. Specht. Zur indogermanischen Sprache und Kultur. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Bd. 64, H. 1/2, 1937.

¹³¹ A. Meillet. Origines indo-européennes des metres grecques. Paris, 1923.

¹³² R. Jakobson. Studies in comparative Slavic metrics. Oxford. «Slavonic papers», 1952, vol. 3.

¹³³ J. Kuryłowicz. Indo-European metrical studies. «Poetics», Warszawa, 1961, стр. 87—89.

¹³⁴ C. Watkins. Indo-European metrics and Archaic Irish verse. «Celtica», vol. VI.

¹³⁵ Fr. Specht. Указ. соч., стр. 1—2.

¹³⁶ «Старшая Эдда», перевод А. И. Корсуна под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М.—Л., 1963, стр. 9.

Попытка Шпехта со всей ясностью обнаруживает настоятельную необходимость не только дальнейшего собирания поэтических фрагментов на различных индоевропейских языках, могущих быть причисленными к общеиндоевропейскому достоянию, но прежде всего углубленную разработку индоевропейской просодии¹³⁷, в частности выяснение общеиндоевропейских основ сандхи. Необходимость продиктована и тем обстоятельством, что метрический и просодический уровни требуют отдельной интерпретации. Реконструкции текста должна предшествовать его филологическая обработка, а это означает, что одной из актуальных задач является создание индоевропейской филологии, такой дисциплины, которая обеспечит лингвистическое и филологическое осмысление многих распыленных общеиндоевропейских поэтических фрагментов, сохраненных как в памятниках различной степени древности, так подчас и в произведениях устного творчества. Вплоть до настоящего времени исследователи, стремящиеся обнаружить общеиндоевропейские основы определенных поэтических фрагментов, оперируют лишь некоторыми моделями, заимствованными из древнеиндийской и греческой, значительно реже — из славянской и кельтской метрики и перенесенными на индоевропейскую плоскость.

В этой связи и укажем на то, что в последние два десятилетия значительно возрос интерес к проблемам индоевропейского поэтического языка¹³⁸.

¹³⁷ См. об этом: *J. Kuryłowicz. Metrik und Sprachgeschichte. Wrocław, 1975.*

¹³⁸ *B. Schlerath. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda. Wiesbaden, 1960, стр. 129 и сл.; J. Kuryłowicz. Indo-European metrical studies. «Poetics»; C. Watkins. Indo-European origins of a Celtic metre. «Poetics». Warszawa, 1961; C. Watkins. Indo-European metrics and archaic Irish verse. «Celtica», vol. VI; R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967; R. Schmitt (ред.). Indogermanische Dichtersprache. Darmstadt, 1968; H. Humbach. Indo-germanische Dichtersprache? «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», II. 21, 1967; W. Wüst. Zum Problem einer idg. Dichtersprache. «Studia classica et orientalia Antonio Pagliaro oblata». Roma, 1969.*

Индоевропейское сравнительное языкознание является самой существенной частью сложного комплекса археологических, исторических, этнографических и филологических дисциплин. Отличительной чертой современного состояния индоевропейского сравнительного языкознания является синтезирование различных приемов исследования, не рядоположное, а перекрестное рассмотрение языковых явлений при посредстве вышеназванных дисциплин. Можно полагать, что важнейшей задачей сравнительного языкознания второй половины XX в. явится создание завершенной парадигмы с целостной совокупностью структурных приемов, пронизанных единой императивной концепцией, с аксиоматикой сравнительного языкознания. В связи с этим предстоит огромной ответственности работа по переосмыслению теоретических основ и исходных постулатов сравнительного языкознания. В этой работе опора на существующие завершенные и незавершенные парадигмы сравнительного языкознания — неперемнное условие, ибо, как сказал Ньютон, мы можем смотреть так далеко вперед только потому, что стоим на плечах гигантов.

Глава 2

О СООТНОШЕНИИ ГЕНЕТИЧЕСКИХ И ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА

Понятие языкового родства и методы его установления относятся к тем «вечным» вопросам общего и сравнительного языкознания, к которым постоянно возвращаются исследователи, особенно в связи с вновь открытыми языками, языковая принадлежность которых остается невыясненной, а также в связи с неоднократно имевшим место пересмотром исходных положений лингвистики во второй половине XIX и в первой половине XX в. При этом не может не броситься в глаза известная двойственность в решении вопроса о языковом родстве и принципах генеалогической классификации языков разных систем, отчетливо сказавшаяся в исследованиях, относящихся к 30—60-м годам XX в.

С одной стороны, в работах, посвященных новооткрытым индоевропейским языкам, особенно хетто-лувийским и тохарским, а также в работах, где ставится вопрос о генеалогической классификации ряда африканских, полинезийских и других языковых семей, находят отражение классические (или, что — одно и то же — традиционные) приемы установления языкового родства, принятые в сравнительном языкознании, когда ведущей оказывается процедура реконструкции исходного состояния ряда языков, входящих в определенную языковую семью, и когда выясняются причины эволюции того или иного языка и степень его расхождения по сравнению с исходным состоянием или праязыком в пределах, дозволяемых сравнительной или внутренней реконструкцией.

С другой стороны, в ряде работ, посвященных тому же кругу проблем, предлагается пересмотреть основания, на коих покоится генеалогическая классификация языков, отказаться от реконструкции праязыка, а также от самого понятия генетического родства языков, причем

последнее заменяется понятием языкового союза и конвергентности языкового развития группы первоначально различных и вовсе не родственных языков. В этой двойственности решения вопроса об установлении генетического родства языков нельзя не усматривать известную реакцию на теорию родословного древа, нашедшую свое классическое выражение в работах А. Шлейхера¹ и его многочисленных последователей. В то же время в этой двойственности сказалась попытка компромиссного решения вопроса, стремление ряда исследователей сохранить традиционные приемы установления языкового родства, согласовав их с новыми методами лингвистического анализа, все более интенсивно внедряемыми в индоевропейское сравнительное языкознание.

В связи с этим некоторые исследователи предлагают уточнить само понятие генетического языкового родства. Так, Дж. Гринберг выдвигает три главных метода классификации языков: 1) генетический, 2) типологический, 3) ареальный². Следует, однако, заметить, что данное членение, с большим одобрением воспринятое и узаконенное в современном языкознании Р. О. Якобсоном³, далеко не является безукоризненным. Как уже неоднократно отмечалось⁴, ареальный критерий лишь дополняет, уточняет методiku генетической и типологической классификации языков, являясь их составной частью, но он не противопоставлен как особая, самостоятельная лингвистическая процедура генетической и типологической характеристике языков. В уточнении и, в известном смысле, в пересмотре нуждается также понятие «языкового родства». Термин «сродство» (*Affinität*) был впервые предло-

¹ См. об этом полемически заостренные положения В. Пизани в его работе: *V. Pisani. August Schleicher und einige Richtungen der heutigen Sprachwissenschaft*, «Lingua», vol. IV, f. 4, 1955.

² *J. H. Greenberg. Essays in linguistics*. Chicago, 1957, стр. 66 и сл.

³ *Р. Якобсон. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание*. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 97 (здесь Р. Якобсон указывает на то, что: «Генетический метод имеет дело с родством, ареальный — со сродством языков, а типологический — с изоморфизмом»).

⁴ *Э. А. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики*. М.—Л., 1964, стр. 50—57; *Он же. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания*. — ВЯ, 1965, № 4, стр. 5 и 18—19.

жен А. Поттом⁵, который высказывал сожаление по поводу того, что языковеды не всегда проводят различие между близостью языков, основанной на кровном родстве (*Sprachkonsanguinität*), и сродством языков, что является ни чем иным, как усвоением чужих языковых элементов и что следует рассматривать как смешанное образование. И. Кноблех⁶, опираясь на Э. Швицера⁷, определяет сродство как языковое родство типологического или культурного характера, или как обусловленное контактом. Г. Шухардт, как известно, не принимал понятия языкового сродства (*elementare Sprachverwandtschaft*), поскольку он полагал, что между языковым сродством и генетическим родством по сути дела нет различий⁸. Вряд ли стоит специально оговаривать, что данное положение Г. Шухардта явилось логическим следствием его весьма одностороннего и гипертрофированного учения о смешанном характере всех языков мира. Однако дело не только в этом.

Гораздо более существенным оказывается то, что генетическое родство, как будет более подробно раскрыто ниже, обязательно предполагает наличие известной совокупности конститутивных единиц разных уровней языка, тождественных (или модифицированных строго в соответствии с действующими в данной языковой семье законами) как в плане выражения, так и в плане содержания у всех или большинства членов данной языковой семьи, могущих быть возведенными к исходному или праязыковому состоянию. Что касается языкового сродства, то здесь речь может идти о наличии известной совокупности общих структурных черт у языков определенного ареала, общих лишь в плане содержания, что делает невозможным и просто бессмысленным возведение этих общих структурных признаков к какому-либо исходному состоянию.

⁵ *A. Pott. Etymologische Forschungen auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen*, Bd. I, 2 Aufl. Lemgo, 1859, стр. XIV.

⁶ *J. Knobloch. Sprachwissenschaftliches Wörterbuch*, Lief. I. Heidelberg, 1961, стр. 56.

⁷ *E. Schwyzer. «Sprachbund?» «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung»*, Bd. 68, H. 1/2, 1943, стр. 98.

⁸ *H. Schuchardt. Sprachverwandtschaft. «Sitzungsberichte der Königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften»*, Bd 37, 1917, стр. 524.

Следовательно, так называемое языковое средство не имеет ничего общего с языковым родством, основанном на критериях генетического порядка, и поэтому логически неоправдано определение языкового средства как языкового родства типологического или культурного характера (см. стр. 77—78). В этом плане таким же неоправданным представляется обозначение «типологическое родство языков» у Л. Ельмслева⁹. При типологическом сопоставлении языков разных систем исследователь имеет дело с установлением и определением наличия/отсутствия однотипной структуры или типологического тождества в языках, подлежащих сравнению¹⁰. Таким образом, понятие языкового родства, основанное на критериях генетического порядка, противопоставляется типологической характеристике языков или языковой типологии¹¹.

Поскольку генетические критерии противопоставляются типологическим критериям, возникает вопрос об их соотношении, об их удельном весе в решении комплекса проблем, связанных с генеалогической классификацией языков. Как уже отмечалось, в работах ряда исследователей обозначилась более или менее явно выраженная тенденция генетические критерии определения языкового родства дополнять типологическими критериями, а иные из исследователей идут так далеко, что предлагают вообще отказаться от понятия генетического родства языков, от понятия исходного для группы родственных языков состояния или праязыка, вводя вместо этих понятий учение о языковых контактах и языковых союзах¹². В свете этих контrovers представляется вполне уместным более детальное рассмотрение данного комплекса проблем.

Так как идея языкового союза была впервые выдвинута Н. С. Трубецким, а понятие балканского языкового

⁹ *L. Hjelmslev. Sprogct. København, 1963, стр. 88 («Typologisk sprogslaegtskab»).*

¹⁰ *Э. А. Макаев. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика. — ВЯ, 1964, № 1, стр. 7—13.*

¹¹ *Г. Бирнбаум в известной мере прав, указывая на то, что обозначение «генетическое родство языков» является по сути дела тавтологией (H. Birnbaum. Balkanslavisch und Südslavisch. «Zeitschrift für Balkanologie», III, 1965, H. 1/2, стр. 13).*

¹² *Список всех сюда относящихся работ см. в сл. реферате: A. Scherer. Der Stand der indogermanischen Sprachwissenschaft. «Trends in European and American Linguistics 1930—1960». Utrecht—Antwerp, 1961, стр. 225—228.*

союза было обосновано К. Сандфельдом, то прежде всего рассмотрим концепцию данных исследователей. Н. С. Трубецкой в своей работе «Мысли об индоевропейской проблеме», как известно, исходил из того, что «предположение, что индоевропейское семейство получилось благодаря конвергентному развитию первоначально неродственных друг другу языков (предков позднейших «ветвей» индоевропейского семейства), отнюдь не менее правдоподобно, чем обратное предположение, будто все индоевропейские языки развились из единого индоевропейского праязыка путем чисто дивергентной эволюции»¹³. В другом месте той же работы автор подчеркивал, что «понятие «языкового семейства» отнюдь не предполагает общего происхождения ряда языков от одного и того же праязыка»¹⁴.

Большой теоретический и познавательный интерес представляют соображения, заставляющие Н. С. Трубецкого отказаться от понятия праязыка и заменить учение о семье индоевропейских языков, образовавшейся в результате распада общеиндоевропейского языка или праязыка, учением об индоевропейском языковом союзе. Н. С. Трубецкой полагает, что презумпция индоевропейского праязыка противоречит тому факту, что «мы всегда находим в древности множество индоевропейских языков»¹⁵. Аргументация поразительно беспомощная! Бесспорно, что, опускаясь в глубь веков, мы находим множество индоевропейских языков. Но разве нужно доказывать, что индоевропейст может дойти лишь до сравнительно небольшой временной глубины (II тыс. до н. э.), в то время как между существованием индоевропейского праязыка и древнейшими памятниками на отдельных индоевропейских языках лежит ничем не заполнимая пропасть в несколько тысячелетий. Нужно доказать не наличие множества индоевропейских языков в древности, а необходимо объяснить, почему при углублении хронологического среза индоевропейские языки бесспорно обнаруживают все большее и большее материальное и формальное сходство (т. е. лингвистическое расстояние от древнеперсидского до древнеиндийского меньше, чем расстояние от современного персидского до хинди или маратхи), в то время

¹³ Н. С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме.— ВЯ, 1958, № 1, стр. 68.

¹⁴ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 66.

¹⁵ Там же.

как по отношению к современному состоянию индоевропейских языков их различия все более возрастают.

Этот бесспорный факт, мимо которого не может пройти ни один исследователь, находит свое логически единственно оправданное объяснение только в гипотезе индоевропейского праязыка или общего исходного состояния. Никакое другое объяснение, помимо праязыка, не может рассматриваться как удовлетворительное, ибо соображения географического и культурного контактирования, на которые в данном случае обычно ссылаются В. Пизани, Дж. Девото и некоторые другие итальянские языковеды, оказываются совершенно беспочвенными перед тем обстоятельством, что возрастание материального и формального сходства у группы родственных языков по мере углубления хронологического среза наблюдается не только в истории индоевропейских, но и в истории семитских, финно-угорских, тюркских и других языков. Данную закономерность следует вообще рассматривать как одну из универсалий диахронической лингвистики.

Касаясь проблемы материальных и формальных соответствий в группе родственных языков, Трубецкой и в данном случае полагает, что «для объяснения закономерности звуковых соответствий вовсе не надо прибегать к предположению общего происхождения языков данной группы, так как такая закономерность существует и при массовых заимствованиях одним неродственным языком у другого»¹⁶. При этом Трубецкой указывает на наблюдаемые звуковые соответствия в славянских заимствованиях в западнофинских языках и ссылается на П. Кречмера, который исходил из того, что между понятием языкового родства и заимствования существует только хронологическое различие. Следует признать и данную аргументацию совершенно неудовлетворительной. Прежде всего приходится со всей определенностью подчеркнуть, что наблюдаемые звуковые соответствия в славянских заимствованиях в западнофинских языках говорят о том, что исследователь имеет дело в западнофинских языках именно с заимствованиями, а не исконными словами: те и другие четко противопоставлены друг другу.

Консонантизм и вокализм славянских заимствований в западнофинских языках может пролить свет на древней-

¹⁶ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 66.

шую историю как финно-угорского, так и славянского фонологического строя; эти данные используются для построения относительной хронологии ряда фонологических процессов в славянских и в западнофинских языках, но эти звуковые соответствия возможны, и они получают осмысленную интерпретацию лишь при допущении как славянского, так и западнофинского исходного состояния, т. е. они доказывают противоположное тому, что выдвигал и на чем настаивал Трубецкой¹⁷. Сам автор подчеркивал, что «слова, проникшие из одного индоевропейского языка в другой после известного звукового изменения, мы узнаем как заимствованные, потому что закономерность звуковых соответствий оказывается нарушенной»¹⁸. Это бесспорно правильно, но это положение лучше всего свидетельствует о том, что при установлении звуковых корреспонденций между отдельными индоевропейскими языками проводится всякий раз жесткое различие между исконным корнесловом и заимствованиями, а это оказывается возможным лишь при допущении индоевропейского исходного состояния или праязыка.

Все вышесказанное заставляет исследователя при построении сравнительной грамматики группы родственных языков исходить именно из общего для данной группы языков состояния или праязыка. Трубецкой на основании рассмотренных выше аргументов приходит к противоположному выводу: «Таким образом, нет собственно никакого основания, заставляющего предполагать единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки»¹⁹. Далее Трубецкой набрасывает картину становления индоевропейской семьи языков: «С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, т. е. предполагать, что предки

¹⁷ Укажу на наиболее важные работы, где рассматривается данный вопрос: *P. Aalto. Verwandtschaft, Entlehnung, Zufall. «Kratylos», X, H. 2, 1965, стр. 123 и сл.; V. Skalička. Finnougrisch und Indogermanisch. «Ural-Altische Jahrbücher», 41, H. 1/4, 1969, стр. 335 и сл.; P. Aalto. Uralisch und Altisch.— Там же, стр. 323 и сл.; J. Schröpfer. Zum typologischen Verhältnis von Uralisch, Altisch und Indogermanisch.— Там же, стр. 372 и сл.; G. Lako. Lehnwort und Begriff in der Urheimatforschung.— Там же, стр. 300 и сл.; B. Wickman. Die Verwandtschaft des Finnougrischen mit anderen Sprachen.— Там же, стр. 310 и сл.; A. Joki. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.*

¹⁸ *H. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 66.*

¹⁹ Там же, стр. 67.

индоевропейских ветвей первоначально были непохожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянному контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом. История языков знает и дивергентное и конвергентное развитие»²⁰.

Эти мысли Трубецкого перекликаются с постулатами итальянских лингвистов, исходящих из того, что черты сходства между отдельными индоевропейскими языками — более позднее явление, а различия между ними — древнее явление. Так, В. Пизани полагает, что следствием контактирования двух групп итальянских языков: оскско-умбрских и латинского явилось то, что латинский и оскско-умбрские языки сблизились и это привело к образованию общих двум группам инноваций. Следовательно, заключает В. Пизани, общность латинского и оскско-умбрских языков восходит не к мнимому итальянскому праязыку, а к итальянскому языковому союзу, связь между членами которого была более тесной, чем то наблюдалось в балканском языковом союзе. На более раннем этапе развития оскско-умбрские языки входили в состав иного языкового союза, который В. Пизани локализует в Македонии и Фракии и к которому относились предшественники эолийцев, осков, умбров, фригийцев, армян и в известной мере кельтов²¹.

Таким образом, Трубецкой, как и итальянские лингвисты, особенно Дж. Девото и В. Пизани, противопоставляет праязыковым реконструкциям, утвержденным в индоевропейском сравнительном языкознании, основанным на обязательном допущении генетического родства сравниваемых языков, концепцию языковых союзов с характерным для них конвергентным путем развития, следствием чего является постулат, что черты общности индоевропейских языков — явление вторичное, позднейшее, а черты различия индоевропейских языков — явление древнее и исконное. Остается доказать, что индоевропейские языки, индоевропейский структурный тип образовались вследствие вхождения неродственных различных языков в определенный языковый союз, в котором постепенно сплавлялись, благодаря постоянным контактам и взаимным влия-

²⁰ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 67

²¹ См.: Э. А. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, стр. 50—53 (приводится библиография вопроса).

ниям, гетерогенные элементы, приводя в результате к их нивелировке и унификации. Существуют ли основания для подобного предположения? Для ответа на данный вопрос обратимся к балканскому языковому союзу, как это было описано Кр. Сандфельдом²².

Указывая на языковую общность ряда языков, входящих в балканский языковой союз, Кр. Сандфельд прежде всего расчленяет весь относящийся сюда материал на три группы: I. Заимствования; II. Не-лексические соответствия между отдельными балканскими языками; III. Не-лексические соответствия, охватывающие все балканские языки. Именно явления этой последней группы следует рассматривать как характерные признаки балканского языкового союза. Сюда относятся: 1) постпозитивный член; 2) элиминирование инфинитива; 3) образование категории будущего времени; 4) синкретизм родительного и дательного падежей; 5) антиципация личного местоимения; 6) плеонастическое употребление винительного падежа; 7) некоторые особенности образования числительных; 8) синтаксические и фразеологические особенности²³. Как полагает Кр. Сандфельд, весьма существенным для формирования балканского языкового союза было то, что одному из языков, входящих в данный союз, именно греческому языку, принадлежала доминирующая роль, или, в иных терминах, в балканском языковом союзе греческий язык являлся языком-эталоном.

В последнее время в работах балканистов замечается постепенный отход от этой точки зрения Кр. Сандфельда, причем обычно подчеркивается, что в формировании бал-

²² *Kr. Sandfeld. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930.*— Дискуссионным является вопрос, какие языки следует причислить к балканскому языковому союзу. Кр. Сандфельд включал в данный союз в первую очередь греческий, албанский, болгарский, румынский, а также во многом и сербскохорватский (*Kr. Sandfeld. Указ. соч.*, стр. 163), исключая турецкий язык. Г. Бирнбаум включает в балканский языковой союз следующие языки и диалекты: румынский, македоно-румынский, меглено-румынский, болгарский, македонский, новогреческий и албанский. Сербскохорватский причисляется лишь условно к данному союзу; Г. Бирнбаум исключает из данного союза словенский, венгерский и турецкий; см. *H. Birnbaum. Balkanslavisch und Südslavisch. «Zeitschrift für Balkanologie»*, стр. 20—21.— Данный вопрос, принципиально важный для балканистики, для нашей работы не имеет существенного значения.

²³ *Kr. Sandfeld. Указ. соч.*

канского языкового союза ведущая роль принадлежала не греческому языку, а прежде всего языковой интерференции и языковому смешению, а также мощным влияниям, исходившим от греческого койне, народной латыни и славянских языков²⁴. Последнее обстоятельство в известной мере предопределяет решение вопроса о *terminus post quem* в формировании балканского языкового союза. Кр. Сандфельд оставлял в принципе данный вопрос открытым, подчеркивая: «Трудно высказать определенное суждение по вопросу о том, к какой эпохе восходит балканская языковая общность»²⁵, однако он все же указывал на то, что многие из балканизмов относятся к эпохе не ранее X в. н. э., а некоторые из них возникли, возможно, и несколько раньше²⁶. Во всяком случае, возникновение балканского языкового союза относится самое раннее к первым векам н. э., ибо до этого времени вообще не могла идти речь об интерференции со стороны народной латыни и славянских языков.

Данное соображение хронологического порядка заставляет усомниться в справедливости положения, высказываемого в коллективной монографии «Общее языкознание»: «Любопытно, что перечисленные черты в той или иной мере разделяет и армянский язык, что как будто говорит в пользу фригийской гипотезы его происхождения, указывающей в конечном счете на Балканы»²⁷. Не говоря уже о том, что гипотеза о фригийском происхождении армянского языка является весьма спорной, не может подлежать сомнению, что в III—I вв. до н. э. армяне уже находились на Кавказе; следовательно, если признать, что армянский язык разделяет некоторые черты балканского языкового союза, то в таком случае придется принять его формирование еще в первом тысячелетии до н. э., что совершенно невероятно.

Кроме того, ряд особенностей балканской языковой общности, как отмечал Кр. Сандфельд, к эпохе появления первых памятников на славянских языках, т. е. в IX—X вв. н. э., еще находился в состоянии формирования; то же замечание относится и к румынскому языку²⁸. В то же

²⁴ *H. Birnbaum*. Указ. соч.

²⁵ *Kr. Sandfeld*. Указ. соч., стр. 214.

²⁶ Там же, стр. 214—216.

²⁷ «Общее языкознание». М., 1970, стр. 290.

²⁸ *Kr. Sandfeld*. Указ. соч., стр. 214—215.

время вышеуказанные особенности находят отражение в армянском языке, начиная с древнейших текстов V в. н. э., такие как постпозитивный член, синкретизм дательного и винительного падежей и др., что заставляет говорить о том, что они существовали в армянском языке по крайней мере несколько столетий и что, как уже отмечалось выше, заставляет отнести формирование балканского языкового союза к первому тысячелетию до н. э.²⁹ Концепция Кр. Сандфельда о формировании балканского языкового союза с доминантой греческого языка была механически перенесена В. Пизани на индоевропейскую плоскость.

В. Пизани считал, что «именно потому что санскрит обладает большей частью тех явлений, которые характерны для сети изоглосс, конституирующих единство индоевропейских языков, и вследствие того, что данные явления в санскрите образуют более замкнутую систему, чем в каком-либо другом индоевропейском языке, я прихожу к убеждению, что вышеуказанное единство с его диалектными различиями явилось результатом языкового союза, в который входили как туземные языки средней и восточной Европы, а возможно также и примыкающей сюда части Азии, так и язык, прямым продолжением которого является санскрит и который я соответственно называю «протосанскрит»; данный язык играл роль доминирующего языка в формировании вышеуказанного единства индоевропейских языков, что можно сравнить с ролью латинского языка Рима в формировании народной латыни. Скорее всего то был процесс колонизации со стороны завоевателей, которые принесли с собой новый жизненный уклад, новую технику и новый культурный тип и которые постепенно расселялись за пределами своей первоначальной области (как я полагаю, вблизи Черного моря и Кавказа), ассимилируя в культурном и языковом отношении автохтонные народности и предпринимая новые завоевательные походы с этими «санскритизированными» народами»³⁰.

²⁹ *O. Haas*. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966, стр. 240 и сл.; *W. Dressler*. Armenisch und Phrygisch. «Handes Amsorya», vol. 78, 1964; *Э. А. Макаев*. Армяно-кельтские изоглоссы. «Кельты и кельтские языки». М., 1974.

³⁰ *V. Pisani*. Entstehung von Einzelsprachen aus Sprachbünden. «Kratylos», XI, Н. 1/2, 1966, стр. 138; *Он же*. Indogermanisch und Sanskrit. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», 76, Н. 1/2, 1959.

Взгляды Кр. Сандфельда на балканский языковой союз весьма поучительны, поскольку они позволяют ответить на поставленный выше вопрос, именно: в какой мере формирование языкового союза приводит или может привести к возникновению новых языков? Материал, собранный и проанализированный Кр. Сандфельдом, со всей определенностью свидетельствует о том, что языки, входящие в балканский языковой союз (а при прочих равных условиях и в любой другой языковой союз), приобретают некоторые черты, характерные для структурного облика данного союза, сохраняя при этом свой статус самостоятельного языка, генетические узы которого продолжают сохраняться и при вхождении данного языка в определенный языковой союз; так, румынский язык, входящий в балканский языковой союз, по-прежнему остается романским языком, а болгарский язык, входящий в тот же союз, остается славянским языком.

На протяжении более чем тысячелетнего существования балканского языкового союза входящие в него языки отнюдь не утратили генетических связей со своими предками, в результате функционирования данного союза не образовался новый языковой тип, не был создан иной грамматический строй, генетически отличный от предшествующих этапов развития каждого из входящих в данный языковой союз языков. Еще более важным представляется то, что в результате не получился сплав всех языков в некий унифицированный структурный тип, что позволило бы говорить о балканской группе языков. Как известно, такой группы языков не существует по совершенно понятным причинам, ибо балканский языковой союз не был в состоянии обеспечить то, что единственно гарантировала генетическая характеристика балканских языков — возведение их к определенной генетической семье и возможность реконструкции их исходного состояния.

Различие между индоевропейской семьей языков и балканским языковым союзом поразительно и одновременно весьма поучительно. При всем огромном различии между отдельными индоевропейскими языками бесспорным остается их единство, поскольку реконструкция каждого из индоевропейских языков всегда приводит к единому для всех языков данного семейства исходному состоянию или праязыку. Определять исходное состояние для языков балканского или какого-либо иного языкового союза невозможно

и даже бессмысленно. Весьма характерно, что входящие в балканский союз языки смогли в условиях теснейшего географического, культурного и языкового контактирования их носителей на протяжении многих веков приобрести лишь некоторые структурные черты, не противоречащие структурному облику каждого из языков данного союза.

Следует со всей определенностью подчеркнуть одно весьма существенное обстоятельство, на которое до сих пор вовсе не обращалось внимания ³¹, именно то, что многие из балканизмов, которые были перечислены выше, как бы имплицитно содержались в древнейшем состоянии индоевропейских языков; так, индоевропейским языкам, начиная с ведических текстов Гомера и древнейших хеттских ритуальных текстов, хорошо известны явления энклизы и постпозиции некоторых служебных слов; постпозитивный член в языках балканского союза — это структурное завершение еще общиндоевропейских тенденций, принявших парадигматический характер; появление в балканских языках аналитической формы будущего времени с глаголом «хотеть» также известно древним индоевропейским языкам, поскольку в общиндоевропейском не существовало единой категории будущего времени; синкретизм родительного и дательного падежей прослеживается в ряде типов склонения уже в древнейших индоевропейских языках.

Это все говорит о том, что в языковом союзе не происходит амальгамирования всех входящих в него языков в новый структурный тип, а наблюдается или 1) элиминирование некоторых структурных черт или категориальных признаков, или 2) появление ряда инноваций, распространяющихся на все или на большинство языков данного со-

³¹ Можно указать на ряд работ, специально посвященных проблеме языковых союзов, критике генетических критериев при определении языкового родства и критике праязыка, где вообще рассматривается и упоминается данная проблема: *G. Bonfante. Il concetto di «lega linguistica» e la sua applicazione all'indeuropeo. «Indeuropeo e protostoria». Milano, 1961; V. Pisani. Concetto storico di «Indeuropeo».* — Там же; *J. Knobloch. Concetto storico di protolingua e possibilità e limiti di applicazione ad esso dei principi strutturalistici. Le protolingue. «Atti del IV Convegno Internazionale di linguisti». Milano, 1965; V. Pisani. Origini e costituzione dell'unità linguistica germanica in rapporto alle altre lingue indeuropee.* — Там же; *P. Ramat. L'indeuropeo nella linguistica contemporanea. «Lingua e Stile», Bd. IV, 3, 1969.*

юза и объяснимых, а нередко просто подготовленных конкретной историей одного из входящих в данный союз языков. Справедливость этих положений становится еще более очевидной, если мы рассмотрим еще один пример языкового союза, как это было продемонстрировано В. Пизани. Пытаясь доказать, что языковой союз может явиться основанием для появления нового языка, В. Пизани обращается к истории английского языка, указывая на то, что в конце XI в. в Англии господствовали три языка: древнеанглийский, датский и французский.

Автор подчеркивает также, что в то время на северо-западе Европы, во франкском государстве был образован, хотя и в зачаточном состоянии, языковой союз и продолжает: «Спустя два-три века мы застаем совершенно иную картину: среднеанглийский язык, распространяющийся из Лондона, не только словарь, но морфология и структура которого совершенно отличны от трех вышеназванных языков: хотя удельный вес датского языка незначителен, но элементы англосаксонского и французского происхождения уравнивают друг друга. Смешно рассматривать английский язык как германский язык: структура языка в основном романская (следует лишь вспомнить об исчезновении, за исключением небольшого количества архаизмов, внутренней флексии, именно аблаута и умлаута, о распаде склонения, об образовании множественного числа у существительных, которые обобщают по французскому образцу *-s* мужских *a*-основ, об артикле, об описательных временах в системе глагола, о модели *twenty five* вместо *five and twenty*), романскими являются также значительная часть словаря и именные и глагольные суффиксы».

Автор далее продолжает: «В данном случае речь идет о дву- и многоязычных связях между соседствующими и отчасти смешанными народностями, между господами и угнетенными, т. е. о горизонтальных и вертикальных связях, что имело следствием возникновение нового языка, четко отличающегося от тех трех языков, элементы которых он вобрал в себя»³².

³² V. *Pisani*. Entstehung von Einzelsprachen aus Sprachbünden, стр. 131—132;— А. Пальяро и В. Беларди в своей книге «Очерки лингвистической истории Европы», исходя из положения, лежащего в основе данной книги, именно, что «лингвистическая история Европы на протяжении всех веков обнаруживает постоян-

Весь ход рассуждений В. Пизани представляется глубоко ошибочным. Английский язык был и бесспорно остается германским языком именно потому, что продолжает сохраняться его лингвистическая традиция, именно потому, что возможно установить тождество его элементов в древнеанглийском и в современном английском языке, потому что продолжает поддерживаться непрерывность его развития. Именно это дает исследователю возможность отождествить тексты английского языка, относящиеся к разным периодам его истории, и признать в них отражение одного и того же языка. Можно доказать принадлежность английского языка к германским языкам и другим способом: реконструкция любого текста из средне- или новоанглийского периода всегда приведет по меньшей мере к древнеанглийскому состоянию, что по определению относится к германским языкам, в то время как данная реконструкция никогда не приведет к исходному романскому состоянию.

Неверно утверждение В. Пизани, что структура английского языка романская, а не германская: все приводимые автором явления (см. стр. 80) в равной степени относятся и к таким германским языкам, как шведский и норвежский, в принадлежности которых к германским языкам не сомневается и сам В. Пизани; все эти явления объясняются (и это уже давно сделано!) на основе внутрен-

нюю тенденцию к образованию общего лингвистического наследия» (стр. 227), рассматривают английский язык как смешанный романо-германский и указывают на то, что «английский язык со своим романо-германским конвергентным путем развития по всей видимости является тем европейским языком, который наиболее явственно выявляет эту тенденцию к интеграции и нивелированию» (стр. 227). Хотя авторы оговаривают, что «Европа с лингвистической и Европа с политической точки зрения совпадает лишь частично» (стр. 227), они пытаются доказать общность лингвистического развития Европы, отражающую общие основы западной цивилизации (стр. 124). Доказательство этой общности лингвистического развития Европы, основанной не на узях генетического родства, а на общности географической, культурной и духовной, авторы ищут в некоторых, подчас довольно случайных, общих чертах в синтаксисе литературных языков и в периферической лексической системе (научная терминология, заимствования, кальки). Методологические основы подобной концепции вряд ли нуждаются в критике. См.: *A. Pagliaro, W. Belardi. Linee di storia linguistica dell' Europa. Roma, 1963.*

него развития самих германских языков, что избавляет от необходимости обращаться за их объяснением к романским языкам. Насколько беспочвенна аргументация В. Пизани можно видеть хотя бы на примере английской модели числительного *twenty five* вместо *five and twenty*, которую он объясняет как возникшую под влиянием романского образца. В современном исландском языке мы находим ту же модель, что и в английском: *tuttugu og fimn*, та же модель представлена и в шведском языке, однако ни один серьезный исследователь не будет объяснять исландскую или шведскую модель числительного как романскую модель, перенесенную на германскую почву. Дальнейший разбор примеров В. Пизани представляется излишним.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что стабилизация определенного языкового союза не приводит и не может привести к возникновению новых языков с новым структурным обликом, совершенно отличным от предшествующих этапов развития языков, втянутых в данный языковой союз. Теперь еще раз обратимся к цитированному выше положению Н. С. Трубецкого о том, что индоевропейская языковая общность, следовательно, новый языковой тип образовались в результате вхождения различных неродственных языков в определенный языковой союз, где они благодаря контактам и взаимовлияниям постепенно настолько сблизились, что образовали языковое единство.

Вышеизложенные соображения заставляют отвергнуть это объяснение. Единство индоевропейских языков покоится только на их происхождении из общего источника — общеиндоевропейского языка или праязыка. Ни концепция языковых союзов, ни соображения, почерпнутые из общей типологии языка, не смогут поколебать это фундаментальное положение. Вплоть до настоящего времени сохраняют свою полную действительную силу известные положения Фр. Энгельса: «На североамериканских индейцах мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материка; как племена, разделяясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства»... И еще одно положение: «Общий язык, различавшийся только диалектами,

был выражением и доказательством общего происхождения»³³.

Говоря о контактах и взаимовлияниях как своего рода ферменте для образования нового языкового единства, Грубецкой совершенно не касается вопроса, имеющего решающее значение для проблемы формирования индоевропейской языковой общности, именно того, возможно ли вообще даже при самых длительных и интенсивных контактах и взаимовлияниях без обращения к общему источнику или праязыку, создание весьма значительной совокупности общих всем или большинству индоевропейских языков форматов.

На примере балканского языкового союза можно было убедиться в том, что стабилизация определенного языкового союза может привести к появлению некоторого количества общих структурных признаков, уже заложенных в одном из языков, входящих в данный союз и затем распространяющихся и на другие языки, но это не приводит к созданию определенной совокупности форматов или к созданию особой парадигматики. Как раз это имеет место в истории индоевропейских языков.

Помимо обязательного наличия строгих фонетических корреспонденций между отдельными индоевропейскими языками, носящими глобальный характер, ибо они охватывают все подсистемы: гласных, согласных и сонантов, что не имеет и не может иметь места при стабилизации языкового союза, индоевропейская языковая общность характеризуется наличием не менее жестких парадигматических корреспонденций, что может быть объяснено лишь на основе возведения данных корреспонденций к общему источнику или праязыку и на что справедливо обращает внимание П. Тиме³⁴, указывая на то, что, например, др.-инд. *áviṣ* 'овца' не только соответствует греч. *οἶς* с тем же значением, но, что гораздо важнее, род. п. ед. ч. др.-инд. *ávuas* парадигматически (*i*-основа), поддержанный лишь формой род. п. ед. ч. др.-инд. *aguás* 'чужеземца', что полностью соответствует греч. род. п. ед. ч. *οἶος*. Та

³³ *Фр. Энгельс*. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. XVI, ч. 1. М., 1937, стр. 74—75.

³⁴ *P. Thieme*. Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache. «Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Geistes- und Sozialwiss. Kl.», Jahrgang 1953, № 11, Wiesbaden, 1954.

же картина наблюдается и в парадигме *и*-основ: др.-инд. *mádhu-* 'сладкий, медовый напиток', род. п. ед. ч. *mádhuvas*; греч. *γόνυ* 'колено', род. п. ед. ч. *γόνυατος*, по греч. эпич. *γούνας* < **γόνυος*³⁵, где приводится большое количество весьма instructивных парадигматических корреспонденций.

Все эти соображения позволяют со всей определенностью утверждать, что единство индоевропейских языков является следствием их общего происхождения из индоевропейского праязыка и концепция языковых союзов не снимает и не в состоянии элиминировать эту общность, основанную на критериях генетического порядка³⁶. В таком случае, вполне уместно поставить вопрос о том, какой удельный вес имеют типологические критерии при решении вопроса о языковом родстве. До известной степени прав К. Х. Шмидт³⁷, который полагает, что типологические критерии лишь дополняют, уточняют и расширяют выводы, к которым приходит сравнительно-историческое языкознание.

В одном отношении типологические критерии могут внести существенный корректив в решение вопроса о степени родства между отдельными языками, принадлежащими к одному языковому семейству, а также в решение вопроса о путях вычленения из первоначального языкового единства отдельных ареалов и самостоятельных языков, именно в том случае, когда речь может идти о конвергент-

³⁵ *P. Thieme*. Указ. соч., стр. 61 и сл.

³⁶ Лишь упоминания, но не критического разбора, заслуживает статья У. С. Аллена (*W. S. Allen. Relationship in comparative linguistics. «Transactions of the Philological Society». Oxford, 1953*), в которой автор пытается доказать, что не только гипотеза праязыка и методика его реконструкции, но и все индоевропейское сравнительное языкознание не имеют никакой научной ценности и должны быть отброшены современным языкознанием. Основанием для подобного утверждения служит у Аллена то, что сравнительно-историческое языкознание не является, по мнению автора, ни сравнительным, ни историческим, ибо оно не согласуется с принципами дескриптивного и структурного языкознания. Взорность рассуждений Аллена подробно освещается в работах: *J. Ellis. General linguistics and comparative philology. «Lingua», VII, 2, 1958*; *A. Scherer. Indogermanische Altertumskunde (seit 1956). «Kratylos», X, H. 1, 1965*.

³⁷ *K. H. Schmidt. Historische Sprachvergleichung und ihre typologische Ergänzung. «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 116, H. 1, 1966*.

пости языкового развития, что имеет принципиальное значение для определения архаизмов и инноваций, а также для установления относительной хронологии различных процессов, протекавших неравномерно в различных языках одного семейства.

Именно типологические критерии помогают прояснить вопрос, в какой мере явления разных уровней языка, представленные в языках одной семьи, возможно возвести к исходному состоянию, т. е. в какой мере их возможно приписать праязыку, и что в этих явлениях отложилось как результат контактирования того или иного языка с другими языками — родственными и неродственными благодаря возможности быть втянутыми в различные языковые союзы, ибо стабилизация данных союзов могла одновременно иметь следствием установление резких границ между близкородственными языками, которые втягивались в различные языковые союзы (что, по всей вероятности, имело место в истории индийских и иранских языков)³⁸, и нивелирование структурных различий между родственными и неродственными языками (ср., например, некоторые фонетические тенденции в развитии скандинавских и финно-угорских языков)³⁹.

Не приходится и нет нужды преувеличивать роль типологических критериев при установлении языкового родства, но в такой же степени было бы неверным преуменьшать их значение или вообще элиминировать их в сравнительно-исторических исследованиях. Нет особой необходимости специально обосновывать положение, что роль именно типологических критериев при определении языкового родства заметно возрастает, когда исследователь переходит от языков с многовековой письменной традицией к младописьменным и, тем более, к бесписьменным языкам. Но одно положение остается бесспорным: типологические критерии не в состоянии ни заменить, ни отменить генетические критерии при установлении языкового родства; в данном вопросе им всегда принадлежал и будет принадлежать решающее слово.

³⁸ См. стр. 46 и сл. настоящей работы.

³⁹ *H. Wagner. Nordeuropäische Lautgeographie. «Zeitschrift für celtische Philologie», 29, Н. 3/4 1964.*

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

«Es gilt daher zu untersuchen, warum wir in unserer Methode des Rekonstruieren immer zu einem einheitlichen Resultat gelangen?»

(*E. Hermann. Über das Rekonstruieren.— KZ., Bd. 41, 1907, стр. 11*)

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Современный этап развития сравнительного индоевропейского языкознания характеризуется углубленным интересом к проблемам, связанным с изучением отдельных этапов развития индоевропейского праязыка. Естественно, что в связи с обостренным интересом современных компаративистов к данному кругу проблем в настоящее время значительно возрос и интерес к вопросам реконструкции, ее задачам, методике и ее границам. С другой стороны, интенсивное внедрение принципов исторической фонологии в сравнительную грамматику индоевропейских языков, уже сейчас давшее ряд весьма ценных результатов, позволило во весь рост поставить вопрос о приемах внутренней реконструкции, о ее соотношении со сравнительной конструкцией и о ее месте в общей системе восстановления праязыкового состояния. Нет сомнения, что в настоящее время во многих работах по сравнительной грамматике индоевропейских языков реконструкция понимается в более широком смысле, т. е. в нее включаются, являясь ее интегральной частью, приемы внутренней реконструкции. Тем самым реконструкция оказывается проекцией в отдаленное прошлое истории отдельного языка (его доисторией) или группы родственных языков (восстановление праязыка)¹. Методика сравнительной и внутрен-

¹ О приемах внутренней реконструкции см.: *G. Bonfante. On reconstruction and linguistic method*, I, II, «Word», 1948, vol. 1, № 1; *E. Hermann. Über das Rekonstruieren. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung»*, Bd. 41, 1907; *C. H. Borgström. Thoughts about Indo-European vowel-gradation. «Norsk tidsskrift*

ней реконструкции является самой существенной частью сравнительного языкознания. Естественно, что прежде всего должен быть поставлен вопрос о границах сравнительной и внутренней реконструкции, о дозволенном пороге ее гипотетичности, о степени ее обоснованности и ее опоре на данные родственных и иносистемных языков.

Так, подлежит выяснению и верификации вопрос о том, в какой мере сравнительная и внутренняя реконструкция общеиндоевропейского языка, его морфонологических особенностей, его именного и глагольного строя, а также логика языковой трансформации индоевропейского структурного типа позволяют достичь до такой хронологической глубины, до такого протоиндоевропейского состояния, когда оказывается возможным приписать ему структурный тип, характеризующийся наличием лишь силлабем, структуры открытых слогов, недифференцированной именной и глагольной основы, наличием таких морфосинтаксических особенностей, которые позволяют говорить об элементах эргативного строя в протоиндоевропейском. И здесь следует еще раз напомнить слова Е. Куриловича, уже приводившиеся в первой главе: «Невозможно реконструировать *ad infinitum*. Мы должны удовольствоваться реконструкцией этапов, граничащих с исторической действительностью»².

for sprogvidenskap». Bd. 15, 1949; *Он же*. Additional remarks about vowel-gradation.— NTS, Bd. 16, 1952; *Он же*. Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms. «Word», 1954, vol. 10; *Он же*. Tonkawa and Indo-European vowel-gradation.— NTS, 1952, Bd. 17; *H. M. Hoenigswald*. Internal reconstruction. «Studies in linguistics», II, 1944; *Он же*. Language change and linguistic reconstruction. Chicago, 1960; *J. W. Marchand*. Internal reconstruction of phonemic split. «Language», 1956, vol. 32, № 2; *W. F. Twaddell*. The prehistoric Germanic short syllabics. «Language», 1948, vol. 24, № 2; *V. Pisani*. L'indoeuropeen reconstruit. «Lingua», 1958, vol. VII, 4; *Г. С. Клычков*. Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка.— ВЯ, 1963, № 5; *J. Kuryłowicz*. On the methods of internal reconstruction. «Proceedings of the IXth international congress of linguists». The Hague, 1964; *A. Adrados*. Die Rekonstruktion des Indogermanischen und die strukturalistische Sprachwissenschaft. «Indogermanische Forschungen». 1968, Bd. 73, H. 1/2; *И. М. Тронский*. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967; *Г. А. Климов*. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.

² *J. Kuryłowicz*. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, стр. 58.

Ведь смысл любой реконструкции заключается в том, что она дает возможность наиболее полным и непротиворечивым образом объяснить последовательные трансформации частных подсистем, а идеально и системы в целом, в последующие этапы развития уже исторически засвидетельствованных отдельных языков. Одна из характерных черт реконструкции общеиндоевропейского языка (а при прочих равных условиях и любого другого праязыка³) это — множественность решений, а не их единственность. Хорошо известно, что в зависимости от того, какой из индоевропейских языков будет взят в качестве эталона при восстановлении общеиндоевропейского состояния, картина праязыка всякий раз будет иной. В то же время известно, что опора на все индоевропейские языки при реконструкции исходного состояния всегда приводила к эклектичности решения и бессодержательности самого понятия праязыка (более подробно данный вопрос освещается в первой главе).

Следует полагать, что одной из неотложных задач сравнительного языкознания является не только уточнение приемов реконструкции, но прежде всего определение ее места и ее конечных целей. В настоящее время уже оставлена мысль о том, что целью реконструкции является восстановление праязыка или одного из праязыковых состояний, ибо она получает свое оправдание и находит свое истинное назначение лишь тогда, когда она помогает осмыслить процессы дивергенции и конвергенции в историческом развитии отдельных языков, восходящих к одному источнику, помогает отделить архаизмы от инноваций и естественно поэтому, что надежность реконструкции обеспечивается не только объемом находящегося в распоряжении исследователя материала, но прежде всего, при доминанте принципа относительной хронологии, соблюдением жестких правил верификации исходных постулатов, лежащих в основе всей процедуры реконструкции.

Именно здесь особенно ощутительным становится мощное влияние принципов и постулатов общего языкознания на процедуру реконструкции в сравнительном языкознании. Как это не парадоксально, но подлинная реконструк-

³ Любопытные и важные соображения, идущие в том же направлении, содержатся: *E. Itkonen. Die Laut- und Formenstruktur der Finnisch-ugrischen Grundsprache. «Ural-Altische Jahrbücher», 1962, Bd. 34, H. 3/4.*

ция по сути дела всегда ориентирована не столько на отдаленное прошлое, на индоевропейский праязык, сколько на последующие этапы развития индоевропейских языков. Естественно поэтому, что индуктивные принципы в реконструкции превалируют над дедуктивными.

В свете всего изложенного становится ясным, что самой существенной частью сравнительного языкознания является методика и процедура сравнительной и внутренней реконструкции. Следует признать несостоятельными всякие попытки детронизации реконструкции в сравнительно-исторических исследованиях, низведения ее до положения второстепенного, подсобного средства. При таком положении вещей сравнительная грамматика определенной семьи языков (будь то романские, иранские, тюркские, кавказские или какие-либо другие языки) подменяется обычной сопоставительной грамматикой, что имело и имеет место в истории нашей науки.

Необходимо также подчеркнуть, что реконструкция не является лишь алгебраическим выражением условных формул соответствий (А. Мейе) или выражением меняющихся взглядов языковедов на праязык (Б. Дельбрюк); реконструкция — это выражение и отражение (с большим или меньшим приближением в зависимости от состояния науки) различных фрагментов языковой действительности. Каких именно фрагментов? Ответ на поставленный вопрос теснейшим образом связан с проблемой реконструкции различных уровней языка. Допускают ли реконструкцию в равной мере все уровни языка? Можно полагать, что только те уровни, которые содержат единицы, данные закрытым списком, допускают реконструкцию глобальную; к таким уровням относятся фонетический (фонемный) и морфологический (морфемный) уровни; синтаксический и лексико-семантический содержат единицы или конститутивные элементы, данные открытым списком; тем самым, можно было бы полагать, что эти уровни не допускают реконструкции. Данная проблема, однако, гораздо сложнее.

Синтаксический уровень представлен конститутивными единицами: словосочетаниями и предложениями, которые одновременно (особенно предложения) производятся в речи, что, как известно, неоднократно давало повод многим исследователям считать, что предложение — это основная единица речи, в отличие от слова, которое рассмат-

лось как основная единица языка ⁴, но в то же время все приемы моделирования и структурирования предложений и словосочетаний не производятся, а лишь воспроизводятся в речи и тем самым этой своей стороной они относятся и к языку, и к речи. В отношении интересующей нас проблемы можно указать на то, что общие приемы моделирования и структурирования словосочетаний и предложений допускают реконструкцию, в то время как производство предложений и их актуальное членение недоступны для реконструкции, что сразу налагает запрет на реконструкцию текста на праязыке.

Лексико-семантический уровень представлен основной конститутивной единицей — словом, в отношении реконструкции которого следует заметить, что слово как репрезентант лексической системы языка, приемы его структурирования: акцентная организация слова, его границы, его пограничные сигналы, его место в определенном семантическом поле, его понятийное содержание — все это вместе взятое допускает его праязыковую реконструкцию; в то же время функционально-стилистическая характеристика слова, его многообразные семантические потенции, его семантическая игра, обусловленная вхождением слова в различные синонимические и омонимические парадигмы, всякий раз регенерирующие в новой конфигурации на каждом этапе развития любого языка — не допускают праязыковую реконструкцию.

Таким образом, синтаксический и лексико-семантический уровень в отличие от фонемного и морфемного уровней, единицы которых даны закрытым списком и тем самым допускают глобальную реконструкцию, допускают лишь парциальную или частичную реконструкцию. Тем самым определяются возможности и границы реконструкции. На реконструкцию налагаются ограничения временного и внутрисистемного характера: во времени сравнительная и внутренняя реконструкция ограничена определенным порогом, переступить который она не в силах; в противном случае она теряет всякий смысл, ибо определенный этап развития языка, подлежащий реконструкции, утрачивает свой структурный облик,

⁴ Впервые эта концепция была обоснована: *A. Gardiner. The theory of speech and language. Oxford, 1932 (1951 — второе издание);* эта концепция нашла многих приверженцев и среди советских языковедов (см., например, работы А. И. Смирницкого).

постепенно трансформируясь в другой языковой тип, так, выше (а также в первой главе) уже указывалось на то, что бессмысленно производить реконструкцию общеиндоевропейского состояния до такого хронологического среза или временной глубины, когда этому состоянию приписывается наличие не фонем, а силлабем, что ведет к подмене индоевропейского морфологического типа языковой структурой наподобие моносиллабических языков.

Внутрисистемные ограничения реконструкции сказываются в том, что лишь фонемный и морфемный уровни допускают глобальную реконструкцию, в то время как синтаксический и лексико-семантический уровни допускают лишь частичную реконструкцию. В соответствии с этими постулатами должна строиться методика реконструкции в сравнительной грамматике любой семьи языков.

* * *

После этих предварительных замечаний можно подвергнуть детальному рассмотрению различные процедуры реконструкции на материале отдельных индоевропейских языков. Из всего комплекса относящихся сюда вопросов анализу будут подвергнуты три процедуры:

I. Совмещение приемов сравнительной и внутренней реконструкции (на материале германских языков).

II. Особенности реконструкции малых парадигматических рядов (на материале армянского языка).

III. Особенности реконструкции изолированных индоевропейских языков (на материале армянского языка).

Приемы и методика сравнительной и внутренней реконструкции довольно существенно отличаются друг от друга: сравнительная реконструкция опирается, как правило, на высокую частотность восстанавливаемых явлений и единиц в ряде языков, относящихся к одной семье или группе языков, а также на широкие парадигматические ряды; внутренняя реконструкция опирается на «остаточные формы», диспаратные ряды, малые парадигмы и разного рода аномалии, которые позволяют проецировать данное языковое состояние в прошлое.

¶ В то же время следует со всей определенностью подчеркнуть, что приемы внутренней реконструкции оказываются наиболее эффективными и оперативными тогда, как они теснейшим образом спаяны с приемами сравнительной ре-

конструкции; в противном случае внутренняя реконструкция легко выхолащивается и угрожает превратиться в беспочвенные фантазии на праязыковые темы или, как выражается Дж. Бонфанте⁵, в хитросплетение логических дедукций. Сопряжение приемов сравнительной и внутренней реконструкции можно проиллюстрировать на примере реконструкции общегерманского языка.

I

А. Фонологический строй общегерманского языка

В германистической литературе нет полной ясности в вопросе о протогерманском и общегерманском состоянии, подчас оспаривается и само разграничение этих двух состояний, в реконструкциях дается нередко противоречивый материал; тем самым представляется не лишним предпослать описанию прото- и общегерманского состояния весьма сжатую сводку взглядов, ни в коей мере не претендующую на полноту.

В предисловии к книге «Протогерманский язык» Клуге подчеркивал, что «догерманский и протогерманский период состоит лишь из одних гипотез»⁶. Подобное определение по сути дела бессодержательно, ибо и понятие индоевропейской языковой общности слагается из гипотез, равным образом как и предыстория отдельных германских диалектов. Следовательно, стирается грань между индоевропейским и общегерманским и предысторией отдельных германских диалектов, с другой стороны, и понятие общегерманского языка лишается своего собственного содержания.

⁵ *G. Bonfante. On reconstruction and linguistic method. «Word», 1945, N. Y., vol. I, № 2.* — Заслуживают внимания соображения М. Хаас в работе «Диахроническая лингвистика и генетическое родство языков». Рассматривая проблему реконструкции праязыка, автор предлагает проводить различие между праязыком первого порядка, который является реконструкцией естественных языков (засвидетельствованных или незасвидетельствованных), и праязыком второго порядка, который является реконструкцией двух или нескольких праязыков первого порядка. См.: *M. R. Haas. Historical linguistics and the genetic relationship of languages. «Current trends in linguistics», vol. III. Theoretical foundations. The Hague, 1966, стр. 139.*

⁶ *Fr. Kluge. Urgermanisch. Strassburg, 1913, стр. VII.*

В. Штрайтберг определял общегерманский язык в «Грамматике общегерманского языка» следующим образом: «Под «общегерманским» (Urgermanisch) понимается в основном единообразный германский язык той эпохи, которая предшествует образованию четко выделяющихся диалектов»⁷.

Сходное определение общегерманского языка мы находим в «Руководстве по общегерманскому языку» Г. Хирта: «Общегерманский (Urgermanisch) — это такое состояние языка, которое лежит в основе всех германских диалектов»⁸.

Следует оговорить, что Хирт на той же странице, где он дает определение общегерманского, употребляет термин Gemeingermanisch, поясняя, что «мы должны также считаться с фактором «общегерманского» (Gemeingermanisch)». В данной работе сознательно Urgermanisch и Gemeingermanisch Хирта переводятся одним термином «общегерманский язык», ибо Хирт в дальнейшем изложении фактов германских языков в своем «Руководстве по общегерманскому языку» нигде не проводит различия между этими двумя состояниями, так же как его не проводили ни Клуге, ни Штрайтберг. Таблица характерных особенностей «общегерманского» (Urgermanisch), которую дает Хирт, убеждает в этом еще больше. В данной таблице упоминается 19 отличительных черт и перечисляются, между прочим, следующие.

1. Переход от музыкального ударения к динамическому [весьма характерная оговорка Хирта: «Ударение на первом слоге появляется позднее, но является, однако, общегерманским (Gemeingermanisch)», стр. 16].

2. Германское передвижение согласных и закон Вернера.

3. Явления ассимиляции.

4. Совпадение $a/o > a$, $\bar{a}/\bar{o} > \bar{o}$.

5. Индоевропейские r , l , m , n $>$ германские ur, ul, um, un.

6. Систематизация аблаута.

7. Законы конца слова.

8. Обозначение рода при помощи флексии (муж. и жен.).

⁷ W. Streitberg. Urgermanische Grammatik. Heidelberg, 1896.

⁸ H. Hirt. Handbuch des Urgermanischen, T. I. Heidelberg, 1931, стр. 14—15.

9. Утрата лок. мн. ч., дат. или лок. и абл. ед. ч.
10. Формирование особого местоименного склонения.
11. Расширение *n*-основ и формирование слабого склонения у прилагательных.
12. Флексия сильных прилагательных.
13. Распад индоевропейских презентных основ и замена их унифицированными образованиями настоящего времени.
14. Потеря *s*-аориста.
15. Переосмысление перфекта как формы прошедшего времени.
16. Объединение перфекта и «сильного» аориста в претерит.
17. Потеря различных форм инфинитива. Сохранение одной формы.
18. Потеря причастия II и причастия среднего залога.
19. Одна из наиболее характерных особенностей: влияние гласных безударных слогов на ударные гласные. (Опять примечательна оговорка Хирта: «Хотя это явление в своих последствиях несомненно не является *Urgermanisch*, но основы для этого должны были быть созданы еще в ту эпоху». — Там же, стр. 16).

Достаточно указать на пункт семь «Законы конца слова», чтобы убедиться в том, что Хирт не делал никакого различия между «протогерманским» (*Urgermanisch*) и общегерманским (*Gemeingermanisch*) состоянием.

Подобное определение общегерманского языка как состояния, предшествующего формированию диалектных различий, в последние десятилетия встретило возражения со стороны некоторых исследователей. Так, В. Пизани в соответствии с принципами итальянской неолингвистической школы, отрицая а *limine* существование праязыков (как индоевропейского, так и германского, славянского и т. д.), в своем «Введении в изучение германских языков» рассматривает общегерманский язык как «совокупность инноваций группы германских диалектов, определившую индивидуальность данной группы»⁹. Следует заметить, что отрицание существования праязыков у В. Пизани носит скорее программный характер и не затрагивает

⁹ «... l'insieme delle innovazione germaniche... che costituisce l'individualità di ciascuno di questi gruppi» (*V. Pisani. Introduzione allo studio delle lingue germaniche. Torino, 1955, стр. 4*).

общегерманской проблемы по существу. Методика реконструкции общегерманского языка в том же «Введении» В. Пизани ничем не отличается от обычной методики классической индоевропеистики. Само же определение общегерманского языка, даваемое В. Пизани, сходно с определением Штрайтберга.

Касаясь той же проблемы, Х. Краэ в книге «Германское языкознание» указывает на то, что «протогерманский (Urgermanisch) без диалектных особенностей вообще никогда не существовал, и, пожалуй, будет лучше во избежание недоразумений совсем не употреблять данный термин. Правильнее говорить о «дописьменных» периодах, о «древнеранне- (подчас даже: обще-) — германском»¹⁰.

Некоторые исследователи, считающие необходимым разграничение протогерманского (Urgermanisch) и общегерманского (Gemeingermanisch) состояния, пытаются решить проблему не в вертикальном, т. е. хронологическом, а в горизонтальном, т. е. географическом разрезе. Иными словами, общегерманский определяется по отношению к протогерманскому как то, что свойственно всем германским диалектам. Наиболее четко подобное понимание изложено у Р. Бура: «Следует различать между «протогерманским», т. е. тем, что относится к периоду предполагаемого значительного германского языкового единства, и «общегерманским», т. е. тем, что выступает во всех диалектах»¹¹. Бур тут же, однако, делал оговорку, которая по сути дела сводила на нет подобное понимание общегерманского состояния: «...правда, то, что выступает во всех диалектах, может быть более поздним, чем принимаемое диалектное дробление»¹².

Гутенбруннер в «Исторической фонетике и морфологии древнеисландского языка»¹³ выделяет два периода: раннегерманский (Urgermanisch) и позднегерманский (Spätgermanisch). Гутенбруннер устанавливает следующие особенности раннегерманского.

1. Передвижение индоевропейских непридыхательных и придыхательных смычных.

¹⁰ H. Krahe. Germanische Sprachwissenschaft. (Sammlung Göschen). Berlin, 1956, стр. 39.

¹¹ R. C. Boer. Oergermaansch handboek. Haarlem, 1924, стр. 3.

¹² Там же.

¹³ S. Gutenbrunner. Historische Laut- und Formenlehre des Altisländischen. Heidelberg, 1951, стр. 30.

2. Возникшие на основе передвижения согласных глухие фрикативные и и. е. *s* озвончаются по закону Вернера.

3. Индоевропейское музыкальное подвижное ударение, ставшее в эпоху передвижения согласных динамическим, заменяется фиксированным после действия закона Вернера и падает на первый слог.

4. Слогообразующие сонанты развивают гласный *u*.

5. Переход *o > a*.

Позднегерманский характеризуется, по Гутенбруннеру, следующими особенностями.

1. Переход $\bar{a} > \bar{o}$.

2. Различная история *e, i, u* в зависимости от последующих звуков.

3. Начало распада срединных и конечных слогов вследствие установления германской акцентной системы.

4. Выпадение *n* перед *h*.

Далее Гутенбруннер делает следующее замечание: «Не являются общегерманскими некоторые позднегерманские инновации, так как они не разделяются восточногерманским языком из-за его продвинутого положения»¹⁴. Это замечание указывает на то, что Гутенбруннер интерпретирует отношение ранне- и позднегерманского не в хронологическом смысле, на что как будто бы указывает сама терминология, а в смысле Бура»¹⁵.

Как известную модификацию точки зрения Бура можно рассматривать взгляды Э. Прокоша на данный вопрос. В «Сравнительной грамматике германских языков» Прокош замечает: «Прагерманский (*Urgermanisch*) и общегерманский (*Gemeingermanisch*) — различные лингвистические понятия, хотя в данной книге различие это не имеет большого значения. «*Urgermanisch*» относится к германскому языку того доисторического периода, когда разделение на диалекты не было еще явным; термин «*Gemeingermanisch*» применяется к языковым процессам, которые имели место во всех германских языках, но незави-

¹⁴ *S. Gutenbrunner*. Указ. соч.

¹⁵ Некоторые исследователи вводят еще один термин: догерманский (*Prägermanisch*), см.: *W. Krause*. *Handbuch des Gotischen*. München, 1953. Введение этого термина представляется излишним, ибо он обозначает не что иное, как индоевропейское состояние: ср., например, реконструкцию Краузе: готск. *sat* 'сидел', догерм. * *soda*.

симо друг от друга. Так, например, первое передвижение согласных именуется прагерманским (Urgermanisch); для обозначения этого понятия в данной книге употребляется термин «германский»; развитие же определенного артикля называется «общегерманским» «Gemeingermanisch»¹⁶.

В статье «Протогерманский, готский и скандинавский» Х. Арнц развивал весьма сходные взгляды: «Мы называем протогерманским (Urgermanisch) период от начала германского передвижения согласных до дробления на четко выделенные германские диалекты»¹⁷. Впоследствии Арнц изменил свою точку зрения на протогерманский язык (см. стр. 101).

Не может не броситься в глаза известное переосмысление понятия общегерманского языка у Бура, Прокоша, Арнца и Гутенбруннера. В понимании этих исследователей общегерманский язык не противостоит хронологически протогерманскому языку, обозначает совокупность тех изоглосс, которые независимо друг от друга выступают во всех германских диалектах, с чем можно сблизить характеристику общегерманского языка, данную Пизани. Нетрудно заметить, что собственно генетическая характеристика общегерманского языка незаметно переходит в своеобразную типологическую и что критерий изоглосс, выступающих во всех диалектах, оказывается весьма шатким, ибо уже в эпоху раздельного существования германских диалектов могли выступать и действительно выступали черты, общие всем германским языкам и не составлявшие в то же время отличительных особенностей именно общегерманского языка (можно указать, например, на развитие глагольных аналитических форм, на формирование будущего времени, на развитие вспомогательных глаголов, на общие закономерности структуры слога, которые можно определить как переход от четырех контрастных типов структуры слога к двум контрастным типам, и т. д.).

В этой связи заслуживает внимания замечание Ф. Мосса, придерживающегося деления на протогерманский и общегерманский язык. В своей «Готской грамматике»

¹⁶ Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, стр. 15.

¹⁷ H. Arntz. Urgermanisch, Gotisch und Nordisch. «Germanische Philologie. Festschrift für O. Behaghel». Heidelberg, 1934, стр. 48.

он указывает: «Протогерманским (protogermañique) называют язык, бывший в употреблении до начала н. э., а под общегерманским (germañique comñun) понимают более поздние явления (разрядка моя. — Э. М.), общие всем древним германским языкам»¹⁸. Следует, однако, оговорить, что Моссэ не дает никаких указаний на то, что следует понимать под более поздними явлениями, а при изложении материала деление на прото- и общегерманский язык не находит никакого применения.

В своей «Исторической грамматике нидерландского языка» М. Шенфельд попытался объединить «горизонтальную» (географическую) и «вертикальную» (хронологическую) интерпретацию общегерманского языка¹⁹.

Отграничивая протогерманский от общегерманского языка, Шенфельд определял последний следующим образом: «Постепенно усилилось диалектальное дробление (протогерманского языка. — Э. М.) и обнаружилась тенденция к дифференциации (диалектов. — Э. М.). Этот переходный период называется общегерманским языком». В примечании Шенфельд указывал: «Под общегерманским языком понимают также языковые явления, выступающие во всех германских диалектах; тем самым лишь тенденции их развития относятся к общегерманскому языку»²⁰. В дальнейшем изложении, однако, Шенфельд пользуется лишь термином «древнегерманский» (oudgermaansch), куда включаются и протогерманский, и общегерманский.

Более детальную характеристику как протогерманского (frühgermañisch), так и общегерманского (gemein-germañisch) пытается дать В. Краузе в своей «Готской грамматике»²¹.

Протогерманский имел, по Краузе, следующие особенности:

- 1) первое передвижение согласных;
- 2) различие определенной и неопределенной формы прилагательного;
- 3) формирование слабого прошедшего времени с ден-талным суффиксом;
- 4) характерный словарь (например, *hūsan, готск.

¹⁸ F. Mossé. Manuel de la langue gotique. Paris, 1956, стр. 19.

¹⁹ M. Schönfeld. Historische Grammatica van het Nederlands. Zutphen, 1954, стр. XXI — XXII.

²⁰ Там же.

²¹ W. Krause. Handbuch des Gotischen. München, 1953.

hūs 'дом'; *guðan, готск. guþ 'бог'; *erþō, готск. airþa 'земля' и т. д.).

Краузе определяет хронологические рамки протогерманского приблизительно 1500—100 гг. до н. э. Любопытно замечание Краузе о диалектных особенностях протогерманского: род. падеж ед. ч. *o*-основ в протогерм. *as/is: dagas, dagis:*, 1-е л. ед. ч. слаб. прош. вр., вероятно, $\bar{d}\bar{o}/\bar{d}\bar{e}$: *tawiðō/tawiðē*.

Общегерманский характеризовался, по Краузе, следующими особенностями:

1. Протогерм. *e* > *i* в общегерм. в следующих случаях:

- а) перед *ng*: Ingvaeones < *engwaz;
- б) перед *h* + согл.: готск. *finþan* < и. е. *penth-;
- в) перед *i, j*: готск. *wilja*: лат. *velim*;
- г) перед *u*: готск. *sidus*: греч. ἕθος;
- д) в безударных слогах: готск. *bairiþ* < и.е. *bhereti.

2. Развитие протогерм. *ei* $\left\{ \begin{array}{l} \bar{i} \\ \bar{e}^2 \end{array} \right.$

3. *o* > *a*, но в качестве соединительного гласного — *o*: *Marcomani*.

4. \bar{a} > \bar{o} (конец протогерманского и общегерманский период).

5. Выпадение *n* перед *x*.

На иных основаниях, но не менее детально разрабатывает периодизацию общегерманского языка Ф. Кутсем в книге «Система сильных глаголов и периодизация раннегерманского»²². Рассматривая преимущественно германский вокализм и лишь частично привлекая акцентологию, Кутсем дает следующую характеристику протогерманского периода. Гласные: а) краткие *i, e, a, u*; б) долгие $\bar{i}, \bar{e}, \bar{o}, \bar{u}$.

Дифтонги отсутствуют, представлены только дифтонгические сочетания: *ei, eu ai, au*.

Кутсем полагает, что следующие факторы ведут к переходу к общегерманскому периоду:

1. Фиксация акцента на определенном слоге.
2. Ослабление других слогов.

²² *Fr. van Coetsem. Das System der starken Verba und die Periodisierung im älteren Germanischen. Amsterdam, 1956 (Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Afd. Letterkunde, Nieuwe reeks, Deel 19, № 1).*

3. Воздействие ослабленных слогов на ударные (т. е. перегласовка).

Система гласных общегерманского периода, по Кутсему, первоначально та же, что и в протогерманском: 4 кратких фонемы и «лабильное состояние i/e ». Назализованные гласные \bar{i} , \bar{a} , \bar{u} ($i + n + h$ и т. д.) рассматриваются Кутсемом как комбинаторные варианты кратких гласных фонем. Эта реконструкция общегерманского краткого вокализма, как специально оговаривает Кутсем, по сути дела повторяет схему германского вокализма, предложенную В. Ф. Тводеллом в работе «Протогерманские краткие гласные»²³. Кутсем дает следующую схему долгих общегерманских гласных фонем:

$$\begin{array}{cc} \bar{i} & \bar{u} \\ (\bar{e}^2) \bar{e} & \bar{o} \\ (\bar{e}^1) \bar{ae} & \end{array}$$

В заключение Кутсем следующим образом характеризует прото- и общегерманский период.

Протогерманский, в котором переход e/a представляет (в отношении гласных) последний этап, еще не потерял свой индоевропейский облик. Слоги были в общем уравновешены и автономны, и поэтому в данном периоде наступают не комбинаторные звуковые изменения, как в общегерманском, а спонтанный переход $o > a$ и $\bar{a} > \bar{o}$. Однако коренной слог уже в периоде e/a стал психологически наиболее важным, вследствие чего динамическое ударение постепенно могло концентрироваться именно на нем. Относительно уравновешенному характеру слогов соответствовало — по крайней мере в более раннюю эпоху — свободное ударение, оставившее свои следы в законе Вернера. Данный закон, равно как и германское передвижение согласных, действовал, по всей вероятности, в протогерманском еще до e/a -периода. Уже в этом периоде были представлены диалектные различия.

Общегерманский период, в котором язык все более и более теряет свое единство, характеризуется акцентным переворотом: установлением сильного экспираторного ударения на коренном слоге, что имело следствием начальное ударение. Отсюда — ослабление последующего

²³ W. Fr. Twaddell. The Prehistoric Germanic Short Syllabics. «Language», vol. 26, 1948, № 2.

слога, особенно его вокализма, с тембровым изменением коренного вокализма как сопутствующим фактором данного ослабления (перегласовка). Прежде всего это — не что иное, как комбинаторное звуковое изменение, хотя, само собой разумеется, не исключено и спонтанное чередование. Автономность и уравновешенный характер слога исчезли. Акцентный переворот, совершившийся по-моему, так же как и по мнению других, довольно поздно — именно в начале нашей эры, наложил постепенно на германский вокализм свой особый отпечаток ²⁴.

Х. Арнц вернулся к проблеме общегерманского языка в статье «Общегерманский язык» в юбилейном сборнике в честь Г. Хирта, на этот раз с совершенно иных позиций ²⁵. Указывая на то, что исследователи нередко относили многие явления к протогерманскому, хотя они, по всем данным, должны относиться к значительно более позднему времени, и отмечая также, что в то время как реконструкция общиндоевропейского вполне реальна, восстановление протогерманского весьма проблематично, Арнц предлагал вообще отказаться от понятия «протогерманский» и оперировать лишь понятием «общегерманский язык». Закljučая статью, Арнц писал: «Куда бы мы ни обратились, повсюду мы имеем дело с общегерманским состоянием... Лишь одно явление характерно для протогерманского, явление, от которого зависит все развитие, но не засвидетельствованное ни в одном источнике: усиление динамического ударения» ²⁶. Обосновывая это положение, Арнц давал следующую схему перехода от индоевропейского к германскому.

1. Усиление акцента на ударном слоге: германский отделяется от окружающих индоевропейских языков.

2. Динамическое ударение ведет к передвижению индоевропейских **p**, **t** , **k* > *f*, *þ*, *x*.

3. Динамическое ударение вызывает «грамматическое чередование».

4. Утверждается тенденция к конкретной манере выражения: синтетический строй распадается, хотя многие слова имели наибольшее ударение на последнем слоге (флексии).

²⁴ *Fr. van Coetsem*. Указ. соч., стр. 80 — 81.

²⁵ *H. Arntz*. *Gemeingermanisch*. «Germanen und Indogermanen, Festschrift für H. Hirt», Bd. II. Heidelberg, 1936.

²⁶ Там же, стр. 451.

5. Ударение флективных слогов становится излишним; утверждается ударение на первом слоге. Арнц указывал: «500 лет для периода, лежащего между первым и пятым актами, кажется мне скорее слишком малым. Но лишь после пятого акта входят в действие германские законы конца слова, которые являются наиболее характерной чертой протогерманского языка»²⁷.

Любопытно, что еще В. Шульце отмечал, что «важные общегерманские звуковые изменения являются относительно поздними и не всегда могут претендовать на предикат — протогерманский (Urgermanisch)»²⁸.

Таким образом, Арнц признавал лишь два периода, индоевропейский и общегерманский, постоянно указывая в своей статье на то, что между индоевропейским и общегерманским состоянием нет никаких разрывов и что все особенности германских языков легко возводимы к индоевропейскому состоянию. Приведем одну из типичных формулировок: «Во всем германском синтаксисе я не могу найти ни одного явления, где германский и индоевропейский были бы отделены большей пропастью»²⁹. Нетрудно заметить, что отрицание Арнцом протогерманского состояния имеет в своей основе тезис о том, что один лишь общегерманский непосредственно продолжает индоевропейское состояние, в то время как все прочие индоевропейские языки обнаруживают отклонения от индоевропейской модели. Арнц писал: «Не приходится отрицать, что германский язык возможно является закономерной формой развития индоевропейского, в то время как все прочие индоевропейские языки испытали на себе воздействие инородных субстратов»³⁰.

На взглядах Арнца сильно сказалась нордическая теория, поэтому всю его концепцию следует оценивать вместе с данной теорией, которая в настоящее время вряд ли будет поддержана. Характерно во всяком случае стремление Арнца увязать проблему периодизации общегерманского языка с вопросом о месте германских языков среди индоевропейских. В этой связи обращает на себя внимание

²⁷ *H. Arntz. Gemeingermanisch*, стр. 449.

²⁸ *W. Schulze. Alafervhvae. «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur»*, Bd. 54, H. 2. Berlin, 1913, стр. 174.

²⁹ *H. Arntz. Gemeingermanisch*, стр. 446.

³⁰ Там же, с. 447.

положение Арнца о том, что в понятие общегерманского (или протогерманского) не входят изоглоссы, являющиеся общими как для германского, так и для других индоевропейских языков, например, переход $o > a$ или $\text{ə} > a$. Арнц замечает: «Невозможно установить, насколько древним является переход $\text{ə} > a$. Так как он охватывает весь европейский ареал индоевропейских языков, то он оказывается непригодным для определения германского языка»³¹. Вряд ли придется согласиться и с этим аргументом Арнца, ибо данный вопрос, теснейшим образом связанный с более широкой проблемой членения индоевропейской языковой общности, доведенный до логического конца, должен принять следующую форму: собственно «германскими» могут называться только такие изоглоссы, которые не встречаются ни в одном индоевропейском языке, кроме германского, или встречаются очень редко.

В таком случае надо отказаться вместе с Арнцем не только от восстановления протогерманского, но и общегерманского. В то же время можно положительно утверждать, что с точки зрения структурного описания языка не столько важно то обстоятельство, что данная изоглосса встречается не только в этом, но и в других языках, как то, какое место она занимает в определенной языковой системе, в какие коррелятивные ряды входит на уровне фонологии или грамматики. Установление подобной закономерности означает одновременно установление конститутивных черт праязыковой системы соответствующей группы языков.

Особого рассмотрения требует вопрос о соотношении языка древнейших рунических надписей и общегерманского языка. В германистической литературе нередко можно встретить утверждение, что древнейшие рунические надписи в языковом отношении отражают общегерманское состояние или, во всяком случае, чрезвычайно близки к нему. Так, Клуге заявлял в своей «Истории немецкого языка»: «Современная наука называет язык рунических надписей прасеверным (Urnordisch), но с не меньшим основанием мы можем назвать его общегерманским (Gemein-germanisch)»³². Рассматривая тот же вопрос, Г. Неккель подчеркивал в статье «Общегерманский период» обще-

³¹ *H. Arntz*. Указ. соч., стр. 432.

³² *F. Kluge*. *Deutsche Sprachgeschichte*. Leipzig, 1920, стр. 148.

германское состояние языка древнейших рунических надписей, настаивая на том, что «их язык не обнаруживает ни одного вероятного скандинавского признака»³³. Из литературы последних двух десятилетий укажу на Индребё, который утверждал в «Истории норвежского языка», что древнейшие рунические надписи в языковом отношении близки к общегерманскому (samgermansk) состоянию³⁴. Бах писал: «При этом на севере... сохранился тип языка, близкий общегерманскому. Он запечатлен на роге из Галлехуса... Эта надпись звучала бы точно так же и в прогерманском (разве только было бы hornəm и tawiðōm). Ее нельзя считать древнесеверной»³⁵. Анализ прото- и общегерманского состояния не позволяет присоединиться к данной точке зрения. Еще в 1928 г. Т. Карстен подчеркивал в статье «Является ли язык древнейших рунических надписей общегерманским?», что применение термина «общегерманский» к руническому языку неоправданно.

Даваемая ниже транскрипция надписи на Золотом Роге из Галлехуса позволяет наметить конститутивные различия общегерманского языкового состояния, с одной стороны, и языка рунических надписей — с другой.

Надпись на Золотом Роге из Галлехуса

Протогерм.	Eg K ^h lewagastiz K ^h ultijaz k ^h urnan ǰawiðōn.
Общегерм.	E/ik Xleqagastiz Xultijaz Xu/orną tawiðō.
Руническая надпись	Ek HlewagastiR HoltijaR horna tawido.
Готский перевод	Ik Hliugasts Hulteis haurn tawida.
Древнеисландск. перевод	Ek Hlégestr *høltér horn táða.

Можно высказать предположение, что язык древнейших рунических надписей представлял собой своеобразное письменное к о й н э, созданное на скандинаво-западногерманской (или: северо-западной) основе. Тем самым язык рунических надписей противопоставляется восточногер-

³³ G. Neckel. Die Gemeingermanische Zeit. «Zeitschrift für Deutsche Kunde», 1925, Bd. 39, стр. 14.

³⁴ G. Indrebø. Norsk målsoga. Bergen, 1951, стр. 41.

³⁵ А. Бах. История немецкого языка. М., 1956, стр. 43; Т. Карстен. Ver det äldsta urnordiska runspraket samgermansk? «Festschrift til Finnur Jónsson». København, 1928, стр. 315; ср. также замечания П. Скаутрупа в его «Истории датского языка»: P. Skautrup. Det danske sprogshistorie, Bd. I. København, 1944, стр. 34 — 38.

манскому (или готскому) ареалу. Принимается, что после переселения готов из Скандинавии (что произошло по всем данным не позже I в. н. э., а возможно и еще раньше), их обособления и дальнейшего самостоятельного развития восточногерманских языковых особенностей образовалось два ареала: с е в е р о - з а п а д н ы й и в о с т о ч н ы й (или: скандинаво-западногерманский и готский). Элементы этого первого диалектного членения общегерманской языковой общности прослеживаются еще в общегерманском состоянии (см. ниже, стр. 109). В свете вышеизложенных соображений заслуживает новой постановки вопрос о языковой основе древнейших рунических надписей. Герульский инфильтрат при создании «рунического койнэ» остается неясным и при современном состоянии науки. (Подобное обоснование высказанной точки зрения я предполагаю дать в специальной работе).

В связи с теорией, разделяемой некоторыми рунологами (например, Э. Мольтке³⁶), о возникновении рунического письма в Дании, поддержанной в книге Э. Уксенперна «Северные германцы»³⁷, заслуживает пристального внимания указание Э. Шварца на наличие в Северном Шлезвиге «смешанной северо- и южногерманской языковой зоны». Любопытный материал содержится также в работе Бюма.

Общегерманский язык — понятие лингвистической реальности.

Под лингвистической реальностью понимается известная совокупность системно организованных фактов языка, находящаяся в пространственно-временных связях с другими совокупностями, представляющая собой отрезок языкового континуума и позволяющая осмысленную интерпретацию в пределах и на основе этой совокупности.

Таким образом становится очевидным, что описание и интерпретация общегерманского языка мыслимы лишь на основе лингвистических критериев при сознательном исключении всех экстралингвистических критериев. В данной работе оставляется вне рассмотрения вопрос о том, насколько реально и эффективно подобное описание общегерманского языка на всех уровнях; принимается во

³⁶ *E. Moltke. Er runeskriften opstået i Danmark? «Fra Nationalmuseets arbejdsmark». København, 1951.*

³⁷ *E. Ozenstierna. Die Nordgermanen. Stuttgart, 1957, стр. 50—53.*

всяком случае, что на уровне фонологии и на уровне грамматики (т. е. фономорфологии, морфемике и синтагматике) это не только возможно, но необходимо. В настоящей работе будет подвергнут рассмотрению фонологический строй общегерманского языка.

Основная задача данной работы заключается в разграничении протогерманского и общегерманского языка, в нахождении аргументов в защиту этого разграничения, в отдельной интерпретации того и другого состояния. В целях более наглядного и рельефного описания первого (прото-) и второго (обще-) — германского состояния дается интерпретация в терминах протогерманского и общегерманского языка рунической надписи из Галлехуса. Во избежание недоразумений следует оговорить, что в настоящей работе считается вполне возможным реконструкция текста в пределах фонемике, морфемике и синтагматики. Специальные аргументы в защиту этой точки зрения здесь не приводятся.

В данной работе оба состояния германского языка определяются следующим образом.

а) П р о т о г е р м а н с к и й период: от эпохи распада индоевропейской языковой общности до стабилизации германского праязыка.

б) О б щ е г е р м а н с к и й период: от германского праязыка до появления таких пучков изоглосс, которые позволяют конституировать отдельные диалектные группы.

Примечание. Подобное определение вовсе не ведет к отрицанию наличия отдельных диалектных изоглосс уже в протогерманском (равно как и в общеиндоевропейском). В пункте б) речь идет не об изоглоссах вообще, а о таких пучках изоглосс, которые в известной мере нарушают лингвистический континуум и ведут к образованию частных систем.

Одной из наиболее отличительных, если не самой отличительной чертой протогерманского периода, определяемого выше как состояние от эпохи распада индоевропейской языковой общности до стабилизации германского праязыка, является известная автономность слога, прежде всего в пределах слова. В составе предложения несомненно наблюдалась градация слогов первоначально по тону, затем по тону и по силе, но, что более всего важно в данной связи, эта градация вовсе не затра-

гивала или сказывалась лишь в весьма незначительной мере на фонемном составе слога. Из этого следует, что судьба ударных и безударных гласных (с точки зрения позднейшего периода развития) была одинакова в протогерманском. Ударная и безударная позиция не была чужда и протогерманскому, но это различие относилось лишь к метрике, не затрагивая фонологии. В этом смысле можно утверждать, что возникающее в общегерманский период различие ударного и безударного вокализма с лингвистической точки зрения означало фонологизацию метрического явления.

С другой стороны, автономность слога предполагает отсутствие воздействия одного слога на другой, т. е. отсутствие ассимилятивных факторов. Отсутствие воздействия следует понимать относительно, ибо полная автономность слога с антропофонической точки зрения невозможна. Здесь речь идет об отсутствии такого воздействия, которое ведет к перестройке (хотя бы частичной) фонологической системы данного языка. Этим самым протогерманский период структурно более четко противопоставлен общегерманскому, где ассимилятивные явления, особенно в области гласных, возрастают с большей интенсивностью к концу германской языковой общности, по сравнению с периодом существования индоевропейского праязыка. В свете вышеизложенного нельзя не прийти к выводу о значительном консерватизме протогерманского структурного облика, к которому на иных основаниях (преимущественно исходя из интерпретации германского передвижения согласных, рефлексов сонантов и данных ларингальной теории) в недавнее время пришел В. Леман в статье «Консерватизм германской фонологической системы»³⁸.

Выводы в отношении протогерманского состояния строятся как на основе принципов реконструкции (соотношение индоевропейских и германских моделей), так и на основе интерпретации материала древнейших германских заимствований, германской ономастики у античных авторов, особенно германских теофорных имен и реликтовых форм в отдельных древнегерманских диалектах. Немалое значение имеют и ранние рунические надписи.

³⁸ W. P. Lehmann, The Conservatism of Germanic Phonology. «The Journal of English and Germanic Philology», vol. 52, 1953, № 2.

Весь этот материал, при всей его пестроте и недостаточности, даже подчас и ненадежности, позволяет все же наметить известные опорные пункты для характеристики протогерманского состояния. Следует, однако, оговорить, что всякая попытка восстановления протогерманского г и п о т е т и ч н а, и к ней следует подходить лишь с масштабом большей или меньшей вероятности.

В настоящей работе рассматриваются фонологические и просодические особенности протогерманского.

Система согласных. Три ряда корреляций характеризуют систему протогерманских согласных:

- 1) слабые звонкие фрикативные t , ð , g ;
- 2) слабые звонкие смычные b , d , g ;
- 3) сильные глухие смычные придыхательные p^h , t^h , k^h .

Из явлений к о н ц а с л о в а для протогерманского типичны:

1) Реализация индоевропейской архифонемы $\langle M \rangle$ в конце слова в виде $\langle n \rangle$.

2) Отпадение кратких a , e , o (1-е и 3-е л. сильного прош. времени ед. ч.; род. ед.; 2-е л. императива).

Вопрос о том, были ли a , e , o представлены еще в протогерманском или они подверглись отпадению, является спорным. Следует отметить, что конечные краткие не представлены даже в самых древних свидетельствах, так, греч. $\text{Fo}\delta\alpha$, скр. $\text{v}\bar{e}da$, готск. wait и руническое uppam (камень из Рейстада, датируется приблизительно 500 г.)³⁹. Даже если допустить существование конечных кратких гласных в протогерманском, то придется их постулировать для очень раннего периода, во всяком случае до наступления ассимилятивных процессов в области вокализма. Не представляется возможным найти фонетическое объяснение для отпадения конечных a , e , o ; можно полагать, что оно явилось следствием преобразований морфологической системы.

3) Постепенное отпадение (или факультативность) конечных зубных в двух-, трех- и многосложных словах: готск. undago , протогерм. $\text{un}\bar{d}a\text{g}\bar{o}(\text{d})$, и.-е. $\text{ndher}\bar{o}d$; готск. berun (3-е л. мн. ч. прош. времени), протогерм. $\text{b}\bar{e}run(\text{t}^h)$, и.-е. $\text{bh}\bar{e}rnt$.

³⁹ W. Krause. Runeninschriften im älteren Futhark. Göttingen, 1966, стр. 171.

Система гласных. Переход $o > a$, имевший место в протогерманском, а также переход $\varepsilon > a$ и $\bar{a} > \bar{o}$, разделившийся вместе с германским и некоторыми другими индоевропейскими языками, обнаруживавшими сходные фонологические тенденции⁴⁰, создал предпосылки к установлению следующей системы гласных в протогерманском: а) краткие e, i, a, u ; б) долгие $\bar{e}, \bar{i}, \bar{o}, \bar{u}$.

Развитие и.-е. $r, l, m, n >$ протогерм. ur, ul, um, un шло в том же направлении. Не может не броситься в глаза известная асимметрия (а следовательно, и неустойчивость) системы протогерманских кратких и долгих гласных фонем. В дальнейшем, на ранних этапах развития общегерманского, ликвидация данной асимметрии и создание устойчивой системы могло пойти или по пути сужения данной системы, как это четко проступает в протоготском (где e и $i > i$), или по пути расширения данной системы на основе фонологизации комбинаторных вариантов u/o и постепенного превращения их в самостоятельные фонемы, что характерно для скандинавского и «западногерманского». Нельзя не видеть в этих разных тенденциях развития известные диалектальные различия протогерманского периода.

Данная схема развития протогерманского вокализма является повторением схемы Тводелла.

Сочетание $e + n + X$ (g) сохранялось в протогерманском, что следует как из соображений теоретического характера, т. е. сохранения автономности слога и отсутствия ассимилятивных явлений в области гласных, так и из материала (ономастика, заимствования), ср.: Fenni (Тацит), Φίννα (Птолемей), Semnonēs (Тацит); протогерм. k^h engas, др.-исл. hringr, финск. rengas.

Следует оговорить, что финск. rengas 'кольцо' с гласным e еще не является доказательством того, что данное слово было заимствовано из протогерманского. Сравним, например, утверждение В. Краузе: «Напротив, финск. rengas 'кольцо' заимствовано еще в протогерманский период»⁴¹. Весьма показательно, что сочетание $i + n + g$ могло передаваться в финском и при помощи ing , ср.: финск. kuningas 'король'. В связи с вопросом о германских заим-

⁴⁰ О сходных фонологических тенденциях в германских, славянских и балтийских языках см.: N. van Wijk. Een phonologische parallel tussen Germaans, Slavies en Balties. Amsterdam, 1934 (Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Afd. Letterkunde, Deel 77, Serie A, № 2).

⁴¹ W. Krause. Handbuch des Gotischen, стр. 46.

ствованиях в финском следует учитывать новую постановку проблемы в монографии Х. Фромма «Древнейшие германские заимствования в финском языке»⁴². В свете вышензложенного представляется невозможной реконструкция протогерм. *linhta*, и.-е. *leng^hhto* 'легкий', даваемая Я. Фриском в его образцовом «Греческом этимологическом словаре»⁴³.

В протогерманском *e* могло выступать в любой позиции, косвенным свидетельством чего являются такие формы, как *Alaferhviae* (подробности об этом имени см. в статье В. Шульце, прим. к § 1.16), *Venedi* (Плиний), *Fervir* (Иордан), рун. *erilaR* (часто, но начиная со второй половины VI в. встречается *irilaR* — камень из Бю)⁴⁴.

Дифтонгические сочетания. В данной работе протогерм. *ei*, *eu*, *ai*, *au* рассматриваются не как дифтонги, а как дифтонгические сочетания в согласии с мнением, высказанным рядом исследователей⁴⁵. Специальные аргументы в защиту этой точки зрения не приводятся. В отношении сочетания *ei* следует заметить, что оно держалось довольно долго, постепенно переходя в общегерманском в *i*. Например, см. *Alateivia*⁴⁶. Вряд ли в этой связи можно рассматривать надпись на шлеме Б из Негав: *Harigasti teiwa*⁴⁷. Приводимое обычно в этой связи в специ-

⁴² *H. Fromm*. Die ältesten germanischen Lehnwörter im Finnischen. «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», Bd. 88, 1957—1958, H. 2, 3, 4.

⁴³ *Hj. Frisk*. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Lief. 6, s. v.

⁴⁴ См.: *W. Krause*. Runeninschriften, стр. 160.

⁴⁵ О германских дифтонгических сочетаниях: *B. Trnka*. Fonologický vývoj germánského vokalizmu. «Casopis pro moderní filologii», Ročn. XXII, 1936, číslo 2, см. также указанную выше книгу Кутсема и ссылку в ней на исследование: *L. E. van Wijk*. De Klinkers der Oegermaanse Stamsyllaben in hun onderling Verband. Diss., Tegal (Java). См. также хороший обзор в статье: *Н. Б. Крупаткин*. К вопросу о стяжении германских *ai*, *au*. — ВЯ, 1957, № 4, стр. 83 — 87.

⁴⁶ Штрайтберг замечает по этому поводу: «Idg. *ei* will man in Alateivia noch erhalten sehn. Doch ist dies recht unsicher» (*W. Streitberg*. Ugermanische Grammatik, стр. 52).

⁴⁷ Одна из последних попыток интерпретации надписи принадлежит К. Рейхарту: *K. Reichardt*. The Inscription on Helmet B of Negau. «Language», vol. 29, № 3, 1953, стр. 306 — 311; по своей языковой принадлежности надпись является, по-видимому, не германской, а скорее ретской, и потому выводы, основанные на данной надписи, как в отношении дифтонгического сочетания *eġ*, так и в отношении *a*, лишаются доказательной силы; см.: *G. Must*.

альной литературе финск. Runkoteivas, по всей видимости, сюда не относится (см. об этом в упоминавшейся выше работе Х. Фромма).

Общая классификация фонологического строя протогерманского периода:

1. Динамическое музыкальное ударение.
2. Подвижное ударение.
3. Одинаковое поведение гласных в ударной и безударной позиции.
4. Одинаковое поведение гласных в одно- и многосложных словах.
5. В области кратких гласных: $o > a$.
6. В области долгих гласных: $\bar{a} > \bar{o}$.
7. $\varepsilon > a$.
8. Наличие дифтонгического сочетания *ei*.
9. $\underline{r}, \underline{l}, \underline{m}, \underline{n}$ $\left. \begin{array}{l} \\ \\ \\ \end{array} \right\} ur, ul, um, un$
 r, l, m, n
10. Сохранение *e* в группе «носовой + согласный».
11. В области согласных — три ряда корреляций:
 - 1) Слабые звонкие ффрикативные.
 - 2) Слабые звонкие смычные.
 - 3) Сильные глухие смычные придыхательные.
12. Явления кратких *a, e, o*.
 - 1) Отпадение кратких *a, e, o*.
 - 2) Реализация индоевропейской архифонемы <M> в конце слова в виде <л>.
 - 3) Отпадение смычных зубных.

V. Общегерманский период (определение см. стр. 106) как состояние начиная от германского праязыка до появления таких пучков изоглосс, которые позволяют конституировать отдельные диалектные группы. Одной из наиболее отличительных черт данного периода являются различные ассимилятивные процессы, особенно в области вокализма, имеющие следствием фонологизацию комбинаторных вариантов и перестройку фонологической системы. В этом смысле общегерманский период является переходной эпохой, и структурные различия ме-

The Problem of the Inscription of Helmet B of Negau. «Harvard Studies in Classical Philology», vol. 62, 1957, стр. 51 — 59; R. Egger. Die Inschrift des Harigasthelmes. «Anzeiger der phil.-hist. Klasse der «Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Jg. 1959. Wien, № 5.}

жду общегерманским и отдельными германскими диалектными группами оказываются менее четкими, чем отличие общегерманского от протогерманского. Стабилизация германской акцентной системы (динамическое ударение, фиксированное на первом слоге), осуществлявшаяся на протяжении ряда столетий, падает именно на данный период. Перестройка акцентной системы имела существенные последствия для всего фонологического строя общегерманского периода, выдвинув новый принцип ударной и безударной позиции, что впоследствии, уже в эпоху раздельного существования германских диалектов, привело к принципиально иной линии развития ударного и безударного вокализма. Более явно, чем в протогерманском, обозначаются диалектные различия, и в отношении краткого вокализма уже в этом периоде можно выделить два ареала, обозначив их как «протоготский» и «скандинаво-западногерманский».

Тенденция развития кратких гласных в общегерманском, продолжая линию развития общегерманского и заключаясь, как уже отмечено, или в сужении до трехфонемного состава («протоготский»), или в расширении до пятифонемного состава («скандинаво-западногерманский»), не позволяют, по крайней мере в отношении истории вокализма, присоединиться к гото-скандинавской гипотезе⁴⁸. Дальнейшая история готских кратких гласных фонем и становление пятифонемной системы свидетельствуют также о различиях между готским и скандинавским. О готском см. статью В. Моултона⁴⁹.

Этот общий процесс затрагивает и конец слова: в общегерманском в качестве одного из первых звеньев в постепенном распаде конечных элементов можно отметить отпадение конечного *i* в третьем слоге: *guma/eni > guman/in (дат. ед. от *gumēn 'человек'). Отпадение конечного *n* вызывает как комбинаторный вариант появление чистых гласных. Назализация конечных гласных сопровождается назализацией ударных гласных: гласный + *n* + *X* > долгий назализованный гласный: протогерм. t^henk^han, общегерм. fīXan.

⁴⁸ Об этой гипотезе см.: E. Ozenstierna. Die Urheimat der Goten, 1945; E. Schwarz. Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. München, 1951; Он же. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956; H. Kuhn. Zur Gliederung der germanischen Sprachen. «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», Bd. 86, H. I, 1955.

⁴⁹ W. Moulton. The Phonemes of Gothic. «Language», v. 24, № 1, 1948, стр. 76—86.

Ассимилятивные явления в области вокализма в общегерманском сказываются в трех направлениях:

1. Начало действия перегласовки на *a* (позднее — сужение *e* > *i* перед *i*, *j* последнего слога).

2. Группа *enX* > *inX*⁵⁰.

3. *ei* > *i*.

Явления повышения и сужения гласных ведут к возникновению комбинаторных вариантов: *u/o* и *i/e*. В общегерманском они длительное время остаются на положении комбинаторных вариантов, не подвергаясь фонологизации, ибо последующие гласные, вызывающие расширение или сужение, продолжают сохраняться: ср.: протогерм. *k^hurnan*, общегерм. *Xu/orna*, в рунической надписи из Галлехуса: *horna*, готск. *haurn*, др.-исл. *horn*, д.-в.-н. *horn*. Парадигматическое выравнивание могло вести то к обобщению варианта более узкого: *u/i*, то к обобщению варианта более широкого: *o/e*, рефлексы чего представлены в отдельных германских диалектах (ср.: д.-в.-н. *spes* при др.-англ. *spic*, *spes*⁵¹) и что не могло не создавать известную неустойчивость *u/o* и *i/e*. Следует, однако, оговорить, что судьба *u/o* и *i/e* в общегерманском не во всем была одинакова. Дело в том, что *i* и *e* в протогерманском были фонемами и продолжали оставаться ими в общегерманском, когда ассимилятивные явления в известной мере нарушили ясность первоначального состояния. Если в протогерманском *e* могло выступать в любой позиции, например, перед *i* (или *i̇*), — ср. примеры выше, а также такие формы, как *Σεσιβαρχος* (Страбон), *Segimundus* (Тацит), *Segimerus* (Тацит), — то в общегерманском в более позднее время *e* > *i* перед последующими *i* (*i̇*); ср. *Sigimerus* (Vell. Pat.)⁵². В то же время *u/o*, будучи в общегерманском комбинаторными вариантами, в протогерманском соответствовали одной фонеме <*u*>. В качестве диалектной изоглоссы общегерманского следует рассматривать наличие двух вариантов личного местоимения 1 л. *ek/ik*, восходящих, возможно, к обобщению ударной (*ek*) и без-

⁵⁰ Если это не рассматривать как дифференциацию.

⁵¹ См. также: *J. W. Marchand. Germanic short *i and *e: two phonemes or one? «Language», v. 33, № 3, 1957.*

⁵² *M. Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911; Он же. Der altgermanische Lautstand zu Anfang unserer Zeitrechnung. «Germanisch-Romanische Monatsschrift», Bd. IV, H. 4, 1911, стр. 251 и сл.*

ударной (*ik*) позиции и впоследствии закрепленных в двух ареалах: зап.-герм. и готск. (*ik*) и сканд. (*ek*).

Марчанд в статье, упоминавшейся выше, пытается доказать, что в протогерманском (Proto-Germanic, что у Марчанда может обозначать и протогерманский, и общегерманский, поскольку он не проводит между ними различия) *i* и *e* являлись комбинаторными вариантами одной фонемы. Пытаясь объяснить чередование *i/e* в составе одной парадигмы с последующим обобщением одного из вариантов в отдельных германских диалектах, Марчанд предлагает реконструкцию парадигмы, которая представляется невозможной.

Марчанд дает схему:

Mon. Sg. skepaz	Nom. Sg. *friþuz
Gen. Sg. skipeza/iza	Gen. Sg. *freþauza
Dat. Sg. skepōi	Dat. Sg. *freþou/zu
Acc. Sg. skipī	Acc. Sg. *friþu ⁿ

Возражение вызывает наличие в парадигмах *o d n o* в р е м е н н о чередования *e/i* и конечных гласных *eza/iza* и *auza*. Согласно данному выше объяснению, конечные краткие гласные отпадали еще в протогерманскую эпоху, т. е. тогда, когда еще не могло быть чередования *e/i*. Когда же наступило чередование *e/i*, т. е. в общегерманскую эпоху, конечных гласных уже не было. Таким образом, у Марчанда в составе одной восстановленной парадигмы оказались представлены два хронологически несовместимых среза. Эта иллюстрация лишней раз подтверждает, что реконструкция всегда *с и н х р о н н а*, о чем уже приходилось писать⁵³.

Понимание реконструкции, весьма близкое к тому, которое разделяется в настоящей работе, мы находим в статье В. Лемана «О ранних этапах индоевропейского именного словоизменения»⁵⁴.

В заключение следует отметить, что протогерманская и общегерманская фонологическая система описывается преимущественно на основе данных, полученных методом внутренней реконструкции исходного состояния древне-

⁵³ См.: Э. А. Макаев. Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции. «Проблема соотношения синхронного анализа и исторического исследования языка». М., 1960.

⁵⁴ W. P. Lehmann. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection. «Language», vol. 34, № 2, 1958.

германских диалектов, а также отчасти и при помощи наложения германских и индоевропейских фонологических моделей. Рассмотрение фонологического уровня германского языкового континуума с точки зрения внутренней и сравнительной реконструкции позволяет выделить два хронологических среза, каждый из которых характеризуется набором присущих ему конститутивных признаков. Анализ германского материала на уровне морфологии (морфемики и парадигматики) также приводит к вычленению тех двух хронологических срезов, о чем подробнее говорится в другой работе.

Конституирование восточногерманских языковых особенностей, а впоследствии и особенностей восточногерманского (готского) ареала означало одновременно распад общегерманской языковой общности. Если верно, что выделение готов из общегерманского состояния относится к самому началу н. э., а возможно и к более раннему периоду, то с известным основанием можно утверждать, что общегерманское состояние уже к началу н. э. уступило место эпохе диалектного дробления.

Общая классификация фонологического строя общегерманского периода:

1. Динамическое/музыкальное ударение.
2. Образование сильно-централизованного ударения на начальном слоге.
3. Различия в поведении ударных и безударных гласных:
 - а) *e* в безударной позиции $> i$,
 - б) дифтонги в безударной позиции обнаруживают тенденцию к монофтонгизации,
 - в) долгие гласные в безударной позиции обнаруживают тенденцию к сокращению.
4. Намечающиеся различия в поведении гласных в одно- и многосложных словах.
5. Постепенное преобразование системы кратких и долгих гласных:
 - а) или в сторону сокращения: протоготская система трех кратких фонем,
 - б) или в сторону увеличения: пятифонемная система кратких гласных прочих германских диалектов,
 - в) области долгих гласных: появление фонемы \bar{e}^2 и, возможно, $\bar{a} < an\chi$.
6. *e* в группе «носовой + согласный» $> i$.

7. Дифтонгическое сочетание $ei > \bar{i}$.

8. В области согласных: три ряда корреляций:

а) глухие щелевые,

б) звонкие слабые щелевые/звонкие слабые смычные,

в) глухие смычные.

9. Наличие аллофона h у фонемы $/x/$.

10. Явления конца слова:

а) отпадение конечного n и образование назализованных вариантов соответствующих кратких гласных фонем,

б) отпадение i в третьем слоге.

11. Намечающиеся ассимилятивные явления в области гласных, связанные с сильно-централизованным ударением и различием ударных и безударных слогов, имеющие следствием известную неустойчивость общегерманского вокализма в позднейший период и приводящие в отдельных группах германских диалектов к различным перегласовкам, явлениям эпентезы, повышения и понижения гласных.

Фонологический строй протогерманского языка

I. Согласные

$p^h \begin{matrix} / b \\ \cdot \\ \backslash b \end{matrix}$ $t^h \begin{matrix} / d \\ \cdot \\ \backslash \theta \end{matrix}$ $k^h \begin{matrix} / g \\ \cdot \\ \backslash g \end{matrix} \quad s(z)$

II. Сонанты: r, l, m, n, j, w

III. Гласные

а) краткие

$e \quad i$
| |
 $a \quad u$

б) долгие

$\bar{e} \quad \bar{i}$
| |
 $\bar{o} \quad \bar{u}$

IV. Дифтонгические сочетания

$ei \quad eu$
| |
 $ai \quad au$ $e + m, n, r, l, etc.$

Фонологический строй общегерманского языка

I. Согласные

$f \begin{matrix} / p \\ \backslash \bar{p} (b) \end{matrix}$ $\bar{p} \begin{matrix} / t \\ \backslash \bar{\theta} (d) \end{matrix}$ $X \begin{matrix} / k \\ \backslash g (g) \end{matrix} \quad s(z)$

II. Сонанты: r, l, m, n, j, w

III. Гласные

а) краткие

$e \quad i$
| |
 $a \quad u/o$

б) долгие

$\bar{e} (\bar{x}) \quad \bar{i}$
| |
 $\bar{o} (\bar{a}) \quad \bar{u}$

IV. Дифтонгические сочетания: $ai, eu (iu), au e + r, l, m, n$ и т. д.

Б. Морфологический строй общегерманского языка

Этот строй складывался на протяжении ряда столетий в результате действия тенденций, восходящих к эпохе индоевропейской языковой общности, а также к эпохе стабилизации западного ареала индоевропейских языков, с одной стороны, и тенденций, восходящих к эпохе обособления определенного континуума диалектов, давших основание германским языкам, т. е. к эпохе ранне- и позднеобщегерманского языка — с другой. Естественно, что в работе, посвященной писанию общегерманской морфологии, основное место занимает анализ принципов моделирования парадигм в индоевропейских и германских центральных (имя, глагол, отчасти местоимение) и маргинальных (числительные, наречие, прилагательное, отчасти местоимение) подсистемах. В данной работе речь будет идти преимущественно о центральных подсистемах. Контрастное описание приемов индоевропейского и германского именного и глагольного моделирования на основе сравнительной и внутренней реконструкции при строгом соблюдении принципа относительной хронологии процессов позволит с определенной степенью вероятности обрисовать древнейшее состояние общегерманской именной и глагольной подсистем.

Морфологический строй языка слагается из: а) морфемки, занимающейся структурой и вычленимостью морфем, морфемной вариантностью (морфами и алломорфами), морфемными пограничными сигналами, а также распределением морфем и различными процессами морфемного опрощения и переразложения, б) парадигматики, занимающейся структурной оформленностью парадигм (т. е. более или менее емкой совокупностью словоформ, образующих относительно замкнутые классы или ряды), описанием внутрипарадигматических отношений, иерархией парадигм и парадигматических рядов, индуцирующими и неиндуцирующими парадигмами, а также условиями их цементирования или распада. Что касается синтаксического употребления соответствующих морфологических разрядов (функции падежа, числа, лица, наклонения), т. е. того, что можно было бы обозначить как функциональную морфологию, то при ближайшем рассмотрении это оказывается составной частью синтагматики и подлежит ведению синтаксиса.

В настоящей работе в центре внимания оказывается парадигматика. Описанию принципов парадигматического моделирования общегерманской именной и глагольной подсистем предпосылаются некоторые общие соображения относительно структурной оформленности парадигмы в индоевропейском языке, возникающие в связи со структурой слова и анализом некоторых морфологических конститутивных единиц.

Есть основания полагать для индоевропейского языка (во всяком случае для определенного, при этом довольно раннего этапа его развития) наличие автономности парадигмы как в центральных, так и в маргинальных подсистемах. Образование парадигм от различных именных и глагольных основ вовсе не означает вовлечения их в определенный иерархический ряд. Так, в древнеиндийском языке как бы на одной плоскости сопологаются следующие парадигматические образования: основа презенса *rāśyāmi* 'я вижу', основа перфекта *dadārśa* 'я видел'; основа футурума *drakṣyāmi* 'я увижу', основа инфинитива *draśtum* 'видеть' и т. д. Сравним подобное же положение и в древнегреческом языке: основа презенса *ὀράω* 'я вижу', основа футурума *ὄψομαι* 'я увижу', основа аориста *ἑίδον* 'я видел', основа перфекта *ἑώρα* и т. д.

Сравнивая аналогичные формы древнегреческого глагола *πάθω* 'страдать', П. Шантрэн замечает, что «ни одна из форм не позволяет предугадать какую-либо из остальных, хотя все они и происходят от одного и того же корня»⁵⁵.

Это замечание может быть отнесено не только к греческому, но равным образом и к индоевропейскому состоянию: объединяющим началом для всех данных форм (в том случае, если оно вообще имелось) была не какая-либо определенная основа или парадигма, а радикал⁵⁶.

В этой связи следует обратить внимание на практику древнеиндийских лексикографов, исходивших в своих

⁵⁵ П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, стр. 127.

⁵⁶ Употребление термина «радикал», а не «корень» вызывается теми соображениями, что морфологическая значимость корня была разной для того периода общеиндоевропейского языка, когда господствовал принцип парадигматической автономности, и для того периода, когда ведущим стал принцип парадигматической субординации.

построениях, как правило, не из основ или слов (др.-инд. *pada-*), а из корней (др.-инд. *dhātu-*). Подобная практика отражала не только теоретические домыслы древнеиндийских грамматиков с их ярко выраженными аналиторскими устремлениями, но в известной мере и некоторые принципы древнеиндийского и индоевропейского парадигматического моделирования. Весьма примечательно определение корня (*dhātu-*), даваемое Панини, — как совокупности форм, выражающей глагольное действие⁵⁷. Данное определение применимо не только к корню, но и ко всей парадигме, точнее, ко всей глагольной парадигме. Неудивительно, что в позднейших древнеиндийских грамматических трактатах *dhātu-* становится синонимом глагольной парадигмы или глагола вообще⁵⁸.

А. Мейе был, несомненно, прав, указывая на то, что корень «сам по себе и без присоединения суффикса выступал как основа, т. е. являлся конкретной реальностью»⁵⁹.

Таким образом, для индоевропейского состояния более древней эпохи характерным является построение значительного количества индивидуальных именных и глагольных парадигм на основе принципа парадигматической эквивалентности или автономности. Парадигматическая распыленность — отличительная черта данного периода. По отношению к радикалу, являющемуся единственным связующим центром многочисленных и распыленных парадигм, во всей парадигматике наблюдается центробежная направленность. Распыленность парадигматических образований усиливается наличием значительного количества супплетивных образований. Данные различных индоевропейских языков заставляют предполагать значительно большее количество супплетивных образований в раннеиндоевропейском. Можно выделить два рода супплетивных образований данного периода: а) лексические супплетивные образования, т. е. использование различных лексем для образования единой парадигмы; б) морфологические супплетивные образования, т. е. использование различных основ для образования единой пара-

⁵⁷ См.: *L. Renou. La grammaire de Pāṇini, fasc. I. Paris, 1948, стр. 26 (Pāṇini, 1, 3, 1); интерпретация дается в работе: L. Renou. Terminologie grammaticale du Sanskrit. Paris, 1957, стр. 167.*

⁵⁸ См.: *L. Renou. Terminologie grammaticale du Sanskrit, стр. 432.*

⁵⁹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 167.

дигмы (-r-/-n-, -l-/-n-, -i-/-n- основы и подобные гетероклитические образования).

При наличии некоторой доли фантазии можно предположить, что подобное состояние раннеиндоевропейской парадигматики не могло быть исходным, а явилось следствием весьма значительных катаклизмов, пережитых всей морфологической системой, причины и условия которых остаются невыясненными. Можно полагать, однако, что парадигматическая распыленность является конечным этапом, а не началом определенного периода морфологической эволюции.

В позднеиндоевропейском морфологическая конфигурация существенно видоизменилась. Принцип парадигматической эквивалентности постепенно, неуклонно заменялся принципом парадигматической с у б о р д и н а ц и и: распыленность парадигматических образований уступила место их спайке в определенные парадигматические ряды на основе принципа парадигматической иерархии. Отныне в центре парадигматического ряда находится уже не радикал, а о с н о в а. Определенные именные и глагольные основы начинают занимать ведущее положение среди других основ, оказывая на них индуцирующее воздействие и как бы притягивая их к себе.

Центробежное направление в парадигматике заменяется центростремительным направлением. Индивидуальные парадигмы, в силу своих конститутивных особенностей плохо поддававшиеся включению их в единый парадигматический ряд, подвергались выветриванию и постепенно угасали. В подсистеме глагола многочисленные нерегулярные образования, особенно образования, замкнутые сферой лишь одной основы, уступали место более продуктивным регулярным образованиям, свободно допускавшим производство от любой основы. Тем самым вторичные глагольные образования, куда относились производные глаголы, занимали иерархически ведущее положение, постепенно оттесняя первичные, нерегулярные, индивидуальные глагольные образования. В различных ареалах индоевропейских языков в глагольной подсистеме на ведущем положении оказались разные основы: так, в греческом языке в центре глагольной парадигмы оказалась основа аориста, в германских же языках в центре глагольной парадигмы оказалась основа презенса.

В подсистеме имени наблюдалось то же явление: весь-

ма многочисленные именные классы с индивидуальной парадигмой постепенно выветривались или подвергались воздействию со стороны более регулярных, индуцирующих классов. И здесь господствующим стал принцип парадигматической иерархии. Так как в силу ряда фонеморфологических причин регулярные образования совпали с тематическими, а нерегулярные образования совпали с атематическими, то сразу становится понятным тот огромный размах, какой приобрела тенденция к тематизации основ в этот поздний период развития общеиндоевропейского языка как в подсистеме имени, так и в подсистеме глагола. Данная тенденция оказалась настолько мощной, что ей удалось даже распространиться на некоторые элементы маргинальных подсистем.

Процесс тематизации является одним из последних в парадигматических преобразованиях всего индоевропейского языкового ареала; переплетение тематических и регулярных образований, и, следовательно, атематических и нерегулярных, протекает в основном уже в эпоху стабилизации отдельных ареалов индоевропейской языковой общности, ибо вовлечение производных глагольных образований в глагольный парадигматический ряд типа греч. презенс *τιμάω* 'я почитаю', аорист *ἐτίμησα*, перфект *τέτιμηχα* представляет собой инновацию на почве отдельного языка. «Образование других основ, кроме основы настоящего времени, в отыменных глаголах является результатом самостоятельного развития каждого из языков», — совершенно справедливо замечал А. Мейе⁶⁰.

В том континууме индоевропейских диалектов, который дал основание германским языкам, общеиндоевропейская тенденция к тематизации основ в подсистеме имени и глагола продолжала действовать в суженном виде, но в позднегерманском языке она не получила дальнейшего развития и стала постепенно свертываться. Все большее значение приобретал структурный контраст регулярных и нерегулярных именных и глагольных моделей, все возрастающий удельный вес индуцирующих именных и глагольных классов, генетически восходивших не только к индоевропейским тематическим образованиям (например, герм. *o*-основы или сильные глаголы), но и к атематическим образованиям (например, герм. *n*-основы или глагола

⁶⁰ А. Мейе. Указ. соч., стр. 112.

первого слабого класса, где переплетались тематические и атематические образования). Следствием этого явилось формирование емких разрядов в подсистеме имени и глагола, приемы моделирования которых существенно разнились от индоевропейских моделей. Причины свертывания тенденции к тематизации основ в германском ареале следует усматривать в ряде факторов, среди которых можно указать на следующие: постепенное элиминирование различных классов презентных основ (об этом см. ниже); переплетение в первом слабом классе глаголов тематических и атематических образований; сужение сферы действия сильного претерита за счет стабилизации дентального претерита; одновременно действовавшие процессы переразложения и опрощения, в результате чего структурный облик моделирования тематических основ в германских языках в подсистеме имени оказался стертым; действие законов конца слова, начиная с раннегерманского, когда конечные *ǣ*, *ē/ī* в многосложных словах отпали (ср. контрастное соположение в греческом: им. п. ед. ч. *λύκος* 'волк', зват. п. ед. ч. *λύκε*, при им. и зват. п. ед. ч. *φύλαξ* 'страж'; в готском: им. п. ед. ч. *wulfs* 'волк', зват. п. ед. ч. *wulf* при им. и зват. п. ед. ч. *hana* 'петух').

Таким образом, позднеиндоевропейскому контрастному противопоставлению тематических и атематических именных и глагольных моделей в германском ареале постепенно стало соответствовать контрастное противопоставление регулярных и нерегулярных моделей. Важно отметить, что, хотя принципы моделирования в германских языках существенно видоизменились, контрастное противопоставление было сохранено. В дальнейшем развитии германских языков явление тематизации становится анахронизмом и перекрывается другими тенденциями, многие из которых возникают уже на почве германских языков.

Восстановление морфологического строя общегерманского языка осуществляется на основе внутренней и сравнительной реконструкции. При всей недостаточной разработанности методики внутренней реконструкции не подлежит сомнению ее большая важность для восстановления предыстории отдельного языка или группы родственных языков. Описание морфологического строя общегерманского языка, нашедшее себе выражение в многочисленных работах германистов XIX и первой трети XX в., в настоящее время нуждается в существенных коррективах.

Это диктуется не только тем, что в распоряжении исследователей оказались новые материалы и данные, связанные с интенсивным изучением анатолийских языков, особенно хеттских, с расшифровкой древнегреческого линейного письма «Б», значительными успехами в области рунологии, топонимики и ономастики, но и тем, что описание морфологического строя общегерманского языка давалось на основе сравнительной реконструкции, благодаря чему общеиндоевропейские приемы парадигматического моделирования выступали на первый план, заслоняя собой собственно германское моделирование. Именно с этой точки зрения становится понятным, что общегерманский язык наделялся всеми постулируемыми общепидеопольскими категориями, и основной тенденцией общегерманского развития и в позднейший период объявлялось постепенное угасание или свертывание многочисленных морфологических разрядов.

Внутренняя реконструкция, опирающаяся на подчас довольно многочисленные «остаточные» формы, распыленные остатки парадигматических рядов на индивидуальные парадигмы, не образующие парадигматического ряда, на различные языковые явления, остающиеся за пределами той или иной парадигмы и лишь с течением времени втягивающиеся в определенный парадигматический ряд, позволяет с большей степенью вероятности и с большей внутренней логикой восстановить отдельные части общегерманского морфологического строя. Картина, полученная на основе внутренней реконструкции, дополняется информацией, которую дает исследователю сравнительная реконструкция. Наложение моделей, полученных при помощи внутренней реконструкции, и моделей, полученных при помощи сравнительной реконструкции, позволяет с определенной степенью вероятности восстановить элементы отдельных подсистем общегерманского языка. В соответствии с соображениями, высказанными в работе «Понятие общегерманского языка»⁶¹, дается раздельная интерпретация глагольной и именной подсистем в раннегерманском и позднегерманском.

⁶¹ См.: Э. А. Макаев. Понятие общегерманского языка. «Вопросы германского языкознания» (материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания). М.—Л., 1964, стр. 44—67.

Можно предположить на основе данных, полученных при помощи внутренней и сравнительной реконструкции, что в раннегерманском в основе глагольной парадигматики лежала оппозиция двух основ: инфекта и перфекта. В позднегерманском основа инфекта подверглась трансформации в основу презенса, а основа перфекта — в основу претерита. В плане содержания оппозиция раннегерманского инфекта/перфекта выражала некоторые видовые различия, возможно, с модальными оттенками. Основа инфекта выражала протекание действия, как правило, без ограничения его каким-либо пределом. Основа перфекта выражала действие, замкнутое пределом, а также состояние. Отягощенность временной категориальностью не была характерна для данной оппозиции в раннегерманском или, в иных терминах, временная категориальность была в раннегерманском для данной оппозиции избыточной. В позднегерманском отношении было перевернуто: временная избыточность в оппозиции презенс/претерит оказалась релевантной чертой, а видовая соотношенность отныне стала в оппозиции презенса/претерита избыточной. Основания для подобной реконструкции глагольной парадигматики в раннегерманском заключаются в следующем.

1) Наличие во всех древних германских языках парадигматического противопоставления двух глагольных основ: презенса и претерита (сильного и слабого).

2) Отражение в германском сильном претерите моделей индоевропейского перфекта.

3) Наличие в германском класса претерито-презентных глаголов, продолжающего модели индоевропейского перфекта, но в позднегерманской глагольной системе соотношенного с презенсом⁶².

Основа инфекта в раннегерманском была функционально значительно более объемна, чем основа перфекта. В оппозиции инфект/перфект маркированным членом вы-

⁶² По хронологическим соображениям нельзя согласиться с объяснением, которое дает готскому претерито-презентному глаголу *kann—kunnim* Э. Рок. Она полагает, что данный глагол базируется целиком на форме мн. ч. *kunnim*; форма ед. ч. *kann* автору представляется германской инновацией, основанной на модели *band—bundum*. См.: *E. Raucq. Bijdrage tot de studie van de morphologie van het indo-europeesch verbum. Brugge, 1947, стр. 102, Anm. I.*

ступал перфект, а немаркированным членом — инфект. Многоступенчатая видовая нагрузка инфектной основы выражалась наличием значительного количества видовых индикаторов, впоследствии детерминативов основы презенса.

Архитектонически простая глагольная парадигматика раннегерманского языка, в основу которой была положена оппозиция инфекта/перфекта, в позднегерманском оказалась свернутой и замененной более сложной схемой, в основу которой была положена оппозиция презенса/претерита уже с временной, а не видовой релевантностью. В общегерманской глагольной подсистеме это нашло себе выражение в создании перифрастического претерита с временной релевантностью при помощи индоевропейского глагольного радикала *dhē*; впоследствии это парадигматически оформилось в виде германского дентального прошедшего. Вхождение перифрастической временной конструкции в общегерманскую глагольную парадигматику не замедлило сказаться не только на оппозиции инфекта/перфекта, но и на всей глагольной подсистеме. Отныне основа перфекта оказывалась в оппозиции как с основой инфекта, так и с перифрастическим претеритом. Теоретически у общегерманской основы перфекта оказывались следующие возможности: а) постепенное угасание перфекта и его полное элиминирование из глагольной подсистемы при сохранении дихотомической оппозиции основы презенса основе дентального претерита: б) постепенное вовлечение в подчинение основы перфекта основе презенса с последующим и закономерным переосмыслением перфекта во временном плане; в) сосуществование перфекта и дентального претерита в одном парадигматическом ряду (опять с переосмыслением перфекта во временном плане, но теперь в направлении, противоположном временной соотношенности основы презенса). В общегерманском языке оказались реализованными возможности б) и в), в результате чего установилась следующая конфигурация:

Основа презенса	<div style="display: flex; justify-content: space-between; align-items: center;"> <div style="border-bottom: 1px solid black; width: 80%;"></div> <div style="font-size: 0.8em;">→ сильный претерит</div> </div> <div style="display: flex; justify-content: space-between; align-items: center; margin-top: 5px;"> <div style="border-bottom: 1px solid black; width: 80%;"></div> <div style="font-size: 0.8em;">→ дентальный претерит</div> </div>	}	основа претерита
-----------------	---	---	------------------

Осколки раннегерманской глагольной парадигматики — класс так называемых претерито-презентных глаголов — испытал в позднегерманском существенную модификацию. Данный класс, как справедливо было подмечено Э. Бен-

венистом⁶³, был охвачен единым принципом, в основе которого лежало выражение состояния субъекта, и допускал, естественно, образование лишь от основы перфекта.

В позднегерманском языке, в связи с перестройкой оппозиции инфекта/перфекта, установлением релевантности временного противопоставления и переосмыслением перфекта как сильного претерита, а также в связи с установлением принципа парадигматической субординации и образованием единого парадигматического ряда, претерито-презентные глаголы, структурно принадлежавшие прежней системе, или должны были сойти на нет, или подвергнуться переосмыслению в соответствии с устанавливавшейся новой глагольной системой. В общегерманском языке произошло именно второе: претерито-презентные глаголы постепенно были вовлечены в сферу основы презенса, после чего стало возможным вычленение у них модальных оттенков. Это имело следствием обособление структурного класса модальных глаголов, лишь своим морфологическим статусом напоминавших о далеком прошлом.

Следует указать на то, что сам термин «претерито-презентные глаголы» является неудачным. Дело в том, что в раннегерманском данные глаголы относились к основе перфекта и не имели и не могли иметь ничего общего с основой презенса. В позднегерманском, когда данные глаголы были вовлечены в сферу презенса, они уже не имели ничего общего с претеритом, что сказалось весьма явственно в создании у данного класса дентального претерита и что явилось заключительным звеном преобразования всей раннегерманской глагольной парадигматики. О том, что процесс создания у данного класса дентального претерита относится к довольно позднему времени, свидетельствует наличие значительного количества фонеморфологических вариантов дентального суффикса, ср. в готском: wait 'я знаю', прет. wissa; kann 'я знаю', прет. kunþa; gadars 'я осмеливаюсь', прет. gadaursta;

⁶³ E. Benveniste. Sur quelques développements du parfait indo-européen. «Archivum Linguisticum», vol. I, 1949, fasc. 1; Он же. La famille étymologique de *learn*. «English and Germanic Studies», vol. I, 1947—1948, стр. 1—5; II. Wagner. Zur Herkunft der *ē-Verba* in den indogermanischen Sprachen. Zürich, 1950; A. Tellier. Les verbs perfectō-présents. . . en anglais ancien. Paris, 1962.

man 'я полагаю', прет. munda; skal 'я должен', прет. skulda; og 'я боюсь', прет. ohta. Появление у данного класса глаголов дентального претерита означало одновременно создание единого парадигматического ряда и конституирование хорошо известного из дальнейшей истории германских языков сильного и слабого спряжения глаголов. В силу вышеизложенного предпочтительно говорить не о претерито-презентных глаголах, а о наличии архаичного класса перфектных основ, выражающих состояние субъекта.

В построении позднегерманской глагольной парадигматики не может не броситься в глаза отсутствие симметрии. Двойное построение претерита («сильный» и «дентальный»), двойственное положение (или, еще определеннее: двусмысленное положение) «претерито-презентных» глаголов, наличие в основе презенса значительного количества видовых индикаторов или временной релевантности, становившихся избыточными — все это с неумолимостью диктовало необходимость дальнейших преобразований глагольной парадигматики.

Описание процесса элиминирования двойственного положения «претерито-презентных» глаголов было дано выше; что касается видовых индикаторов основы презенса, то их судьба сложилась следующим образом: принцип парадигматической субординации и иерархии, действие которого со всей определенностью сказалось в позднегерманском, имел следствием морфологическое переразложение данных индикаторов в пользу корня (или радикала). Иерархия основы презенса сказалась в том, что видовой индикатор уже не являлся экспонентом презентной основы, став составной частью радикала, он был проведен постепенно (правда, не во всех германских диалектах и не с одинаковой последовательностью) во всем парадигматическом глагольном ряду; ср., например, носовой инфиксальный и суффиксальный индикатор ⁶⁴: ср. готск. fraihna 'я спрашиваю', прет. frah, прич. II fraihans; др.-сакс. Irignu, прет. Iragn; др.-англ. frigne, прет. froegn; в др.-исл., как в готск. Iregn, прет. frá < *frah; др.-исл. spogna 'ступать', прет. spagn; др.-англ. spurnan, прет. speagn (ср. лат. spernō, перф. sprēvī); готск. standan 'стоять',

⁶⁴ О данном классе в терминах ларингальной теории см. в работе: I. Puhvel. Laryngeals and the Indo-European Verb. University of California Press, 1960.

прет. *stoþ*, д.-в.-н. *stantan*, прет. *stuont* (у Отфрида еще *stuat*). Есть основания для предположения, что данный процесс начался еще в раннегерманском, быть может, еще раньше, и имеет прообразом известные индоевропейские модели; в этом убеждают примеры, добываемые уже этимологическим, а не морфологическим путем, ср.: д.-в.-н. *swingan* 'колебать' (основные формы *swang* — *swungum* — *giswungan*) при др.-инд. *svajatē* 'опоясывать'; ср. также др.-исл. *gina*, д.-в.-н. *ginōn* 'зиять' при лат. *hiāre*; ср. также видовой дентальный индикатор в д.-в.-н. *flehtan* 'плести', др.-исл. *fletta* < общегерм. *flehton* при греч. *πλέκω* 'я плету', др.-инд. *praśna* 'ткать', ст.-слав. ПЛЕТЪ ⁶⁵. Можно привести для примера также суффикс *-sk-*, видовое значение которого достаточно четко прослеживается в хеттском, греческом и латинском языках (в хеттском итеративный оттенок, в греческом и латинском — инкоативный).

В общегерманском *-sk-* точно так же подвергается морфологическому переразложению и отходит к радикалу, ср.: д.-в.-н. *wascōn* 'мыть', 'стирать' (вариант *wascan*) < общегерм. *wat—ska*, готск. *wato* 'вода' и т. д. ⁶⁶, д.-в.-н. *forskon* 'спрашивать', 'выведывать' — др.-инд. *pr̥cchāti* 'спрашивает', лат. *poscō* < **pr̥k-sko* 'требую' ⁶⁷. Таким образом было утверждено господство основы презенса, которая стала в позднегерманском центром глагольной парадигматики.

Система сильного претерита с шестью регулярными рядами чередования и осколками редуцирующих образований представляет собой продукт спайки и нормализации ряда гетерогенных образований, имевшей место в позднегерманском языке. В шести рядах сильных глаголов, а также в остатках класса редуцирующих глаголов можно обнаружить как продолжение приемов индоевропейского моделирования, так и ряд германских инноваций. Можно выделить следующие три группы:

а) I—III ряды чередований, строго соответствующие приемам индоевропейского моделирования;

⁶⁵ P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, Bd II. Uppsala, 1912, стр. 564; J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

⁶⁶ C. D. Buck. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949, стр. 579.

⁶⁷ E. Hellquist. Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1957, стр. 232.

б) VI ряд чередования, являющийся германской инновацией;

в) IV—V ряд, а также остатки редуцирующих образований (VII ряд), представляющих собой продолжение индоевропейских моделей, перекрытых германскими инновациями.

Нормализация рядов чередования в сильном глаголе, не знающая себе равной ни в одном индоевропейском языке, зашла в германском настолько далеко, что для контрастного построения глагольной парадигмы оказалось возможным использование глаголов с *e*- и *a*-вокализмом, как то было блестяще продемонстрировано Ф. ван-Кутсемом⁶⁸ и что можно было бы назвать построением по принципу зеркального канона. Подобная нормализация свидетельствует о довольно позднем характере реорганизации германского сильного глагола⁶⁹. Если рядом I—III, как уже отмечалось, прозрачно обнаруживают продолжение индоевропейских моделей (ср., например, готск. *steigan* — *staig* — *stigum* — *stigans* и греч. *λέπω* — *λέλοιπα* — *ἔλιπον*; готск. *bindan* — *band* — *bundum* — *bundans* и др.-инд. *vartati* — *vavarta* — *vavṛtima* и т. д.) и если не менее прозрачны и германские инновации в VI ряду (ср. готск. *īaran* — *īor* — *īorum* — **īarans* с чередованием *a/ō*, с единым вокализмом для ед. и мн. ч., с особым вокализмом причастия II, о чем см. стр. 139), то некоторые парадигматические формы IV, V, а также VI ряда требуют особого рассмотрения.

В IV ряду чередования сильного глагола в готском языке следовало бы ожидать на морфологическом уровне: **nīman* — *nām* — *nūmum* — *nūmans* 'брать', в V ряду: **gīban* — *gaf* — *gibum* — *gibans* 'давать' (ср. в готском в претерито-презентных глаголах *skal* — *skulum*, *man* — *minum* и т. д.). Следовательно, объяснения требует наличие *ē* во мн. ч. прет. *nēmum*, *gēbum*. Из всех попыток объяснить *ē* в данной форме в германских языках наибольший интерес представляет попытка объяснить *ē* на

⁶⁸ *Fr. van Coetsem*. Указ. соч.

⁶⁹ *E. Benveniste*. *Sur quelques développements du parfait indoeuropéen*, стр. 19; Бенвенист, исходя из совершенно иных предпосылок, также подчеркивает инновации в системе германского сильного глагола.

основе форм индоевропейского сильного аориста ⁷⁰, ср. например, готск. *sētum* и др.-инд. *aśādi* (3-е л. ед. ч. аорист от глагола 'сидеть') ⁷¹.

Данная теория вызывает ряд возражений: попытка Свердрупа объяснить готск. *sētum* на основе соположения с формой древнеиндийского сильного аориста *aśādi* вряд ли является удачной, ибо указанная форма на *-i* в 3-м л. ед. ч. являлась индо-иранским новообразованием и за пределами данной группы нигде более не засвидетельствована ⁷². Г. Хирт резонно замечал, принимая в основном положения Свердрупа, что соположение др.-инд. аориста *aśādi* с готск. *sētum* и д.-в.-н. 2-го л. ед. ч. *sāzzi* не выдерживает критики, ибо древнеиндийская форма имеет пассивное значение ⁷³. Хотя эта форма до настоящего времени не получила однозначного объяснения, подкупающим является анализ ее, даваемый Г. Барроу, который исходит из именной формы (из *i*-основ: возможно местный падеж или инфинитив), втянутый в глагольную парадигму и, естественно, со вторичным аугментом ⁷⁴. Есть еще одно обстоятельство, весьма важное для соположения древнеиндийского и германского материала, на что исследователями до сих пор мало обращалось внимания: целый ряд древнеиндийских форм 3-го л. ед. ч. сильного аориста не имеют ни гуны, ни врддхи корневого гласного ⁷⁵, ср. вед. *ajāni* от *jan-* 'родиться'; *adami* от *dam-* 'укращать'; *alambhi* (вариант *alābhi*) от *labh-* 'получать' ⁷⁶. В свете вышеизложенного представляется более благоразумным отказаться от соположения готск. *sētum* с др.-инд. *aśādi*. В связи с этим бесполезно рассмотреть вопрос об отра-

⁷⁰ См.: *I. Sverdrup*. Der Aorist im germanischen Verbalsystem und die Bildung des starken Präteritums. «Festschrift til Hj. Falk». Oslo, 1927; *Он же*. Das germanische Dental-präteritum. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd. II, 1929; *Chr. Stang*. Zum Aoristypus got. *berum*. Там же, стр. 97—98; *C. Marstrander*. Zum ältesten germanischen Verbum. Там же, стр. 99—106.

⁷¹ *I. Sverdrup*. Das germanische Dental-präteritum, стр. 59.

⁷² См.: *A. Thumb, R. Hauschild*. Handbuch des Sanskrit, Т. II. Heidelberg, 1959, стр. 298—299.

⁷³ *H. Hirt*. Handbuch des Urgermanischen, Т. II. Heidelberg, 1932, стр. 153, Anmerkung.— Ср. также: *J. Gonda*. Remarks on the Sanskrit passive. Utrecht, 1951.

⁷⁴ *T. Burrow*. The Sanskrit language. London, 1955, стр. 340.

⁷⁵ См.: *A. Thumb, R. Hauschild*. Указ. соч., стр. 298.

⁷⁶ *C. Watkins*. Indo-European origins of the Celtic verb. Dublin, 1962, стр. 103.

жении индоевропейского аориста в германских языках.

Исследователи обычно указывают на следующие рефлексы аориста в германских языках ⁷⁷:

1) Рефлекс индоевропейского сильного (корневого) аориста (см. стр. 134).

2) Рефлекс индоевропейского тематического аориста. Исследователи, начиная с И. Фирлингера, связывают форму 2-го л. ед. ч. сильного претерита западногерманского ареала с тематическим аористом (греч. *Aoristus secundus*). Ср., например, д.-в.-н. *stigi* 'ты поднимался', греч. ἔστηξες; д.-в.-н. *bugi* 'ты гнул', греч. ἔφουξες; д.-в.-н. *bizzi* 'ты кусал', др.-инд. *ábhidas* 'раскалывал' и т. д. Указывают также на германскую форму 3-го л. мн. ч. сильного претерита ⁷⁸, ср., например, готск. *bitun* 'они кусали', др.-инд. *ábhidan*; готск. *laþun* 'они одолжили', греч. ἔλιπον; готск. *waigrþun* 'они стали', 'повернулись', др.-инд. *ávṛtan*. Следует, однако, указать на то, что форма 2-го л. ед. ч. сильного претерита в западногерманских языках до сих пор не получила однозначного объяснения ⁷⁹. Не потеряла своего значения интерпретация данной формы как формы опатива, вклинившейся в индикатив ⁸⁰. Подобное проникновение элементов парадигмы опатива в парадигму индикатива хорошо известно из истории германских и индоевропейских языков; можно указать на форму 1 л. ед. ч. презенса сильных глаголов в др.-англ. *ic binde* 'я связываю' (ср. древнейшую англскую форму *ic bindu* и общеанглийскую форму опатива *ic binde*); можно указать на опативную парадигму готского глагола *wiljan* 'хотеть', замещающую парадигму индикатива; в других индоевропейских языках можно указать на форму 1-го л. ед. ч. презенса, ст.-слав АЗЪ БЕРЖ < *-ām т. е. опативной формы ⁸¹.

Следовательно, форма 2-го л. ед. ч. сильного претерита в западногерманском допускает такое же элегантное

⁷⁷ См.: *H. Hirt*. Указ. соч., т. II, стр. 152—153; *H. Krahe*. *Germanische Sprachwissenschaft*, Bd. II. Berlin, 1957, стр. 102—103.

⁷⁸ Там же, стр. 153.

⁷⁹ *H. Krahe*. Указ. соч., стр. 102.

⁸⁰ Объяснение восходит к В. Шереру; см.: *W. Scherer*. *Zur Geschichte der deutschen Sprache*. Berlin, 1878, стр. 194.

⁸¹ Иное объяснение см. в работе: *A. Vaillant*. *Grammaire comparée des langues slaves*, vol. 1. Paris, 1950, стр. 217, 249.

объяснение на основе опатива как и на основе тематического аориста. Причины вытеснения в западногерманском ареале исконного окончания 2-го л. ед. ч. сильного претерита (ср. д.-в.-н. *kant*, *scalt* и т. д.) или формой опатива или формой тематического аориста остаются невыясненными⁸². Р. Лёве указывал на то, что окончание *-t* вызвало у предшествующих консонантных элементов различные фонетические модификации, затемнявшие или стиравшие структурную четкость морфем⁸³, ср., например: готск. *niþan* 'брат' — *nam*, *namt*, при *bindan* 'связывать' — *band*, *banst*, при *qiþan* 'говорить' — *qaþ*, *qast* и т. д.

Много неясного также в окончаниях мн. ч. сильного претерита, особенно 2-го л. мн. ч. (готск. *bēruþ*, др.-исл. *boruþ*, др.-англ. *bæron*, д.-в.-н. *bârut*). Объяснение данной формы при помощи окончания тематического аориста, данное Г. Краэ⁸⁴, является совершенно неудовлетворительным, ибо оставляет открытым наличие *u*, весьма важного элемента парадигмы сильного претерита. Представляется возможным дать следующее объяснение этой формы. Формативом 1-го л. мн. ч. индоевропейского перфекта было *-te*; атематические глаголы имели форму *-tete* (ср. др.-инд. *sakṛmá* 'мы сделали', но *tutudimá* 'мы ударили'). В общегерманском *-te* > *-t*, после согласного элемента *-m* > *-im*; отсюда окончание *-im*. В дальнейшем экспонент *-i* был проведен во всем парадигматическом ряду. Можно исходить также из того, что герм. *-i-* восходит к индоевропейскому *-ə-*, следовательно, принадлежит атематическим образованиям⁸⁵. Данная интерпретация, удовлетворительная с морфологической точки зрения, гораздо менее обоснована фонологически, ибо есть ряд доводов, говорящих за то, что в германском ареале, и.-е. *ə* или было элиминировано в определенных позициях,

⁸² Мало удовлетворительно последнее по времени объяснение Г. Вагнера: «Аорист имел во 2 л. ярко выраженный экспрессивный характер: во 2 л. это было особенно подчеркнуто» (*H. Wagner. Keltisches t-Präteritum, slavischer Wurzelaorist und germanisches schwaches Präteritum. «Zeitschrift für celtische Philologie», Bd. 28, 1960, H. 1/2, стр. 18*).

⁸³ *L. Löwe. Germanische Sprachwissenschaft, T. II. Berlin—Leipzig, 1918, стр. 75*; «Сравнительная грамматика германских языков», т. I. М., 1962, стр. 119.

⁸⁴ См.: *H. Krahe. Указ. соч., стр. 103*.

⁸⁵ Там же.

или его рефлексом было герм. *a*, а не *u* ⁸⁶. Следовательно, и в данном случае нет необходимости при объяснении формы 2-го л. мн. ч. сильного претерита обращаться к аористу.

3) Рефлекс индоевропейского сигматического аориста. Речь идет об определенной группе глаголов в древневерхненемецком, имеющих показатель *-r-* в претерите. Ср. д.-в.-н. *scrīan* 'кричать', 3-е л. мн. ч. прет. *scrīgun*; *būan* 'жить', 3-е л. мн. ч. прет. *bīgun* и т. д. Объяснение показателя *-r-* как рефлекса индоевропейского сигматического аориста, выдвинутое впервые И. Кноблехом и поддержанное некоторыми исследователями, не может рассматриваться как удовлетворительное по следующим соображениям: в нашем распоряжении нет никаких данных, кроме упомянутой группы глаголов в древневерхненемецком, которые позволили бы говорить о каких-либо рефлексах индоевропейского сигматического аориста в германских языках, на что совершенно справедливо указывает В. Леман ⁸⁷. Из всех объяснений, включая и ларингальную теорию, наиболее вероятным представляется толкование *-r-*, предложенное К. Лахманом ⁸⁸, который в данном показателе видел поглотитель гиата (*Hiatusstilger*). Данное объяснение подкупает тем, что в нем имплицитно содержится положение о сохранении структурной целостности парадигмы и количества ее элементов (см. ниже). Можно полагать, развивая мысли К. Лахмана, что отправным пунктом развития явились глаголы типа д.-в.-н. *scrīan* с опорным согласным *-r-*, который проник в претерит для сохранения четкости морфемных швов в составе глагольной парадигмы. Отсюда д.-в.-н. *scrīrun* < **skriun*; ср. в I ряду чередования в д.-в.-н. *sti/gun*; *ri/tun*; *gri/lfun*, следовательно, *scri/run*. В дальнейшем показатель *-r-* распространился и на другие глаголы, не имевшие в корне *-r-*. Следовательно, и в данном случае мы избавлены от необходимости при объяснении древневерхненемецкого показателя *-r-* обращаться к индоевропейскому сигматическому аористу.

⁸⁶ См. G. Høst. An archaic feature of the Germanic verb. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd. 17, 1954, стр. 452.

⁸⁷ W. P. Lehmann. Proto-Indo-European phonology. Texas, Austin, 1952 (где дается также полный перечень форм и история вопроса).

⁸⁸ K. Lachmann. Zu den Nibelungen und zur Klage. Berlin, 1836, стр. 66.

Данными тремя группами исчерпываются все рефлексy индоевропейского аориста в германских языках. Вышеприведенные соображения, при всем их предварительном и беглом характере, позволяют все же сделать заключение о том, что для общегерманского языка не представляется необходимым постулировать наличие в глагольной парадигматике аористных образований. Кроме того, в том случае, если мы в перечисленных трех группах будем усматривать отражение индоевропейского аориста, мы будем принуждены принять наличие в общеиндоевропейском различных моделей образования аориста: корневого, тематического и сигматического. Вряд ли, однако, возможно в настоящее время настаивать на том, что в общеиндоевропейском были представлены все типы аористных образований; не приходится сомневаться в том, что семь классов аориста, представленных в древнеиндийском (в ведическом и в санскрите), являются индийской инновацией и лишь некоторые из этих семи классов могут быть возведены к общеиндоевропейским моделям ⁸⁹.

Исследователи подчеркивают ареальное и позднее происхождение некоторых моделей образования аориста ⁹⁰. Можно с известным основанием полагать, что в раннеиндоевропейском презенс и аорист восходили к единой основе ⁹¹ и что вычленение и структурное обособление презенса и аориста происходило в течение длительного времени, частично продолжаясь в эпоху конституирования отдельных ареалов индоевропейской языковой общности. В этой связи следует указать на то, что по сути дела беспредметным является спор о том, развивается ли первоначально презенс из аориста, или наоборот ⁹².

⁸⁹ См.: *T. Burrow*. Указ. соч.; *Т. Я. Елизаренкова*. Аорист в «Ригведе». М., 1960.

⁹⁰ *T. Burrow*. Указ. соч.; *Chr. Stang*. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942, стр. 12—14.

⁹¹ Ср. сходные положения *Т. Я. Елизаренковой* в указанной выше книге «Аорист в «Ригведе»» (стр. 131 и сл.). *Т. Я. Елизаренкова* постулируемую основу называет инфинитивом; быть может, и в данном случае следовало бы сохранить термин «инфект» и говорить о раннеиндоевропейской оппозиции инфекта/перфекта.

⁹² *H. Wagner*. Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln. Tübingen, 1959, стр. 250; ср., впрочем, замечания *Вяч. Вс. Иванова* и *В. Н. Топорова* о «вторичности форм настоящего времени по сравнению с формами инфинитива. . .» в их книге «Санскрит» (М., 1960, стр. 116).

Давая контрастную характеристику основе презенса и основе аориста, А. Мейе был в состоянии указать лишь на различие системы окончаний в основе презенса и в основе аориста: «Основы аориста определяется морфологически: это такая основа, которая в изъявительном наклонении имеет только вторичные окончания»... И далее: «...основу индоевропейского настоящего времени мы определим как основу, которая в изъявительном наклонении допускает и первичные и вторичные окончания»⁹³. Эта замечательная контрастная характеристика двух индоевропейских основ, данная по существу в терминах дистрибутивного анализа, несомненно, справедлива лишь для определенного этапа развития индоевропейского языка. В то же время вряд ли возможно постулировать различие в распределении первичных и вторичных окончаний для раннего этапа общеиндоевропейского языка. Весьма обоснованным представляется положение о том, что первоначально была представлена лишь одна система окончаний («вторичных») и что «первичные» окончания вычленились постепенно из более архаических «вторичных» окончаний в связи со структурным оформлением основы презенса⁹⁴. В таком случае при первоначальном неразличении первичных и вторичных окончаний, характерном для раннеиндоевропейского языка, отпадает единственный критерий разграничения основы презенса и основы аориста, выдвигавшийся А. Мейе, и мы действительно приходим к постулированию единой основы в раннеиндоевропейском.

Все изложенное заставляет прийти к выводу о том, что данные, полученные на основе внутренней реконструкции ранне- и позднегерманской глагольной парадигматики, и данные, полученные на основе сравнительной реконструкции общеиндоевропейской глагольной парадигматики, не приводят в отношении основы аориста к наложению и к совпадению индоевропейских и германских приемов глагольного моделирования. Следовательно, \bar{e} в IV и

⁹³ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 260.

⁹⁴ См.: А. Савченко. Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке. — ВЯ, 1955, № 4, стр. 112; *Он же*. Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском языке. «Lingua Posnaniensis», т. VIII, 1960, стр. 47; Т. Burrow. Указ. соч., стр. 313.

V рядах сильных глаголов следует объяснять не на основе корневого аориста, а на основе других моделей.

В связи с вопросом о судьбе аориста в общегерманском необходимо остановиться на определенном разряде презентных основ, названных Остгофом «аористо-презентными»⁹⁵. Речь идет об образованиях типа готск. *galukan*, др.-исл. *lúka*, др.-англ. *lúkan* ‘запирать’; др.-англ. *súran* ‘пробовать’, ‘смаковать’, д.-в.-н. *sûgan*, др.-исл. *súga* ‘сосать’ и т. д. Как известно, в индоевропейском были представлены две контрастные парадигмы презентных основ с колонным ударением: а) парадигма с ударением на корне и полной ступенью чередования корня (тип *bhávati* в терминах древнеиндийской грамматики) и б) парадигма с ударением на суффиксе и нулевой (или редуцированной) ступенью чередования корня (тип *tudáti* в терминах древнеиндийской грамматики). Возможно, что германский класс глаголов типа готск. *galukan* ‘запирать’ или *trudan* ‘ступать’ (ср. д.-в.-н. *tretan* с полной ступенью огласовки корня) представляет собой синкретическое образование, в котором, как было подмечено Г. Хиртом⁹⁶, совпали как индоевропейские глагольные парадигмы типа *tudáti*, так и индоевропейские атематические презентные образования. Объяснение Г. Хирта⁹⁷, согласно которому *ū* в готск. *galukan*, др.-исл. *lúka* и т. д., возникло по аналогии сильных глаголов I ряда чередования (готск. *steigan* — *staig* — *stigum* — *stigans*), представляется весьма правдоподобным, и тогда следует согласиться с Г. Хиртом, который замечает, что «если принимается [данное объяснение], то тогда от аористо-презентных основ остается лишь очень немногое»⁹⁸.

Помимо корневого аориста при объяснении *ē* в IV и V ряду сильных глаголов исследователи исходят из наличия в данных образованиях продленной ступени чередования, возникшей в результате гаплогогической потери слога с механически наступившим продлением краткого гласного (т. е. **nemnem* > *nēm*, откуда готск.

⁹⁵ *H. Osthoff*. Über Aoristpräsens und Imperfektpräsens. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. VIII, 1882, стр. 287; см. также: *K. Ljungstedt*. Anmärkningar till det starka preteritum i germanska språk. Upsala, 1887; *H. Hirt*. Указ. соч., т. II, стр. 168—169.

⁹⁶ Там же, стр. 168.

⁹⁷ *H. Hirt*. Указ. соч., т. II, стр. 169.

⁹⁸ Там же.

пѣтум и т. д.). Данная теория, наиболее последовательно развитая В. Штрайтбергом⁹⁹, строится на том, что некогда для всех германских глаголов I—VII ряда в претерите было характерно наличие редупликации; в таком случае остается непонятным, почему в результате гаплогогической потери слога оказались возможными образования с *ē* лишь в IV и V ряду чередования. Объяснение следует по всей вероятности искать в какой-либо определенной модели, впоследствии распространившейся и на другие образования, первоначально ничего общего не имевшие с данной моделью.

Имеются две возможности объяснения *ē* в IV и V ряду чередования глагола.

1. В древнеиндийском перфекте *śasāda* 'сидел' множественное число имело закономерно слабую основу **śazd-*, откуда др.-инд. *śedimá* (и.-е. *śesoda* — *śezd*); ср. в лат. *śēdeō*, перф. *śēdi* < **śezdai*, готск. *sat* — *sētum*. При соположении готск. *sētum*, лат. *śēdi* и др.-инд. *śedimá* принимается, что в готск. *sētum* < **sistum* < и.-е. *śezd*. Затруднение заключается в том, что группа *st* < < и.-е. *st/zd* сохранялась в готском и других германских языках, ср. и.-е. *ozdos*, готск. *asts*, д.-в.-н. *ast* 'ветвь'. Можно, правда, полагать, что форма *sistum* нарушала бы морфологическую прозрачность готской парадигмы, ср.: *sitan* — *sat* — **sistum*. На этом основании *s* было элиминировано и *e* (готск. *i*) получило заместительное продление. В дальнейшем модель готск. *sat* — *sētum* распространилась и на другие глаголы и охватила также и IV ряд глаголов. То, что подобная модель могла распространиться и на другие глаголы, не представляет чего-либо уникального; можно указать на др.-инд. перфект *yaṃāta* 'он достал', слабой основой которого была форма **ya-im*, откуда закономерное образование мн. ч. *yemimá*. По образцу др.-инд. *śedimá*, *yemimá* были образованы санскр. *retimá* 'мы упали' (но в ведическом встречалась еще форма *raptimá*), др.-инд. *tenimá* (вместо **tatnimá* 'тянули') и т. д.¹⁰⁰

Можно объяснить также, почему данная модель проникла и в IV ряд чередования. Как уже отмечалось выше, на фономорфологическом уровне следовало бы ожидать

⁹⁹ В. Streitberg. *Urgermanische Grammatik*. Heidelberg, 1896.

¹⁰⁰ А. Thumb, R. Hauschild. Указ. соч., стр. 286—287.

в готском модель *nīman — nam — numum — numans на основе приемов моделирования перфектных основ, во множественном числе которых проступала слабая основа с редуцированной или нулевой степенью чередования. В нарушение этих приемов моделирования в готском представлена форма nēmum. Перестройка модели IV ряда могла произойти потому, что модель *nam — numum претерита совпадала бы с моделью man — munum, skal — skulum претерито-презентных глаголов, с одной стороны, и с моделью подкласса презентных основ со слабым звуковым видом корня (др.-инд. класс tudāti), с другой стороны: ср. готск. trudan — мн. ч. trudum (основа презенса) и готск. *nam — мн. ч. numum (основа претерита). Стремление к четкой парадигматической дифференциации основы презенса и основы претерита нашло себе выражение в индуцирующем воздействии модели глаголов V ряда на модель глаголов IV ряда.

Некоторые исследователи настаивают на том, что готск. sētum не связано с др.-инд. sedimá и лат. sēdī. Так, Э. Бенвенист указывает на то, что сходство готского и латинского образования является кажущимся, поскольку в латинском речь идет о парадигматической дифференциации, о противопоставлении инфектной и перфектной основы, а в готском мы имеем дело с внутрипарадигматической оппозицией, с дифференциацией единственного и множественного числа¹⁰¹. С точки зрения функционального использования ē в латинской и готской парадигме Э. Бенвенист несомненно прав; это не означает, однако, что генетически лат. sēdī и готск. sētum не могут восходить к единой модели.

Таким образом, можно полагать, что готская парадигма sitan — sat — sētum оказала индуцирующее воздействие не только на другие глаголы того же V ряда чередования, но и на глаголы IV ряда; последнее обстоятельство в связи с данным выше объяснением (именно стремлением избежать структурного совпадения модели презентных основ со слабым звуковым видом корня и модели основы претерита) является весьма важным свидетельством того,

¹⁰¹ E. Benveniste. Sur quelques développements du parfait indo-européen, стр. 19; см. также K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. II², Teil 3. Strassburg, 1913, стр. 435, Anmerkung; E. Schwyzer. Griechische Grammatik, Bd. I. München, 1953, стр. 650, Zusatz 3.

что в раннегерманском в основе инфлекта (впоследствии основа презенса) был представлен значительный класс атематических образований, а также образований со слабым звуковым видом корня.

2. Можно объяснить \bar{e} в IV и V ряду глаголов на основе индуцирующего воздействия модели глаголов VI ряда. При всей неясности германских принципов моделирования глаголов VI ряда¹⁰², являющегося германской инновацией, использование контраста a и \bar{o} в построении глагольной парадигмы имеет соответствия в индоевропейских моделях, ср. e в основе презенса, \bar{o} в основе перфекта, a в основе презенса, i в основе перфекта: лат. *scabō — scabī; fodiō — fōdī*; греч. $\acute{\alpha}\rho\alpha\rho\iota\zeta\kappa\omega — \acute{\alpha}\rho\bar{\alpha}\rho\alpha$; готск. *faran — fōr — fōrum*. По готской модели VI ряда *faran — forum* были перестроены модели V ряда *sitan — sētum* и IV ряда *niman — nēmum*. В данном объяснении предполагается, что перестройка IV и V ряда чередования глагола под индуцирующим воздействием парадигмы VI ряда могла произойти лишь на уровне парадигматики. Внушительной аналогией перестройки одного парадигматического ряда на основе другого ряда является красивое объяснение Г. Хиртом парадигмы готского глагола *galūkan* < **lūkan* по образцу I ряда чередования: ср. готск. *steigan — staig — stigum — stigans* и **lukan — lauk — lukum — lukans*, откуда готск. *galūkan*.

Особого рассмотрения требуют формы причастия II в глаголах IV, V и VI ряда чередования: готск. *nimans, gibans, *farans*. Дело в том, что в общеиндоевропейском причастия на *-ono-* и на *-to-* характеризовались нулевой ступенью огласовки корня; ср. др.-инд. *jatá*, греч. $\beta\alpha\tau\acute{\omicron}\varsigma$ < и.-е. *g^umtos*; др.-инд. *matá* < и.-е. *mṛtos*; др.-инд. *purná* и т. д. В общегерманском в односложных образованиях это должно было дать *-um, -un* (ср. готск. *munds*). В многосложных образованиях следовало бы ожидать элизии гласного: **nmans, *gbans* и **frans*. Подобные формы, однако, нигде не засвидетельствованы. Если форму причастия II в готск. *gibans* вместо фонетически оправданной

¹⁰² См. об этих глаголах: W. Cowgill. Gothic *iddja*, and Old English *ēode*. «Language», vol. 36, 1960, № 4, стр. 483—501, особенно стр. 489—491, где дается совершенно неприемлемое объяснение *o* в германском на основе контракции; F. Metzger. *Faran* in Germanic languages. «Language», vol. 18, 1942, № 3, стр. 223.

формы *gbans возможно объяснить тем, что группа *gb* в абсолютном начале слова в германском не допускалась, то на тех же основаниях можно объяснить и форму *pnans* вместо фонетически правильной формы **pnans* (поскольку сочетание *nt* в абсолютном начале слова было также недопустимо). Можно воспользоваться также объяснением Е. Куриловича¹⁰³, согласно которому по антропофоническим соображениям при скоплении шумных согласных в нулевой (или редуцированной) ступени чередования восстанавливался вокализм полной ступени (тип **pktos* > > *pektos*). Что касается готск. **farans* вместо ожидаемого **frans*, вышеприведенные объяснения оказываются непригодными, ибо данная группа согласных *fr* допускалась в германских языках в любой позиции. Здесь следует усматривать действие тенденций, направленных на сохранение обязательного минимума структурных элементов каждого члена парадигмы. Так как члены германской глагольной парадигмы были в подавляющем большинстве случаев дву- и многосложными образованиями, то наличие в подобной парадигме одного сложного образования вело бы к нарушению структурной модели парадигмы.

Как было впервые установлено Я. Вакернагелем в его замечательной работе¹⁰⁴, в индоевропейских языках прослеживается тенденция к элиминированию односложных образований в составе парадигмы; ср. в древнеармянском обязательное употребление аугмента в односложных аористах: 3-е л. ед. ч. *eber* 'нес', 1-е л. ед. ч. *beri*; 3-е л. ед. ч. *elikh* 'оставил', 1-е л. ед. ч. *lkhi* (данная форма не является исключением, ибо в произношении она была двусложной [lækhi]¹⁰⁵). Подобно этому в латинском языке, по наблюдениям Я. Вакернагеля, форма императива *ī* (от глагола *īre* 'идти') в поздней латыни замещается, а затем и вовсе вытесняется формой *vade* (от глагола *vadere* 'идти'), именно потому, что односложная форма в составе глагольной парадигмы оказывалась в структурном отношении малопригодной — она нарушала приемы архитектоники индоевропейской глагольной парадиг-

¹⁰³ См.: *J. Kuryłowicz. L'apophonie en indoeuropeen. Wrocław, 1956, стр. 114—115.*

¹⁰⁴ *J. Wackernagel. Wortumfang und Wortform. «Göttingische gelehrte Nachrichten», 1906.*

¹⁰⁵ См.: *H. Jensen. Altarmenische Grammatik. Heidelberg, 1959, стр. 95—96.*

мы ¹⁰⁶. В свете вышеизложенного становится понятным, что по морфологическим соображениям формы типа *gþans, *nþans, *frans, оправданные фонетически, оказались неоправданными с точки зрения глагольной парадигматики.

* * *

Именная парадигматика ранне- и позднегерманского языка складывалась, при всех своих отличиях, во многом параллельно глагольной парадигматике. Отличительной чертой именной парадигматики раннегерманского языка является наличие двух контрастных парадигм: а) парадигмы с подвижным ударением; б) парадигмы с колонным ударением с двумя подвидами — ударением на корне и ударением на суффиксе. Все три акцентные германские модели имеют индоевропейские соответствия. Основанием для постулирования в раннегерманском двух парадигм с контрастными акцентными структурами служат данные, полученные прежде всего на основе внутренней реконструкции германского материала, удобно обозримого в работе Ч. Барбера ¹⁰⁷. Речь идет о распределении глухих и звонких щелевых/смычных в именных парадигмах в различных германских языках.

Сравним, например, в *i*-основах: а) рефлекс парадигмы с ударением на корне: др.-исл. *risi*, д.-в.-н. *risi* 'великан'; др.-исл. *þursi* 'великан'; готск. *sauþs* 'жертва'; б) рефлекс парадигмы с суффиксальным ударением: др.-исл. *elgr* 'лось'; др.-англ. *broew* < *brēg-wī 'бровь'; др.-исл. *flugr* 'полет'; готск. *hugs*, др.-исл. *hugr* 'мысль', 'смысл'; др.-исл. *leugr*, д.-в.-н. *loug* 'пламя'; др.-исл. *fundr* (вариант *fyndr*) 'встреча'; др.-англ. *lyre* 'потеря'.

В *u*-основах: а) рефлекс парадигмы с ударением на корне: готск. *faihrus* 'мир'; готск. *daufus*, д.-в.-н. *tōd*, др.-англ. *dēaþ* 'смерть'; готск. *liþus* 'сустав', 'член'; др.-исл. *vǫllr* < др.-сканд. *valþuR* 'поле', д.-в.-н. *wald*

¹⁰⁶ См. идущие в этом же направлении замечания А. Мейе о том, что в древнеиндийском в парадигме аориста при структуре *voc. + + voc.* (т. е. корень + окончание) вставлялось *-s-* для сохранения четкой морфологической членности основы: А. Meillet. *Sur l'aoriste sigmatique*. «Mélanges de linguistique offerts à F. de Saussure». Paris, 1908 (Collection linguistique, 2).

¹⁰⁷ Ch. Barber. *Die vorgeschichtliche Betonung der germanischen Substantiva und Adjektiva*. Heidelberg, 1932.

‘лес’; готск. *wīþrus*, др.-англ. *weþer*, д.-в.-н. *widar* ‘баран’; готск. *wulþus* ‘великолепие’, др.-исл. теофорное имя *Ullr* < др.-сканд. *wulþuR*; б) рефлексы парадигмы с суффиксальным ударением: др.-исл. *logr*, др.-сканд. *laguR* ‘море’; готск. *haidus*, др.-англ. *had* ‘явление’, ‘способ’; готск. *skadus* ‘тень’; готск. *skildus*, др.-исл. *skjoldr*, д.-в.-н. *scilt* ‘щит’, ‘доска’; др.-исл. *stuldr* ‘кража’.

В *ā*-основах: а) рефлексy, парадигмы с ударением на корне: готск. *aŕa*, др.-исл. *ǫ*, д.-в.-н. *aha* ‘река’, ‘воды’; готск. *arhazna*, др.-исл. *ǫr* < др.-сканд. *arhvō* ‘стрела’; б) рефлексy парадигмы с суффиксальным ударением: др.-исл. *sǫg* < др.-сканд. *sagō* ‘пила’; др.-исл. *þǫgn* < др.-сканд. *þagnō* ‘молчание’; готск. *junda* ‘молодость’; готск. *mulda*, др.-исл. *mold*, д.-в.-н. *molta* ‘земля’, ‘прах’; др.-исл. *und*, д.-в.-н. *wunta* ‘рана’; готск. *laiba*, др.-сакс. *lēba*, д.-в.-н. *leiba* ‘остатки’; готск. *þarba*, д.-в.-н. *darba* ‘нужда’.

В *u*-основах: а) рефлексy парадигмы с ударением на корне: готск. *ahma* ‘дух’; готск. *hiuhma* ‘толпа’; готск. *hoŕa* ‘плуг’; готск. *milhma* ‘облако’; др.-исл. *hlenni* ‘вор’; б) рефлексy парадигмы с суффиксальным ударением: др.-исл. *bogí*, д.-в.-н. *bogo* ‘лук’; др.-исл. *hegrí* ‘цапля’; др.-англ. *wiga* ‘воин’; готск. *gudja* ‘жрец’; др.-исл. — *valdi*, д.-в.-н. *walto* ‘повелитель’; готск. *wardja* ‘страж’; др.-исл. *farri*, д.-в.-н. *farro* ‘бык’.

В позднегерманском, в связи с имевшей место акцентной революцией, установился единый тип колонной парадигмы с ударением на корне, и тем самым акцентный контраст парадигмы перестал существовать; парадигматическая акцентная контрастность в позднегерманском стала избыточной. Следствием этого явилось выравнивание парадигмы на основе обобщения одного из вариантов (глухого или звонкого) в том или ином древнегерманском диалекте. Многоступенчатость и неравномерность процесса выравнивания сказались в наличии значительного количества «колеблющихся» вариантов в различных основах.

Ср. в *u*-основах: готск. *huhrus*, но др.-исл. *hungr*, д.-в.-н. *hungar* ‘голод’; др.-исл. *plógr*, но д.-в.-н. *pfluog* и *pfluoh* ‘плуг’; др.-англ. *heafō* ‘борьба’, д.-в.-н. *hadu* (в именах собств.), рун. *ÞarwulAfR* (камень из Стентофты).

В *i*-основах: готск. *slahs*, но др.-исл. *slagr*, д.-в.-н. *slag* ‘удар’; готск. *drus*, но др.-исл. *dryge* ‘падение’.

В *a*-основах: готск. *ahana*, но др.-исл. *ogn*, д.-в.-н. *agana* 'высевки'; готск. *fairzna*, но д.-в.-н. *fersana* 'пятна'.

В *n*-основах: готск. *auso*, др.-исл. *euga*, д.-в.-н. *ōga* 'ухо'.

В *o*-основах: др.-исл. *hestr* 'лошадь' < др.-сканд. *hanhista*, но др.-англ. *hengest*, д.-в.-н. *hengist* 'жеребенок'; др.-исл. *már* < др.-сканд. *maihwa*, но др.-англ. *mæw* > **maigwi* 'чайка'¹⁰⁸, готск. *auhns*, др.-шв. *ugn* 'печь'.

В *s*-основах: готск. *þeihs* 'время', но др.-исл. *þing* 'вече'.

Может показаться с первого взгляда, что наступившее в общегерманском парадигматическое выравнивание некогда контрастных акцентных типов шло параллельно с выравниванием парадигматического чередования гласных; на самом деле то были хронологически совершенно различные процессы. Выравнивание парадигматического чередования гласных наступило значительно раньше конституирования раннегерманского языка; во всех позднейших (вторичных и производных) образованиях еще общеиндоевропейской эпохи, как это неоднократно отмечалось исследователями, наблюдается тенденция к элиминированию чередования в корне¹⁰⁹. Так, если готскую парадигму *i*-основ женского рода единственного числа (им. п. *ansts* 'милость', род. п. *anstais*, дат. п. *anstai*, вин. п. *anst*) попытаться восстановить для общеиндоевропейского, то получится следующее: **n̥stis*, *n̥stei-os*, *n̥stēi*, *e/o**n̥stim*. В раннегерманском данная парадигма имела следующий вид: *anstis* — *anstais* — *anstēi*, *ansti*ⁿ.

Ср. также готскую парадигму *u*-основ мужского рода: им. п. *sunus* 'сын', род. п. *sunaus*, дат. п. *sunau*, вин. п. *sunu*; реконструкция данной парадигмы для позднеиндоевропейского: **sūnus*, *sun^{e/o}us*, *sunēu*, *sunum* для раннегерманского: **sunus*, *sunaus*, *sunēu*, *sunu*ⁿ. Любопытно сопоставить с раннегерманским и индоевропейским состоянием реконструкции той же основы (не бесспорную в деталях), которую дает для раннеиндоевропейского Ф. Кейпер: им. п. ед. ч. **séunus*, род. п. *sunéus*, дат. п. *sunéu(ai)*, вин. п. *séunum*¹¹⁰. Таким образом, нельзя не

¹⁰⁸ В этимологическом словаре Я. де Фриза — архетип *maiwR* (см. стр. 378—379).

¹⁰⁹ См.: *H. Pedersen. Études lithuanienes. København, 1933, стр. 22; F. B. J. Kuiper. Notes on Vedic noun-inflexion. Amsterdam, 1942.*

¹¹⁰ *F. B. J. Kuiper. Указ. соч., стр. 30.*

прийти к выводу, что парадигматическое выравнивание чередования гласного корня не составляет особенности раннегерманского языка, а относится еще к индоевропейской эпохе, т. е. что раннегерманский лишь реализует приемы индоевропейского моделирования парадигматического чередования.

Равным образом и тенденция к тематизации основ, столь характерная для позднейшего периода развития общиндоевропейского языка и так великолепно описанная в книге Т. Барроу ¹¹¹ (см. выше), не составляет отличительной особенности ни раннегерманского, ни тем более позднегерманского. Контраст тематических и атематических образований в именной подсистеме заменяется контрастом регулярных и нерегулярных образований, контрастом индуцирующих и неиндуцирующих типов. Не приходится сомневаться в том, что свертыванию тенденции к тематизации основ в общегерманском, помимо факторов, отмеченных выше, немало способствовало элиминирование контраста колонной и подвижной акцентной парадигмы. Как раз для атематических основ (т. е. подавляющего большинства именных основ) была характерна подвижная акцентная парадигма. Можно с уверенностью полагать, что с этим было связано наличие именно у атематических основ в раннеиндоевропейском, если не всех, то во всяком случае некоторых моделей парадигматического чередования гласных. Развитию контраста регулярных и нерегулярных образований в общегерманском языке способствовала также все усиливающаяся тенденция к родовой дифференциации, при участии которой происходило формирование и структурное оформление наиболее выдержанных, индуцирующих основ, подчинявших себе или растворявших в себе структурно менее выдержанные основы. Отличия раннегерманского от позднегерманского языка в реализации данной тенденции сказываются в том, что в раннегерманском она не привела еще к тем последствиям структурного порядка, которые дали о себе знать лишь в позднегерманском и даже в эпоху отдельного существования отдельных групп германских диалектов.

На основе внутренней реконструкции парадигм различных основ можно установить, что в раннегерманском

¹¹¹ Т. Burrow. Указ. соч.

i-основы мужского и женского рода парадигматически еще не различались; равным образом еще не было проведено парадигматического различия в мужском и женском роде в *n*-основах; *u*-основы точно так же не проводили дифференциации в мужском и женском роде; данное состояние хорошо сохранено готским языком. Тенденции развития, наметившиеся в *u*-основах в исландском языке, по сути дела уже не имеют ничего общего с приемами раннегерманского парадигматического моделирования. Тем самым, раннегерманский язык в отношении именного парадигматического моделирования занимает промежуточное положение между индоевропейским и общегерманским.

Количество членов именной парадигмы в раннегерманском было примерно таким же, как и в общегерманском, но все же можно постулировать некоторые существенные различия. Вряд ли можно сомневаться в том, что инструменталис на *-u/-o*, представленный лишь в древнесаксонском и древневерхненемецком языках, при этом лишь от *o*- и *i*-основ и только в единственном числе, является ареально довольно ограниченной инновацией ряда западногерманских диалектов. Данный форматив не охватывал даже всей ингвеонской области, а постулируемый в древнеанглийском инструменталис на *-i* на самом деле отражает модель индоевропейского форматива дательного/местного падежей *-ei/-i*¹¹². В этом свете в коренном пересмотре нуждается объяснение Э. Зиверса, возводившего форму дат. п. ед. ч. *-e* к протоанглийскому инструменталису на *-i* к дат. п. на *-æ*¹¹³, тем самым Э. Зиверс восстанавливал **dōni* (инстр. п.) и **dōmæ* (дат. п.). В настоящее время можно на основе палеографических исследований показать, что в древнеанглийских рукописях *i*, *æ*, *e*, *a* являлись различными графическими вариантами, обозначавшими фонему */e/* или */æ/* в слабой позиции¹¹⁴. Тем самым отпадает не только объяснение Э. Зиверса, но и постулируемый для древнеанглийского инструменталис.

¹¹² О данном формативе см.: *A. Meillet. Essai de chronologie des langues indo-européennes.* «Bulletin de la Société linguistique de Paris», vol. XXXII, № 95, 1931, fasc. 1.

¹¹³ *E. Sievers. Der angelsächsische instrumental.* «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. VIII, 1882.

¹¹⁴ См.: *Alan S. C. Ross. Studies in the accident of the Lindisfarne Gospels.* Leeds, 1937.

В таком же положении оказывается и звательный падеж в готском языке, имеющий особый форматив лишь в единственном числе *и*-основ; во всех прочих основах звательный падеж вычленяется лишь функционально, а в формате *-ai* звательного падежа следует усматривать готскую инновацию. Наличие в готском языке местоименных форм *þē* и *hē*, возможно являющихся и по форме и функционально творительным падежом, с индоевропейским формативом *ē/ō*, еще ничего не доказывает, ибо данные формы принадлежат маргинальной подсистеме местоимения, и нет никаких данных — ни прямых, ни косвенных — для реконструкции данного формата в качестве инструменталиса в подсистеме имени готского языка.

Следовательно, не может не броситься в глаза удивительная устойчивость так называемых грамматических падежей в ранне- и позднегерманском, довольно позднее и ареально ограниченное развитие некоторых локальных падежей и локальных в известной мере морфологизованных внепарадигматических конструкций, функционально выступающих подчас наравне и как бы в одном плане с членами именной парадигмы (типа др.-англ. *to-dæg* 'сегодня' при дат. п. ед. ч. *dæge*; *æt hām* 'на родине', 'дома' при дат. п. ед. ч. *hāme* от *hām* 'дом', 'отчизна'), и, наконец, почти полное безразличие в раннегерманском к парадигматическому выражению локальных падежей.

Следует отметить, что тенденция к выработке парадигматических возможностей выражения локальных отношений, четко заявившая о себе лишь в конце общегерманского периода и в древнейший период существования отдельных групп древнегерманских диалектов, довольно скоро угасла, ибо она оказалась перекрытой тенденциями, развернувшимися совсем в ином направлении, весьма характерном для германских языков, а именно, в направлении установления своеобразного парадигматического равновесия синтетических и аналитических элементов парадигматики. В свете вышесказанного вряд ли приходится согласиться с В. Леманом¹¹⁵, полагающим, что развитие в общегерманском шло в направлении от выражения локальных отношений и соотносительности существительного с определенной ситуацией к выражению грамма-

¹¹⁵ W. P. Lehmann. A definition of Proto-Germanic. A Study in the chronological delimitation of languages. «Language», vol. 37 1961, № 1, стр. 73—74.

тических отношений. Нам представляется, что развитие общегерманской именной парадигматики шло как раз в противоположном направлении; тем самым раннегерманское состояние подсистемы имени выражает приемы моделирования именной парадигматики определенного ареала индоевропейской языковой общности.

В этой связи следует указать на то, что и в настоящее время не потеряла своего значения попытка Г. Якобсона¹¹⁶ выделить два ареала стабилизации индоевропейской падежной системы: а) восточный ареал с интенсивной парадигматизацией локальных отношений, впоследствии локальных падежей, и б) западный ареал с системой преимущественно грамматических падежей.

Весьма желательным было бы описание приемов именового моделирования «восточного» и «западного» ареалов индоевропейской языковой общности. В настоящее время можно со всей уверенностью утверждать, что падежная система «восточного» ареала представляет собой продукт позднейшего развития и тем самым структурные модели данного ареала лишь в некоторой части возможно наложить на общеиндоевропейские модели именной парадигматики. Следовательно, теория падежного синкретизма, выдвинутая Б. Дельбрюком¹¹⁷, нуждается в коренном пересмотре. Речь идет при этом не о синкретизме вообще, а об интерпретации фактов германских языков на основе данной теории.

Сама идея падежного синкретизма несомненно плодотворна, поскольку явления синкретизма, являющегося одной из форм языкового поведения, многократно имели место в индоевропейском ареале и в центральных, и в маргинальных подсистемах. Недостатком интерпретации Б. Дельбрюка падежной системы германских языков на основе теории синкретизма было то, что Б. Дельбрюк не проводил никакого различия между явлениями синкретизма, относящимися к формантам падежей, и явлениями синкретизма, относящимися к области падежных функций. В то же время явлениям синкретизма должна быть дана раздельная интерпретация в плане выражения и в плане содержания. Другим недостатком интерпретации Б. Дель-

¹¹⁶ См.: *H. Jakobson. Kasusgruppierungen in den indogermanischen Sprachen.* «*Αντιφωνον. Festschrift J. Wackernagel.*» Göttingen, 1923.

¹¹⁷ *B. Delbrück. Synkretismus.* Strassburg, 1907.

брюка является то, что падежная модель «восточного» ареала была объявлена равнозначной общиндоевропейской модели, с точки зрения которой описывались явления падежной системы древних германских языков.

Как уже отмечалось, данные, полученные на основе внутренней реконструкции общегерманской именной парадигматики, приводят к иным выводам в отношении древнегерманской падежной системы. Лишь наложение моделей, полученных с помощью внутренней реконструкции, и моделей, полученных с помощью сравнительной реконструкции именной и глагольной парадигматики «западного» ареала индоевропейской языковой общности, позволит очертить контуры ранне- и позднегерманской именной и глагольной парадигматики и определить ее место в общиндоевропейской морфологической системе.

II

В сравнительном языкознании вплоть до настоящего времени обращалось мало внимания на статус и функционирование малых парадигматических рядов, на «остаточные формы» и диспаратные образования с точки зрения особенностей их праязыковой реконструкции. В другом месте уже приходилось указывать на то, что «не менее показательно также поведение так называемых «малых слов» — одного из важных и любопытных явлений не только исторической и описательной грамматики, но и общего языкознания (история этих слов, к сожалению, еще не написана). Здесь имеются в виду подчас довольно многочисленные и в то же время распыленные парадигматические образования, реликтовые типы, всем своим структурным обликом (наличие супплетивных образований типа *verbum substantivum*, наличие исторических чередований, аномальная парадигматическая структура) как бы выпадающие из широких парадигматических рядов. В то же время они обнаруживают в различных языках удивительную устойчивость и не поддаются действию (или, во всяком случае, весьма слабо поддаются действию) давления системы»¹¹⁸.

Именно реконструкция этих малых парадигматических рядов и диспаратных образований в определенном

¹¹⁸ Э. А. Макаев. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. — ВЯ, 1962, № 2, стр. 50.

индоевропейском языке заставляет компаративиста столкнуться с целым рядом проблем, представляющих принципиальную важность для методики сравнительной и внутренней реконструкции. В этой связи представляет особый интерес реконструкция одного из таких образований в армянском языке.

Происхождение модальной частицы *кэ* в армянском языке. В современном армянском языке категория будущего времени может быть парадигматически оформлена: 1) аналитически при помощи сочетания дееспричастия футурума на *-и* с презенсом глагола «быть», например, *grelu em* ‘я буду писать’, 2) при помощи форм желательного наклонения, которые предваряются частицей *кэ*, например, *kgrem, kgres, kgri, kgrenk’, kgrek’, kgreu* ‘я буду писать’, ‘ты будешь писать’ и т. д. Об оттенках в значении и в употреблении этих двух категориальных форм, которые для данной работы irrelevantны, интересные соображения высказывает Э. Б. Агаян, в частности об их взаимозаменяемости (ср. *et’e azat linem, galu em ~ et’e azat linem, kgam* ‘если я буду свободен, то приду’) ¹¹⁹. Предметом данной работы является выяснение вопроса о происхождении частицы *кэ* в парадигме будущего времени в армянском языке (в его восточном варианте).

В истории армянского языкознания были выдвинуты различные объяснения частицы *кэ*; остановимся на наиболее интересных из предложенных гипотез ¹²⁰.

Во избежание недоразумений следует оговорить, что в данной работе речь идет о происхождении и функциях модальной частицы *кэ* в восточноармянском литературном языке. В западноармянском литературном варианте частица *кэ* образует формы изъявительного наклонения, например, *кэ greu* ‘я пишу’, *кэ grei* ‘я писал’ (в западноармянском литературном варианте будущее время образуется из сочетания модальной частицы *piti* ‘я должен’ и

¹¹⁹ Э. Б. Агаян. Склонение и спряжение в современном армянском языке. Ереван, 1967, стр. 370—373 (на арм. яз.)

¹²⁰ Хороший обзор различных точек зрения дается в исследовании: А. С. Маркарян. Составные глаголы армянского языка. Ереван, 1966 (на арм. яз.). Гипотеза А. С. Маркаряна была впервые высказана в его статье «О происхождении модальной частицы *кэ*» в «Историко-филологическом журнале». Ереван, 1961, № 1 (на арм. яз.).

презенса сослагательного наклонения, например, *piti grem* 'я напишу', *piti sirem* 'я полюблю' и т. д.)¹²¹

А. Айтынян¹²² предполагал, что частица *кэ* развилась из сочетания формы 3-го л. ед. числа глагола *kam, kas, kai, kamk', kaik'*, *кап* 'я стою, ты стоишь, он стоит' и т. д.¹²³ с союзом *и*, как например, *каі и пауі* 'он стоит и видит'; из данного сочетания *каі* впоследствии развилась частица *ки* и затем *кэ*. Данное объяснение, принятое рядом исследователей, недавно было подвергнуто критическому анализу в небольшой работе П. Юнгмана¹²⁴, который, принимая в принципе гипотезу А. Айтыняна, указывает на то, что необходимо еще выяснить, в каких контекстах глагол *каі* 'стоять' теряет свою лексическую однозначность, превращаясь в полуслужебное слово, а также необходимо выяснить, каким образом форма 3-го л. ед. числа *каі* могла быть употреблена вместо всех лиц парадигмы глагола *каі* 'стоять'. Объяснение А. Айтыняна вряд ли может быть безоговорочно принято, ибо обращает на себя внимание то, что глагол *каі* 'стоять' носит дуративный характер, в то время как в различных индоевропейских языках для выражения будущего времени там, где отсутствует синтетическая категория футурума, обычно используется недуративный глагол: инкоативный, ингрессивный, перфективный.

М. Абеглян¹²⁵, не соглашаясь с А. Айтыняном, выдвинул гипотезу, согласно которой частица *кэ* первоначально была однозначной лексемой с указательным значением: «вот, это», сохраняясь с таким значением в виде *кюо, ко* в современных диалектах. Юнгман¹²⁶ в указанной работе справедливо отмечает, что данное объяснение лишь отодвигает, а не выясняет вопрос, ибо остается неясным, каково происхождение *кюо, ко* в современных диалектах.

¹²¹ См. об этом в следующих работах: С. Г. Абрамян, Б. А. Вердян, В. А. Косян. Учебник армянского языка. Ереван, 1966, стр. 163—164 (на арм. яз.); F. Feydit. Manuel de langue arménienne. Paris, 1948, стр. 75—76.

¹²² А. Айтынян. Критическая грамматика ашхарабара или современного армянского языка. Вена, 1866, стр. 76—77 (на арм. яз.)

¹²³ Н. Jensen. Altarmenische Grammatik. Heidelberg, 1959, стр. 92.

¹²⁴ Р. Jungmann. Zweigliedrige asyndetische Verbalgruppen im Armenischen und die neuarmenische Partikel *ku/ka/k*. «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», Н. 21, 1967.

¹²⁵ М. Абеглян. Теория армянского языка. Ереван, 1965 (на арм. яз.).

¹²⁶ Р. Jungmann. Указ. соч., стр. 37—38.

К этому следует добавить, что М. Абебян оставляет без внимания вопрос о том, какими путями происходит втягивание указательной частицы *kə* в глагольную парадигму, особенно в формировании категории будущего времени

Наиболее интересное объяснение было недавно выдвинуто А. С. Маркаряном в его вышеуказанных работах ¹²⁷. А. С. Маркарян полагает, что модальная частица *kə* происходит от формы 3-го л. ед. числа модального глагола (др.-арм. *kaṃim, kaṃis, kaṃi* 'я хочу, ты хочешь, он хочет'). Высокая частотность модального глагола *kaṃim* 'я хочу' привела к его усечению, подобно усечению модальной частицы *piti* 'следует, должно' в диалектах армянского языка. А. С. Маркарян указывает также на различные индоевропейские языки, в которых обнаруживаются сходные черты с армянским языком в использовании модальных глаголов для выражения будущего времени.

Данное объяснение представляется мне из всех предложенных наиболее убедительным. Справедливости ради укажу на то, что независимо от А. С. Маркаряна я пришел к тем же выводам, которые были мною доложены в докладе, прочитанном в секторе кавказских языков Института языкознания в 1965 г. Так как я шел иными путями, чем А. С. Маркарян, то думаю, что представит известный интерес изложить мою точку зрения, еще раз подтверждающую правильность гипотезы А. С. Маркаряна. Кроме того, мне представляется весьма существенным привести ряд аргументов ареального характера в подтверждение вышеуказанной гипотезы.

Весьма интимные связи армянского языка с иранскими языками были предметом многочисленных исследований, фундамент для которых был заложен в классическом исследовании Г. Хюбшмана ¹²⁸. В этой связи обращает на себя внимание, что в согдийском языке для выражения будущего времени используется сочетание глагола *kām* 'желать, хотеть' с инфинитивом, например, согд. *kām buti* 'я буду'.

Большой интерес представляет образование будущего времени в осетинском языке. Так, В. Миллер при-

¹²⁷ См. сн. 120.

¹²⁸ *H. Hübschmann. Armenische Grammatik, Bd. I. Leipzig, 1897.*

водит от глагола *färsyn*, *färsun* ‘спрашивать’ следующую парадигму: (иранский диалект) ед. ч. 1-го л. *färsjynän*, 2-го л. *färsjynä*, 3-го л. *färsjyänī* (-īs), мн. ч. 1-го л. *färsjystäm*, 2-го л. *färsjystut*, 3-го л. *färsjysty*. В. Миллер подчеркивал: «Происхождение *jän* для меня не ясно. Я мог бы его сопоставить с *-jin-*, суффиксом, служащим для образования абстрактных имен»¹²⁹. Объяснение было дано Э. Бенвенистом¹³⁰, который полагает, что *-jän* ~ *-jyn* восходят к морфеме **čana-* с комбинаторным вариантом — *čyna* в значении ‘желающий’. Э. Бенвенист сопоставляет авест. *čana(h)* — *činah*; ср. авест. *haoma-čanəm* ‘алчущий Сомы’, *pairī činah-* ‘желающий женщину’, *xratu-činah-* ‘алчущий мудрости’. Авестийское *čana-*, *činah-* ‘желание’, др.-инд. *kāyamāna-* ‘желающий’, др.-инд. перфект *saké* ‘любить, желать’ восходят к и.-е. *kā* ‘любить, желать’. Сюда же с детерминативом *-m-* др.-инд. *kāma-* ‘желание, любовь’, авест., др.-перс. *kāmə-* ‘желание’¹³¹. Э. Бенвенист полагает, что инновация в осетинском заключалась в сочетании *-čana-* с глагольной основой; таким образом осет. *färsjynän* ‘я спрошу’ восходит к **pṛsa-čana-ahmi* ‘я желаю спросить’. Э. Бенвенист указывает на то, что на основе словосложения в осетинском языке, хотя и с различными морфологическими средствами, получилась та же структура футурума, что имело место в персидском языке с будущим временем на основе *xāham*, в согдийском и в хорезмийском с будущим временем на основе *kām*¹³².

С другой стороны, армянский язык обнаруживает связи и с языками Балканского полуострова. В замечательном исследовании, посвященном балканским языкам, К. Сандфельд¹³³ подчеркивает, что образование будущего времени с помощью глагола ‘желать, хотеть’ является общим для греческого, албанского, болгарского, сербского и румынского языков. Ср. в новогреческом *θὰ κάνω* ‘я сделаю’, *θὰ κοιμόμαι* ‘я буду спать’¹³⁴, где *θὰ* восходит

¹²⁹ В. Миллер. Язык осетин. М. — Л., 1962, стр. 125—126.

¹³⁰ E. Benveniste. Etudes sur la langue ossète. Paris, 1959, стр. 77—79.

¹³¹ J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München, 1959, стр. 515; Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Berlin, 1961, стр. 437, 463; R. Kent. Old Persian. New Haven, 1953, стр. 179.

¹³² E. Benveniste. Etudes sur la langue ossète, стр. 79.

¹³³ Kr. Sandfeld. Linguistique balkanique. Paris, 1930, стр. 180—185.

¹³⁴ A. Mirambel. La langue grecque moderne. Paris, 1959, стр. 122.

к греч. θέλω 'я желаю'. Ср. в румынском языке voiŭ face 'я сделаю'¹³⁵, 'я хочу сделать'. В болгарском языке, как отмечает С. Б. Бернштейн, «будущее время образуется от глаголов совершенного и несовершенного вида всегда с помощью безударной частицы *ще*, которая по своему происхождению является формой 3-го л. ед. числа глагола *ща* (хотеть)»¹³⁶.

В сербском языке будущее время образуется при помощи *ѐи*, например, *ѐи dati* (или *daѐи* 'я дам', где *ѐи* < < *hoѐи*, *hòtjeti* 'хотеть, желать')¹³⁷.

В албанском языке будущее время образуется при помощи *do*, например *do te shkruaj* 'я напишу', где *do* является 3-м л. ед. числа глагола *dua* 'желать, хотеть'¹³⁸.

Таким образом, армянский язык как бы протягивает нити к иранским и к балканским языкам; в обоих ареалах наблюдается образование будущего времени при помощи достигаемой в той или иной степени десемантизации или деформации полнозначного глагола «желать, хотеть». Можно полагать, что арм. *kgrem* 'я напишу' восходит к **kaŋim grel* 'хочу, желаю писать' с постепенным процессом десемантизации и деформации глагола *kaŋim*, совр. *kaŋenal* 'желать, хотеть'. Что касается деформации данного глагола, то в плане общей фонетики это — хорошо известное явление: превращение полнозначных слов в полуслужебные и служебные слова в разных языках часто сопровождается их фонетической деформацией, на что уже приходилось обращать внимание¹³⁹. Весьма характерно, что в албанском языке, как отмечает К. Сандфельд¹⁴⁰, *do te shkruaj* означает 'я напишу', а неослабленная форма *dua te shkruaj* означает 'я хочу писать'.

В болгарском языке частица для выражения будущего времени *ще* < **xъštŭ* 'я хочу', в сербском языке частица *ѐи* < **hoѐи* 'я хочу'¹⁴¹, в новогреческом частица *θέ* < *θέλω* 'я хочу'.

¹³⁵ И. Иордан. Грамматика румынского языка. М., 1950, стр. 123.

¹³⁶ С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1953, стр. 876.

¹³⁷ Кр. Sandfeld. Указ. соч. стр. 181.

¹³⁸ Там же, стр. 182.

¹³⁹ Э. А. Макаев. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. — ВЯ, 1962, № 5, с. 50.

¹⁴⁰ Кр. Sandfeld. Указ. соч., стр. 182.

¹⁴¹ М. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. 3. Heidelberg, 1958, стр. 267.

С этим можно типологически сопоставить усеченные формы в английском разговорном языке: I shall > I'll 'я буду', I have > I've 'я имею' и т. д., а также редуцированные формы модальной частицы *piti* 'следует, надлежит' в диалектах армянского языка: *bi, ti, di, d ~ t*. По поводу данных усеченных форм Р. Ачарян справедливо замечает: «Очень часто употребляемые слова и частицы не подчиняются подобным (фонетическим. — Э. М.) законам и часто обнаруживают необычные редукции Как возможно объяснить необычные усечения частицы *piti*: *pit, ti, t* при допущении тех же законов?»¹⁴². Следовательно, фонетическая редукция полнозначного глагола *kaṁim* 'желать, хотеть' при переходе его в служебное слово и, наконец, модальную частицу, используемую для образования парадигмы будущего времени в армянском языке: *kaṁim > k* (аналогичная редукция *piti > t > d* в армянских диалектах) не представляет феномена экстраординарного; напротив, это закономерное явление, широко представленное во многих языках. В будущем, возможно, в сравнительной грамматике индоевропейских языков будет представлен раздел, описывающий действие регулярных фонетических законов в больших парадигматических классах, и раздел, где будут описываться особые фонетические закономерности для полуслужебных и служебных слов и различных частиц. Примером подобного закономерного фонетического развития «малых» слов является частица *kə* в армянском языке.

III

Методика реконструкции в индоевропейском сравнительном языкознании была индуктивно выведена из соположения языковых явлений, принадлежащих определенной группе родственных языков и индоевропейским языкам в целом. Изолированные индоевропейские языки, т. е.

¹⁴² Р. Ачарян. Полная грамматика армянского языка, том IV, кн. 1. Ереван, 1959, стр. 394—395. — Попутно укажем на то, что Н. Мкртчян ошибочно полагает, что в бурдурском диалекте форма *kart'am idi* 'хотел бы читать' обнаруживает заимствованный из турецкого языка форматив *-idi* для выражения будущих и прошедших времен. На самом деле *-di* — это редуцированная форма частицы *piti*. См.: Н. Мкртчян. Бурдурский диалект. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1966, стр. 9.

языки, сами по себе образующие особую группу индоевропейских языков в составе одного члена (такие, как армянский, албанский), всегда лежали в стороне от магистрального пути развития сравнительного языкознания.

Большинство компаративистов было и продолжает быть убежденным в том, что для целей индоевропейской реконструкции армянский язык мало пригоден, ибо, как неоднократно подчеркивал А. Мейе, армянский язык, весьма длительное время находившийся в соседстве с кавказскими языками, оказался очень удаленным от индоевропейского языкового типа. Что касается албанского языка, то его поздняя письменная фиксация внушала мало доверия к его подлинно архаическим чертам¹⁴³. В то же время А. В. Десницкая в своей упомянутой монографии и в ряде других публикаций весьма убедительно показала, какие возможности таятся в албанском языке для индоевропейского сравнительного языкознания и, в частности, для реконструкции отдельных фонетических и грамматических явлений и для их характеристики в плане индоевропейской ареальной лингвистики. Еще больший интерес представляет выяснение вопроса о значении армянского языка для реконструкции общеиндоевропейского состояния.

Значение армянского языка для реконструкции общеиндоевропейского состояния. Во второй половине XIX и в первой половине XX в. появилось довольно значительное количество работ, посвященных выяснению места армянского языка среди индоевропейских языков¹⁴⁴, а также анализу отдельных сторон фонетики, морфологии, лексики и словообразования армянского языка в сравнительно-историческом освещении¹⁴⁵. Был накоплен также значительный материал в области армянской этимологии, обобщенный в 30-х годах XX в. в известном словаре Х. Ачаряна¹⁴⁶.

¹⁴³ Об албанском языке см.: А. В. Десницкая. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968; см. также: R. Schmitt-Brandt. Albanologische Forschungen. «Kratylos», Jahrgang XIII, II, 1, 1968.

¹⁴⁴ Наиболее полный обзор см.: G. Solta. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960.

¹⁴⁵ См.: G. Solta. Die armenische Sprache (Handbuch der Orientalistik, Bd. VII). Leiden—Köln, 1963.

¹⁴⁶ H. Ačarijan. Hayerēn armatakan bařaran, I—VII. Erevan, 1926—1935.

Своеобразие фонетического и морфологического строя габара и ашхарабара продолжает и в настоящее время привлекать внимание компаративистов, о чем свидетельствуют появляющиеся время от времени в различных журналах заметки и, реже, более крупные публикации по армянской филологии¹⁴⁷. Следует со всей определенностью указать на то, что для всех этих работ характерным оказывается подход к армянскому языку как индоевропейскому маргинальному языку. На первый план выдвигаются вопросы, связанные с выяснением причин глубоких трансформаций, пережитых армянским языком в процессе его вычленения из определенного ареала индоевропейской языковой общности и его дальнейшего развития. Естественно, что в свете такой постановки вопроса вообще не рассматривается проблема соотношения армянского языка и общеиндоевропейской модели, что было прежде всего продиктовано воззрениями А. Мейе¹⁴⁸ на сравнительную грамматику армянского языка, которые были приняты и утверждены в сравнительном индоевропейском языкознании в первой половине XX в.

Многочисленные исследования А. Мейе по сравнительной фонетике и морфологии армянского языка, а также по армянской этимологии, получили классическое завершение в его «Очерке сравнительной грамматики древнеармянского языка», где наиболее подробно и систематически излагалась доктрина А. Мейе. Давая характеристику отличительных черт фонетического и морфологического строя древнеармянского языка, А. Мейе неоднократно подчеркивал отличия армянского языка от общеиндоевропейского состояния. Рассматривая фонетический строй армянского языка, А. Мейе указывал на то, что фонетическая система армянского языка отлична от индоевропейской.

1. Индоевропейский характеризовался подвижным политоническим акцентом, ударение в армянском фиксировано, что явилось причиной многочисленных синкоп гласных и, особенно, гласных конечных слогов.

¹⁴⁷ См. обзор в кн.: «Revue des études Arméniennes, Nouvelle série», Т. I—III. Paris, 1964—1966.

¹⁴⁸ А. Meillet. Esquisse d'une grammaire comparée de l'Arménien classique. Vienne, 1903; seconde édition entièrement remaniée. Vienne, 1936 (в работе цитируется лишь второе издание).

2. Ритм индоевропейского был количественным, армянские гласные не обнаруживают никаких различий в количестве независимо от места акцента.

3. Армянские глухие и звонкие смычные характеризуются задержкой вибраций голосовых связок, следствием чего является полное передвижение согласных, схожее с передвижением согласных в германских языках.

4. В индоевропейском были представлены многочисленные и разнообразные группы согласных; армянский язык их элиминировал и почти все слоги превратил в открытые.

5. В индоевропейском была представлена серия фонем, которые, в зависимости от их позиции в слове, выступали как гласные, согласные или вторые элементы дифтонгов; в армянском языке сонанты *y, u, r, l, m, n* не сохранились как самостоятельный класс фонем. Следствием этого явилось то, что индоевропейское слово, которое вплоть до древнеармянского периода не испытало никаких изменений, кроме закономерных фонетических преобразований, в армянском языке видоизменило свой характер: арм. *hauḡ* 'отец' мало напоминает греч. *πατήρ*¹⁴⁹. Остановливаясь на причинах столь значительных преобразований фонетического строя армянского языка, А. Мейе указывал на то, что по меньшей мере отчасти они могут объясняться субстратными воздействиями, речевыми навыками аборигенов тех областей, куда был занесен индоевропейский армянский язык¹⁵⁰.

Рассматривая падежную систему армянского языка, А. Мейе подчеркивал, что «Вплоть до настоящего времени падежи сохранили в армянском их первоначальную индоевропейскую значимость без существенных изменений, и эта консервация тем более замечательна, что она не находит себе равной за исключением славянских и балтийских языков»¹⁵¹. Наконец, давая общую характеристику отличиям армянского языка от индоевропейского, А. Мейе писал: «Хотя армянский засвидетельствован в относительно позднее время, он сохранил большое количество характерных признаков индоевропейского языка: употребление падежей и флексия основ на *-n*, к примеру, является явным архаизмом. Но в целом, фонетический и морфо-

¹⁴⁹ А. Meillet. *Esquisse...*, стр. 58.

¹⁵⁰ Там же, стр. 59.

¹⁵¹ Там же, стр. 97.

логический строй армянского языка глубоко отличен от индоевропейского»¹⁵². В этой концепции А. Мейе со всей ясностью проступало стремление рассматривать армянский язык как языковой тип, далеко отошедший от общеиндоевропейского состояния. В этой связи для А. Мейе не было случайным соположение армянского языка с германскими, ибо, как подчеркивал А. Мейе в другой работе, германские языки «достигли состояния, которое все более удаляется от индоевропейского... Там, где исторические условия ускорили это развитие, от индоевропейского типа языка почти ничего не осталось; английский имеет в высшей степени своеобразное произношение, тип грамматики, максимально далекий от индоевропейского, а в его словаре лишь очень мало старых слов в их старом значении. С индоевропейским языком английский связан исторической преемственностью, но он почти ничего не сохранил от индоевропейского языка»¹⁵³.

Как было отмечено, концепция А. Мейе о соотношении армянского языка и общеиндоевропейского состояния была утверждена в сравнительном индоевропейском языкознании и является господствующей вплоть до настоящего времени. Достаточно указать на небольшую монографию Г. Зольта, в которой автор, цитируя почти дословно схему А. Мейе, которая была приведена выше, приходит к выводу, что «эти специфически армянские фонетические преобразования имели следствием, что дистанция, отделяющая армянский язык от других индоевропейских языков, не подвергшихся столь значительным преобразованиям, довольно велика»¹⁵⁴. В конце работы Г. Зольта подчеркивает: «Индоевропейские элементы в армянском обнаруживают частичное высокую архаичность, но в то же время армянский язык обнаруживает самые значительные потери древнеиндоевропейских структурных черт»¹⁵⁵. Так же, как и А. Мейе, Г. Зольта усматривает причины столь значительных преобразований армянского языка в субстратных воздействиях¹⁵⁶.

Следует полагать, что уместной и своевременной яв-

¹⁵² А. Meillet. *Esquisse...*, стр. 144.

¹⁵³ А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, стр. 154.

¹⁵⁴ G. Solta. *Die armenische Sprache*, стр. 101.

¹⁵⁵ Там же, стр. 127.

¹⁵⁶ Там же.

ляется постановка вопроса о том, в какой мере вышеизложенная концепция о статусе армянского языка согласуется с современными представлениями об общиндоевропейской модели и об эволюции общиндоевропейского языка? Хорошо известно, что в сравнительном индоевропейском языкознании в конце XIX и в первой четверти XX в., т. е. до использования данных хетто-лувийских и тохарских языков в сравнительной грамматике индоевропейских языков, общиндоевропейская модель строилась в основном на данных древнеиндийского и греческого языков со спорадическим привлечением данных славяно-балтийских и италийских языков. При этом ведический диалект древнеиндийского языка рассматривался как древнейший представитель индоевропейского языкового мира, как язык, в котором оказались законсервированными наиболее архаичные черты индоевропейского структурного типа. Не приводя здесь всей относящейся сюда литературы, поскольку это было рассмотрено в другом месте ¹⁵⁷, укажу на то, что Е. Курилович в работе, вышедшей в 1952 г. ¹⁵⁸, считал возможным утверждать: «Выводы, касающиеся индоевропейского «праязыка», основаны исключительно на индийском... выбор языка в данном случае не представляет затруднений: в ведическом мы не находим ни одной прозодической черты, которую приходилось бы, в сопоставлении с греческим или балтославянским, считать нововведением, но обратное утверждение было бы неправильно».

В работе, специально посвященной данному вопросу ¹⁵⁹, в свете современных данных не представляется возможным рассматривать ведическое наречие как самый архаичный из всех индоевропейских языков, поскольку в ведическом диалекте представлен как ряд несомненных архаизмов, так и значительное количество новообразований.

Кроме того, данные хетто-лувийских и тохарских языков, дешифровка греческого линейного письма «Б» (или

¹⁵⁷ Э. А. Макаев. Проблемы и методы сравнительно-исторического индоевропейского языкознания.— ВЯ, 1965, № 4; *Он же*. Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960, с. 150; *Он же*. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964, с. 26—27.

¹⁵⁸ J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952, стр. 497—498.

¹⁵⁹ E. Makajev. Archaismen und Innovationen im Vedischen. «Festschrift F. B. J. Kuiper», Leiden, 1967.

крито-микенского диалекта), интенсивное применение принципов внутренней реконструкции и более жесткая процедура вычленения нескольких хронологических срезов общендоевропейского языка, что имело прямым следствием пересмотр вопроса о дистрибуции архаизмов и инноваций в отдельных ареалах индоевропейской общности — все это по необходимости приводит к построению существенно иной модели общендоевропейского состояния¹⁶⁰, и в этом свете представляется целесообразным рассмотреть аргументы А. Мейе, обобщенные в таблице, где перечисляются отличия армянского языка от индоевропейского. Вернемся еще раз к вышеприведенной таблице; А. Мейе указывает:

1. И н д о е в р о п е й с к и й язык характеризовался подвижным политоническим акцентом; ударение в армянском фиксировано, что явилось причиной многочисленных синкоп гласных и, особенно, гласных конечных слогов.

2. Р и т м индоевропейского языка был количественным; армянские гласные не обнаруживают никаких различий в количестве независимо от места акцента. В основе этих постулатов, основанных на данных ведического и древнегреческого диалектов, лежит представление о том, что индоевропейский язык характеризовался наличием политонического или хроматического (или музыкального) ударения, количество гласных определялось независимо от места акцента и, следовательно, явления синкопы не могли иметь места в общендоевропейскую эпоху. Данные положения нуждаются в существенном пересмотре.

Рассматривая подвижные акцентные парадигмы в различных индоевропейских языках (типа вед. *dāgu* род. п. ед. ч. *droḥ* 'дрова', *sānu*, род. п. ед. ч. *snoḥ* 'вершина', *jaḡāta* 'я пошел', *jaḡmūr* 'они пошли', *uvāsa* 'он сказал', *ūsūr* 'они сказали', *sakāga* 'он сделал', *sakḡmá* 'мы сделали'). И. Шмидт установил зависимость сокращения гласных от акцентных факторов и одновременно доказал на основе систематического сравнения сходных явлений в различных индоевропейских языках, что данная зависимость восходит к общендоевропейской эпохе¹⁶¹. Сформулированный И. Шмидтом закон индоевропейской акцентоло-

¹⁶⁰ Э. А. Макаев. Проблемы и методы. . . , стр. 6—11.

¹⁶¹ J. Schmidt. Zwei arische a-Laute und die Palatālen. — KZ, Bd. 25, 1881.

гии и парадигматики гласит: «Определенный слог в том случае испытывает наибольшее сокращение (или ослабление), если ударение падает на отрезок, отстоящий на два слога от данного слога, а не падает на отрезок, непосредственно следующий за данным слогом». Следствия из данного закона следующие.

1. Краткий гласный /a/ сохраняется в том случае, если непосредственно следующий за ним слог является ударным, и исчезает, если ударение передвигается на один слог дальше.

2. Долгий гласный, испытывающий сокращение в позиции перед ударным слогом, вовсе исчезает, если ударение передвигается на один слог дальше.

3. Дифтонг, сохраняющийся в позиции непосредственно перед ударным слогом, сокращает свой первый элемент, если ударение передвигается на один слог дальше». Одновременно с И. Шмидтом явления ослабления гласных в зависимости от акцентных факторов изучались Ф. де Соссюром¹⁶² под углом зрения того, что Ф. де Соссюр называл сильной флексией (*flexion forte indo-européenne*). Х. Хирт¹⁶³, подводя итоги своим разысканиям в области индоевропейской акцентологии, приходит, как известно, к выводу о том, что периоду господства музыкального ударения в индоевропейском в период, непосредственно предшествовавший его распаду, должен был предшествовать длившийся весьма долго период господства динамического ударения, когда акцент оказывал решающее воздействие на индоевропейский вокализм. Х. Хирт вычленил при этом шесть хронологических срезов в индоевропейском, когда под влиянием динамического акцента происходили процессы сокращения долгих гласных, редукции кратких гласных, появления глухих гласных и явления синкопы.

На основе этих положений можно утверждать, что первоначально в общеиндоевропейском была представлена система динамического ударения, ибо лишь на основе принятия этой гипотезы возможно наиболее последовательно и просто объяснить явления чередования гласных, особенно явления количественного чередования, много-

¹⁶² *F. de Saussure. Mémoire sur le Systeme primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipzig, 1879.*

¹⁶³ *H. Hirt. Indogermanische Grammatik, T. IV. Heidelberg, 1928, стр. 350 и сл.*

ступенчатые процессы редукции гласных в акцентно слабой позиции в различных индоевропейских языках и, наконец, явления синкопы гласных.

Следует полагать, что смена динамического ударения политоническим ударением, имевшая место в позднеиндоевропейском (согласно принятому нами хронологическому делению индоевропейского на два состояния, раннеобщиндоевропейский и позднеобщиндоевропейский)¹⁶⁴, наступила не во всех индоевропейских ареалах, т. е. она носила региональный характер. Достаточно указать на то, что в древнеиндийском, начиная с древнейшей поры, были представлены две акцентные схемы: ведическое наречие характеризовалось политоническим акцентом, санскрит — динамическим акцентом и, хотя и высказывалось предположение¹⁶⁵ о том, что акцентная система в санскрите является вторичной по отношению к ведической акцентной системе, однако в распоряжении исследователя нет данных для доказательства этого предположения. Во всяком случае санскритская акцентная схема такая же древняя, как и ведическая. Что касается явлений синкопы, то еще Ф. де Соссюр в одной замечательной работе¹⁶⁶ считал возможным объяснить ряд форм греческого языка, напр., греч. ἦλθον < ἦλυθον 'пришел' на основе синкопы, действовавшей в языке с ярко выраженным политоническим характером, каким был древнегреческий язык. Ф. де Соссюр полагал при этом, что движущим фактором для наступления синкопы был открытый им ритмический закон преобразования последовательных трех кратких гласных:

а	U	U	U	>	—	U
б	U	U	U	>	U	—
в	U	U	U	>	U	U

Объяснение Ф. де Соссюра, встретившее серьезное возражение со стороны Я. Ваккернагеля¹⁶⁷ и других исследо-

¹⁶⁴ Э. А. Макаев. Проблемы и методы . . . , стр. 7.

¹⁶⁵ А. Thumb, R. Hauschild. Handbuch des Sanskrit, I. Heidelberg, 1958, стр. 208.

¹⁶⁶ F. de Saussure. Une loi rythmique de la langue grecque. «Recueil des publications scientifiques de F. de Saussure». Genève, 1922, стр. 470 и сл.

¹⁶⁷ J. Wackernagel. Das Dehnungsgesetz der griechischen Komposita. «Kleine Schiften von J. Wackernagel». Göttingen, 1953, стр. 897 и сл.

вателей, не получило всеобщего признания. О. Семереньи в своей обширной монографии¹⁶⁸ снова вернулся к объяснению Ф. де Соссюра и не только привел новый и значительный материал синкопированных образований в греческом языке, но и внес в это объяснение два новых момента. О. Семереньи явления синкопы объясняет не действием ритмического фактора, а акцентными факторами, именно синкопа наступает в акцентно слабой позиции (или в безударном слоге).

Кроме того, О. Семереньи полагает, что явления синкопы не ограничиваются греческим языком, но в известной мере характеризуют и общеиндоевропейское состояние. Если не все из приведенных О. Семереньи материалов выдержат испытание временем¹⁶⁹, то все же общее направление его исследований следует считать весьма перспективным и выводы в значительной мере оправданными. В свете всего вышесказанного нельзя не прийти к выводу, что пункты 1 и 2 схемы А. Мейе не отвечают современному уровню разработки общеиндоевропейской модели и ее соотношения с данными армянского языка.

3. Третий пункт касается передвижения согласных в армянском языке. А. Мейе рассматривал передвижение согласных в армянском и в германских языках как одно из наиболее ярких отличий данных языков от общеиндоевропейского. Причины столь коренного преобразования всей системы смычных в армянском и в германских языках А. Мейе усматривал, как известно, в анатомо-генетических факторах, именно в различиях укладов голосовой щели, причем принималось, что для общеиндоевропейского был характерен сомкнутый уклад голосовой щели, а для армянского и германских языков был характерен несомкнутый уклад голосовой щели. А. Мейе подчеркивал: «Изменение, которое, подобно передвижению согласных в германском и в армянском языках, заключается в коренном изменении способа артикуляции, особенно в изменении активности голосовых связок... естественно объясняется тем, что народность, меняя язык, сохранила свои старые произносительные навыки... Что касается Армении, то там

¹⁶⁸ О. Szemerényi. Syncope in Greek and Indo-European and the Nature of Indo-European Accent. Napoli, 1964, стр. 274 и 403.

¹⁶⁹ М. Lejeune [Рец. на кн.:] О. Семереньи — BSLP, 61, 1966, fasc. II, стр. 34—38; *Ilj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Lief. 17. Heidelberg, 1966, s. v. *λόγος*.

проникновение индоевропейского наречия произошло в исторический период; с другой стороны, система армянских смычных, имеющая совершенно особый характер, тождественна с системой группы смежных языков другой семьи, южнокавказской, наиболее известным языком которой является грузинский»¹⁷⁰.

В этом построении А. Мейе уязвимыми являются несколько положений.

1. Следует подчеркнуть, что неправомерным является определение ф о н о л о г и ч е с к и х процессов трансформаций согласных физиологическими причинами. Компаративист ничего не может знать о характере уклада голосовой щели в общеиндоевропейском, не говоря уже о том, что данное объяснение не является собственно лингвистическим, а строгость лингвистического анализа заключается в том, что лингвистические явления должны интерпретироваться при помощи лингвистических постулатов¹⁷¹.

2. Бездоказательно и объяснение причин передвижения согласных при помощи субстрата, поскольку в отношении германского передвижения согласных исследователь не располагает данными о д о г е р м а н с к и х языках и их структурных особенностях. Что касается армянского передвижения согласных, то не представляется возможным прямое сведение армянского консонантизма к южнокавказской, т. е. грузинской модели смычных согласных.

3. Наконец, наиболее существенным как для армянского, так и для германского передвижения согласных оказывается не ф у н д а м е н т а л ь н о е п р е о б р а з о в а н и е структурного облика индоевропейского консонантизма, как то постулировал А. Мейе, а как раз наоборот — к о н с е р в а ц и я некоторых приемов общеиндоевропейского моделирования в системе согласных фонем¹⁷². Дело в том, что как в армянском, так и в германских языках три ряда индоевропейских смычных: *ʃh, dh, gh, b, d, g, p, t, k* в антропофоническом отношении

¹⁷⁰ А. Мейе. Основные особенности германской группы языков, стр. 43.

¹⁷¹ См.: Э. А. Макаев. Некоторые явления системы согласных германских языков с фонологической точки зрения. «Материалы I научной сессии по вопросам германского языкознания». М., 1959.

¹⁷² «Сравнительная грамматика германских языков», том II. Фонология. М., 1962, стр. 14.

испытали значительные преобразования, но фонологическая релевантность трех рядов была сохранена. Передвижение согласных в армянском и в германских языках привело к видоизменению с п о с о б а образования индоевропейских смычных без изменения м е с т а их образования и без сокращения всех трех коррелирующих рядов смычных; тем самым общеиндоевропейские принципы моделирования корреляций согласных фонем в армянском и в германских языках были сохранены.

Три ряда индоевропейских смычных в армянском и в германских языках оказались частично смещенными глухими придыхательными или спирантами, но конфигурация трех рядов и принцип дистантности между тремя рядами продолжал по-прежнему сохраняться в армянском и в германских языках. Подобное положение вещей заставляет утверждать, что в армянском и германском передвижении согласных следует усматривать, вопреки утверждениям А. Мейе, не радикальное п р е о б р а з о в а н и е индоевропейской системы смычных, а с о х р а п е н и е индоевропейских моделей. В этом отношении армянский язык стоит ближе к общеиндоевропейской модели, чем большинство прочих индоевропейских языков ¹⁷³.

4. Четвертый пункт касается групп согласных и тенденции армянского языка к раскрытию закрытых слогов. Вопрос о группах согласных в общеиндоевропейском является неясным в том отношении, что требует специального исследования вопрос о том, что группы согласных в начальной и в интервокальной позиции, как то представляется возможным реконструировать на основе данных отдельных индоевропейских языков для позднеиндоевропейского состояния, могли явиться следствием неоднократных процессов редукции и выпадения гласных и тем самым для раннеиндоевропейского следует принимать, по меньшей мере в ограниченном объеме, наличие открытых слогов. В этом отношении заслуживает внимания попытка К. Боргстрема ¹⁷⁴ представить исходное индоевропейское состояние как язык со структурой открытого слога (более подробно вопрос рассматривается в монографии «Структура слова в индоевропейских и германских языках». М., 1970).

¹⁷³ Э. А. Макаев. Передвижение согласных в армянском языке.— ВЯ, 1961, № 6, стр. 24.

¹⁷⁴ С. Borgström. Thoughts about Indo-European vowel gradation.— NTS, Bd. XV, 1949.

В то же время вопрос о группах согласных и о тенденции к открытому слогу в армянском языке нуждается в новой постановке. Прежде всего в уточнении нуждается само определение тенденции к открытым слогам. Как показали исследования славистов, «закон открытых слогов следует считать не причиной, а следствием каких-то других тенденций и закономерностей»¹⁷⁵.

Следовательно, необходимо установить, под влиянием каких факторов и в какой хронологический отрезок в армянском наметилась тенденция к открытым слогам. Что касается групп согласных, то, как показало обстоятельное экспериментальное исследование групп согласных в современном армянском языке, проведенное сотрудниками экспериментальной фонетической лаборатории института языка им. акад. Ачаряна АН Арм. ССР, в армянском языке представлены группы начальных согласных¹⁷⁶. Следовательно, данный критерий А. Мейе не может быть использован для характеристики отличий армянского языка от индоевропейского.

5. Пятый пункт касается системы сонантов как самостоятельного класса фонем в индоевропейском и отсутствия данного самостоятельного класса в армянском, в связи с чем А. Мейе подчеркивает различие в структурном оформлении слова в индоевропейском и в армянском языке. Следует прежде всего указать на то, что сонанты *y, w, r, l, m, n* как самостоятельный класс фонем, противопоставленный как классу гласных, так и классу согласных фонем и характеризующийся наличием трех аллофонов: гласного, согласного и гласного/согласного в составе дифтонгов¹⁷⁷, не представлены ни в одном индоевропейском языке, и отсутствие данного класса фонем в армянском языке не позволяет усматривать в этой структурной особенности армянского консонантизма отличие армянского от индоевропейского. Кроме того, в индоевропейском класс сонантов не был полностью гомогенным: как

¹⁷⁵ В. К. Журавлев. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 4.

¹⁷⁶ Я имел возможность ознакомиться с результатами данного исследования во время моего пребывания в Ереване с 25.III по 7.IV 1967 г. Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность сотрудникам лаборатории и особенно А. А. Хачатрян.

¹⁷⁷ F. Edgerton. The semivowel phonemes of Indo-European. «Language», 38, f. 4, 1962, стр. 353.

показал Х. Хирт¹⁷⁸ и как было обосновано Е. Куриловичем¹⁷⁹, в сонантах *y, w, r, l, m, n* выделяются два подкласса: *y, w* являются собственно гласными, которые могут функционировать как согласные; *r, l, m, n* являются собственно согласными, которые могут функционировать как гласные.

Следует думать, что именно в этих различиях двух подклассов сонантов следует усматривать различный характер эволюции *y, w*, с одной стороны, *r, l, m, n* — с другой стороны, в отдельных индоевропейских языках. Как известно, рассмотрение *y, w, r, l, m, n* как единого класса фонем, восходящее к «Мемуару» Ф. де Соссюра и особенно подробно обоснованное А. Мейе¹⁸⁰, влекло за собой постулат о том, что сочетание «гласный + *y, w, r, l, m, n*» следует интерпретировать как структуру дифтонга. Таким образом общиндоевропейскому приписывалось наличие 36 дифтонгов. Данное построение не может не вызвать серьезных возражений как с точки зрения с т а т у с а самого индоевропейского при наличии вышеупомянутых различий структурного характера между двумя подклассами сонантов, так и в плане общей т и п о л о г и и языка, ибо язык, имеющий класс дифтонгов в составе 36 членов, вряд ли может претендовать на известную реальность. В. Леман¹⁸¹, отвергая это построение, был несомненно прав, указывая на то, что не было приведено никакого доказательства в оправдание и обоснование данного построения, хотя следует подчеркнуть, что сам В. Леман шел слишком далеко в своей критике концепции А. Мейе, отрицая вовсе наличие дифтонгов в индоевропейском¹⁸². Г. Шевелов¹⁸³ проводит, с нашей точки зре-

¹⁷⁸ H. Hirt. Indogermanische Grammatik, II. Heidelberg, 1921, стр. 11.

¹⁷⁹ J. Kuryłowicz. L'apophonie en Indo-Européen. Wrocław, 1956, стр. 120—121.

¹⁸⁰ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 134 и сл.

¹⁸¹ W. P. Lehmann. Proto-Indo-European phonology. Austin, 1952, стр. 11.

¹⁸² Там же, стр. 11 и сл.— А. Мартине справедливо возражает против гипотезы В. Лемана в своей рецензии на книгу В. Лемана. См.: А. Martinet. [Рец. на кн.:] W. P. Lehmann. Proto-Indo-European Phonology. «Word», vol. IX, 1953, № 3.

¹⁸³ G. Shevelov. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 22—23.

ния, вполне оправданное разграничение между дифтонгами в собственном смысле и функциональными дифтонгами, к которым он относит сочетание «гласный + *y, w, r, l, m, n*».

Обобщая все вышесказанное, можно утверждать, что отсутствие самостоятельного класса сонантов в армянском языке еще ничего не говорит о соотношении армянского языка и общеиндоевропейской модели.

Что касается различного оформления структуры слова в армянском и в индоевропейском, то прежде всего укажу на то, что данный вопрос подробно рассматривается в работе «Структура слова в общеиндоевропейском». Ограничусь следующими замечаниями: единство морфологического слова в общеиндоевропейском было относительным в том смысле, что полнозначная лексическая единица, как правило, функционировала в окружении проклитик и энклитик, которые, будучи безударными, примыкали к акцентно оформленному полнозначному слову, образуя так называемое фонетическое слово или, в нашей терминологии, фразовый отрезок¹⁸⁴.

Можно полагать, что более компактная акцентная организация морфологического слова в составе фразового отрезка влечет за собой большое количество безударных элементов, т. е. проклитик и энклитик, группирующихся вокруг полнозначного слова. В общеиндоевропейском для фразовых отрезков было характерным значительное количество проклитик и энклитик, тем самым описание структуры индоевропейского слова вне явлений проклизы и энклизы оказывается невозможным. В этой связи следует подчеркнуть, что явления проклизы и энклизы образуют составную часть структуры слова в армянском языке. Превербы (в препозиции и постпозиции) образуют вместе с полнозначным словом единую структурную акцентно-ритмическую группу, весьма схожую с фразовыми отрезками в общеиндоевропейском; ср. в грабаре: *i verəu hairn imou* 'для моего отца'; *i nahneasp tseros i verəu* 'для наших предков'¹⁸⁵.

¹⁸⁴ См.: Э. А. Макаев. Структура слова в общеиндоевропейском. «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе лингвистов в Бухаресте», М., 1967.

¹⁸⁵ H. Jensen. Altarmenische Grammatik. Heidelberg, 1959, стр. 124.

Не менее характерным для армянского языка является весьма интенсивное употребление деиктических частиц местоименного происхождения, которые в ашхарабаре служат для конкретизации пространственной характеристики и для выражения посессивных отношений соответствующих слов. Следует со всей определенностью подчеркнуть, что подобное употребление деиктических частиц, весьма развитое в ашхарабаре, не является инновацией армянского языка, а является продолжением и развертыванием структуры индоевропейских фразовых отрезков. Структурное оформление слова в армянском языке паразитивно близко к общеиндоевропейской модели структуры слова и в этом отношении данные армянского языка (как грабара, так и ашхарабара) имеют не меньшее значение, чем данные древнеиндийского или греческого языков.

Анализ всех пяти пунктов схемы А. Мейе заставляет прийти к выводу, что в свете современного состояния сравнительного языкознания она не отвечает истинному положению вещей и вопрос о соотношении армянского языка и общеиндоевропейской модели нуждается в коренном пересмотре. В то же время в падежной системе армянского языка А. Мейе усматривал консервацию общеиндоевропейского состояния. Нетрудно заметить, что данное положение А. Мейе было продиктовано представлением об индоевропейском языке, в котором было представлено восемь падежей, причем оказывалось, что лишь индоиранские, славянские, балтийские и армянский языки сохранили в более или менее полной форме исконное состояние, в то время как все прочие индоевропейские языки значительно упростили и редуцировали общеиндоевропейскую падежную систему.

Мне неоднократно приходилось указывать на то, что эта концепция, как не отвечающая уровню наших современных представлений об индоевропейском языке, нуждается в коренном пересмотре. В свете современных данных можно полагать, что в раннеобщиндоевропейском и, частично, в позднеиндоевропейском еще не были завершены процессы вклинивания местоименной парадигмы в именную парадигму и процессы тематизации именных основ. Форматив *-ei/-i* дат./местн. п. ед. числа, подвергшийся впоследствии парадигматической дифференциации, выступал в двух вариантах в зависимости от

акцентных отношений. Все это позволяет свести количество членов именной парадигмы в этом периоде к четырем членам.

В дальнейшем, после распада индоевропейской языковой общности и образования отдельных ареалов, были получены две модели индоевропейских языков: I модель — с рядом значительных инноваций; II модель периферического ареала индоевропейских языков — со значительной зоной консервации. Деление индоевропейского ареала на центральный и периферический в известной мере перекрывается делением на восточный и западный ареал. В западном ареале выделяется группа языков (греческий, италийские, кельтские, германские), четко противопоставленная восточному ареалу (индоиранские, армянский, балто-славянские языки). Различие между западным и восточным ареалом в отношении именной парадигматики заключается в том, что в то время как в западном ареале именная парадигма состоит из грамматических падежей (им., род., дат., вин.), в восточном ареале происходит парадигматизация локальных падежей (мест., отлож., твор.) и тем самым именная парадигма состоит из грамматических и локальных падежей; естественно, что число членов именной парадигмы в восточном ареале значительно больше, чем в западном ареале.

Втягивание наречных образований в именную парадигматику наблюдалось как в восточном, так и в западном ареале. Это говорит о том, что данная тенденция была заложена еще в индоевропейском, но в то время как в западном ареале она не получила широкого размаха, не привела к значительному преобразованию приемов парадигматического моделирования, в восточном ареале она, напротив, проявилась достаточно интенсивно, и ее следствием явилась парадигматизация наречных образований и становление локальных падежей.

Таким образом, многопадежная система языков восточного ареала, в том числе армянского языка, является не чем иным, как претворением общеиндоевропейской тенденции, ее полнейшим завершением, т. е. и н н о в а ц и е й, охватившей языки этого ареала. Следовательно, то, что А. Мейе считал новообразованием в армянском языке, на самом деле предстает как в значительной мере консервация общеиндоевропейских приемов моделирования, а то, что А. Мейе рассматривает как а р х а и з м в армян-

ском языке, предстает в качестве новообразования армянского и других языков восточного ареала¹⁸⁶. Мы приходим к сходному выводу и в отношении глагола в армянском языке, точнее в отношении корреляции двух основ: презенса и аориста в системе армянского глагола¹⁸⁷.

А. Мейе¹⁸⁸ указывал на то, что в индоевропейском первичные глагольные основы, произведенные непосредственно от корня, были автономны и их число не было лимитировано; так, в греческом языке от корня *шеп 'оставаться' имелись формы презенса μένω, редуцированного презенса μένω, будущего времени μένω, аориста ἔμεινα, перфекта μεμείνηκα, почти повсюду эта сложная система была сведена к оппозиции двух глагольных основ: в современном греческом языке имеется лишь основа презенса μένω и основа аориста ἔμεινα; та же тенденция прослеживается в армянском языке, в котором представлены две глагольные основы: презенс տնամ 'я остаюсь', аорист տնասի 'я остался'. В другой работе А. Мейе¹⁸⁹ прямо указывал на то, что описание структуры индоевропейских глагольных основ опирается преимущественно на данные греческого и индоиранских языков.

В то же время на основе данных, добытых при помощи внутренней реконструкции глагольной системы в отдельных индоевропейских языках, а также при учете данных хетто-лувийских языков, в настоящее время представля-

¹⁸⁶ Наиболее подробно данный вопрос рассматривается в работе: Э. А. Макаев. Именное склонение в германских языках. «Сравнительная грамматика германских языков», т. III, М., 1963; см. также: Э. А. Макаев. Приемы и методы. . . , стр. 8. — Об армянском склонении см.: Г. Б. Джаукян. Система склонения в древнеармянском языке и ее происхождение. Ереван, 1959 (на арм. яз.); см. также: А. Garibian. Les deux lois intrinseques de l'évolution de la structure de la declinaison nominale en arménien. «Bulletin de l'Académie des Sciences de la République Socialiste Soviétique d'Arménie», 1955, № 8, Erévan.

¹⁸⁷ См. об этом: А. Meillet. Esquisse. . . , стр. 103 и сл. — Об армянском глаголе см.: Т. Карагулян. Происхождение системы спряжения древнеармянского языка. Ереван, 1961 (на арм. яз.); см. также: R. Godel. Les origines de la conjugaison arméniénne. «Revue des études arméniennes. Nouvelle série», T. II. Paris, 1965.

¹⁸⁸ А. Meillet. Esquisse. . . , стр. 103.

¹⁸⁹ А. Meillet, J. Vendryes. Traité de grammaire comparée des langues classiques. Paris, 1953, стр. 174.

ется возможным утверждать, что в позднеиндоевропейском в области глагольной парадигматики была представлена оппозиция двух глагольных основ, которые можно обозначить как инфект и перфект. В другой работе¹⁹⁰ была предпринята попытка доказать, что из основы инфекта в более позднее время были образованы основа презенса (с первичными окончаниями) и основа аориста (с ареально факультативным аргументом и вторичными окончаниями). Отсюда вытекает, что оппозиция трех глагольных основ: презенса, аориста, перфекта, характеризовавшая глагольную парадигматику в отдельных индоевропейских ареалах, является продуктом преобразования более ранней системы оппозиций с наличием двух глагольных основ.

В свете этого построения данные армянского языка, в котором в системе глагола представлены две основы: презенса и аориста, также, как и данные других индоевропейских языков, где имеется оппозиция двух основ (германские, итальянские, хетто-лувийские языки), позволяют усматривать в них не новообразование, а консервацию весьма архаичных структурных особенностей глагольной парадигматики, восходящих к общеиндоевропейской эпохе. В связи с основой аориста в армянском языке следует обратить внимание на дистрибуцию аугмента в формах аориста.

Как известно, употребление аугмента в армянском языке регулируется структурными особенностями соответствующих форм: односложные образования употребляются с аугментом, многосложные образования употребляются без аугмента. ср. *laçi* ~ *elas* 'плакал', *berġ* ~ *eberġ* 'нес', *Ik'i* ~ *elik* 'оставил', но *gnaçi* ~ *gnaç*, так как данная форма на самом деле является двухсложной (реализуется как *gənaç*)¹⁹¹. Как было впервые установлено Я. Ваккернагелем¹⁹², состояние армянского языка отражает общеиндоевропейские, при этом весьма древние тенденции к элиминированию односложных образований в составе

¹⁹⁰ Э. А. Макаев. Морфологический строй общегерманского языка. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, с. 64—65.

¹⁹¹ Н. Jensen. Указ. соч., стр. 95—96.

¹⁹² J. Wackernagel. Wortumfang und Wortform.— В кн.: J. Wackernagel. Kleine Schriften, стр. 148 и сл.

глагольной парадигмы. Приходилось уже указывать на то, что как в дистрибуции аугмента в системе армянского аориста, так и в некоторых структурных особенностях глагольной парадигматики в германских языках следует усматривать действие тенденций, направленных на сохранение обязательного минимума структурных элементов каждого члена парадигмы. Так как члены индоевропейской глагольной парадигмы в подавляющем большинстве случаев были или двухсложными или многосложными образованиями, то наличие в подобной парадигме односложных образований вело бы к нарушению структурной модели парадигмы¹⁹³.

Остается рассмотреть еще один случай из глагольной парадигматики армянского языка, имеющий прямое отношение не только к морфологии, но и к синтаксису, а именно, употребление *verbum substantivum* в составных глагольных временах. Хорошо известно, что в армянском языке имеются глаголы: *linel* 'быть' и *uɛnal* 'иметь', при этом в глагольной парадигматике при построении составных глагольных времен принимает участие лишь глагол *linel* 'быть'. Хорошо известно также, что в большинстве индоевропейских языков с течением времени были образованы описательные глагольные формы с глаголом «иметь», в значении завершеного действия¹⁹⁴. Наличие перифрастических форм с глаголом «иметь» засвидетельствовано в индоевропейских языках в относительно раннее время, начиная с хеттского языка¹⁹⁵. Вопрос о перифрастическом перфекте в армянском языке был предметом ряда исследований¹⁹⁶, причем основное внимание обраца-

¹⁹³ Э. А. Макаев. Морфологический строй общегерманского языка, стр. 68.

¹⁹⁴ См. об этом: *É. Benveniste. Être et avoir dans leur fonctions linguistiques.* — BSLP, 55, 1960.

¹⁹⁵ См.: *É. Benveniste. Hittite et Indo-Européen.* Paris, 1962 (с важным разграничением хетт. *hark-* в сочетании с причастием прошедшего времени в значении 'держать' и 'иметь').

¹⁹⁶ *S. Lyonnet. Le parfait en arménien classique.* Paris, 1933. Рассматривая армяно-греческие изоглоссы, отмеченные А. Мейе, С. Лионне приходит к выводу, что «семантическая категория перфекта (в арм. языке. — Э. М.) позволяет добавить еще одно новое соположение, ибо, если сравнить в этом отношении какой-либо индоевропейский язык, то нельзя будет найти ничего, кроме гомеровского диалекта греческого языка» (*S. Lyonnet. Указ. соч.*, стр. 164); *É. Benveniste. Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique.* — BSLP, 54, 1959.

лось на с е м а н т и к у данной категории ¹⁹⁷ и на структурное оформление с у б ъ е к т а в родительном падеже при переходном глаголе типа арм. *aṙn mioj̄ ēin erku ordik* (Лука XV, 11) 'у некоторого человека было два сына'; *oyg isep erku handerjk* (Лука III, 11) 'у кого две одежды' и т. д. ¹⁹⁸ Э. Бенвенист, отмечая эту особенность армянского языка, пытается найти объяснение данной конструкции в том, что в армянском языке для выражения понятия «иметь» используется конструкция «принадлежать кому-либо», или дословно «быть кого-либо»; Э. Бенвенист отмечает попутно параллелизм конструкции в армянском и в древнеегипетском языке ¹⁹⁹. В связи с этим хочется отметить еще одну особенность армянского языка, а именно использование конструкции «род. п. + глагол 'быть'» в том случае, когда в древних индоевропейских языках при помощи конструкции «*dativus possessivus* + глагол 'быть'» выражается понятие о б л а д а н и я или принадлежности ²⁰⁰ и н е и с п о л ь з о в а н и е глагола «иметь» в качестве конститутивного члена в перфектной перифрастической конструкции в отличие от большинства индоевропейских языков, развивших в позднейшее время перифрастический перфект с глаголом «иметь» в качестве конститутивного члена конструкции. В этой особенности глагольной парадигматики армянского языка также сказывается консервация весьма архаичных черт общиндоевропейского моделирования в области глагольной парадигматики.

Все изложенное дает основание для утверждения, что взгляды А. Мейе на соотношение армянского языка в общиндоевропейской модели нуждаются в коренном пересмотре. В связи с усовершенствованием методики реконструкции общиндоевропейского языка, в связи с данными

¹⁹⁷ S. Lyonnet. Указ. соч., стр. 68 и сл.

¹⁹⁸ E. Benveniste. Sur la phonétique et la syntax de l'arménien classique, стр. 59 (где приводится значительный материал в основном из евангелий; ряд примеров — в работе: H. Jensen. Altarmenische Grammatik. Heidelberg, 1959, стр. 176—177.

¹⁹⁹ E. Benveniste. Etre et avoir dans leur fonctions linguistiques.— BSLP, 55, 1960, стр. 128.

²⁰⁰ См.: K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904, стр. 431;— см. также: W. Havers. Handbuch der erklärenden Syntax. Heidelberg, 1931, стр. 200 и сл.

новооткрытых индоевропейских языков, особенно данными клинописного хеттского языка наметился пересмотр постулатов классического индоевропейского сравнительного языкознания, и все это заставляет коренным образом пересмотреть вопрос о соотношении армянского и индоевропейского.

Можно без преувеличения утверждать, что в свете современных данных значение армянского языка для реконструкции общиндоевропейского состояния не меньше, чем данные древнеиндийского, греческого или славянских языков. В будущей сравнительной грамматике индоевропейских языков данные армянского языка займут несравненно большее место, чем то имело место в конце XIX и в первой половине XX в. И. Шмидт, гению которого сравнительная грамматика обязана рядом замечательных открытий, мог еще сказать в конце XIX в.: «Я ничего не понимаю в армянском языке»²⁰¹. Х. Целлер²⁰² отметил в двадцатых годах XX в.: «Кто с молодых лет посвятил себя целиком армянскому языку, мог впоследствии легко разочароваться. Армянская литература, в отличие, например, от индийской литературы, не имеет никаких великих творений. Не существует армянской поэзии, которой мог бы восхищаться языковед»²⁰³. В настоящее время подобные декларации кажутся или анахронизмом, или просто невежеством.

Можно смело утверждать, что отныне интенсивная разработка сравнительной грамматики индоевропейских языков без постоянного и широкого привлечения данных исторической фонологии, морфологии, лексики и исторического синтаксиса армянского языка — как грабара,

²⁰¹ J. Schmidt. Assimilationen benachbarter einander nicht berührender vocale.— KZ, Bd. 32, 1893, стр. 330—331.

²⁰² H. Zeller. Armenisch. «Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für W. Streitberg». Heidelberg, 1924, стр. 290.

²⁰³ Этой невежественной характеристике следует противопоставить высказывания В. Брюсова об армянской литературе, например: «Знакомство с армянской поэзией должно быть обязательно для каждого образованного человека, как обязательно для него знакомство с эллинскими трагиками, с «Комедией» Данте, драмами Шекспира, с поэзией Виктора Гюго» («Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». Под ред. В. Брюсова. М., 1916, предисл.). Ср. также: «История армянской советской литературы». М., 1966; В. Чалоян. Армянский Ренессанс. М., 1963, стр. 129 и сл.

так и ашхарабара — будет просто невозможной. Первыми из компаративистов, уяснившими себе значение армянского языка для сравнительного индоевропейского языкознания, были Х. Хюбшман и А. Мейе, замечательные работы которых в области исторической и сравнительной грамматики армянского языка и в области этимологии заложили фундамент и создали все предпосылки для построения сравнительной грамматики армянского языка.

Глава 4

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ

«Вдумчивый исследователь должен всегда стремиться строго разграничивать реально данное и реконструкцию и не выдавать последнюю за первое»

(*A. Pott. Etymologische Forschungen, Bd. I. Lemgo, 1832, стр. 179*)

Понятие экстраполяции перенесено в лингвистику из математики, в которой под экстраполяцией понимается «распространение выводов, сделанных в результате изучения одной части явления, на другую часть этого явления; нахождение по ряду данных значений функции других ее значений, выходящих из этого ряда»¹. Разрабатывается понятие экстраполяции и в философии. А. Турсумов подчеркивает: «Экстраполяция уже давно завоевала себе место в ряду основных методов научного исследования (а как способ человеческого познания вообще применялась еще в эпоху донаучного мышления). Философское же осмысление этого специфического, но распространенного научно-познавательного метода началось сравнительно недавно, и, по-видимому, именно этим объясняется отсутствие единодушия в понимании его методологической сущности. В новейшей философской литературе относительно гносеологического статуса метода экстраполяции встречаются две крайние точки зрения. Одни авторы вообще ставят под сомнение правомерность экстраполяции как исследовательского метода и склонны связывать с ним все заблуждения, известные из истории науки.

Сейчас, однако, такая позиция выглядит скорее инертным рецидивом неконструктивных подходов недавнего прошлого, нежели методологическим рецептом, обоснованным строгим гносеологическим анализом. Другие, наоборот, чрезвычайно расширив методологическое со-

¹ *Н. И. Кондаков. Логический словарь-справочник. М., 1975, стр. 681.*

держание процедуры экстраполяции, отождествляют ее с операцией перенесения знания вообще. Такое экспансионистское толкование, напоминающее амбиции «вседуктивизма», дает возможность рассматривать экстраполяцию общим основанием ряда «частных» методов (индукции и дедукции, аналогии и моделирования), но при этом утрачивается главное — ее гносеологическая особенность. С излагаемой точки зрения суть метода экстраполяции как специфической логико-гносеологической процедуры состоит в распространении знания об одной предметной области на другую, более широкую. Как нам кажется, такое понимание позволяет выявить своеобразие и место экстраполяции в системе методов современного научного познания»². В другом месте той же работы автор указывает: «Осмысливая формы применения метода экстраполяции в экстенсивном и интенсивном развитии физического знания на метатеоретическом уровне, мы видим, что их методолого-регулятивным основанием служит принцип соответствия»³.

Опыт разработки процедуры экстраполяции предложил А. В. Славин. Он подчеркивает: «Очевидно, что должны существовать некоторые правила переноса знаний об одних объектах на другие объекты. Они в то же время могут служить правилами экстраполяции модельной информации на оригинал. Некоторый вклад в исследование этого вопроса сделал А. И. Уемовым. Однако полностью правила экстраполяции еще не выяснены. Можно все же утверждать, что должны, в частности, выполняться следующие условия: 1) необходимо установить сходство между оригиналом и моделью (т. е. между весьма разнородными явлениями) и правильно оценить существенность или несущественность данного сходства для решения поставленной задачи; 2) важно установить несходные элементы в модели и оригинале и оценить их существенность или несущественность с той же точки зрения; 3) сходство между моделью и оригиналом должно быть строго зафиксировано в существенных для решения задачи чертах, а не в каких-либо второстепенных деталях; 4) необходимо установить требования, которым должна удовлетворять

² А. Турсунов. Метод экстраполяции и принцип соответствия. «Проблемы истории и методологии научного познания». М., 1974, стр. 156—157.

³ А. Турсунов. Указ. соч., стр. 165.

модель, чтобы описываемые (изображаемые) ею процессы были с некоторой степенью приближения подобны процессам, протекающим в объекте исследования; 5) нужно четко определить «критическую точку» применения аналогии, т. е. установить, в каких пределах установленная аналогия может считаться достоверной, каковы границы плодотворности модели. Последнее правило, разумеется, трудно выполнимо, однако оно имеет большое значение и должно постоянно учитываться при модельных операциях»⁴.

Каковы основания для перенесения принципа экстраполяции в сравнительное языкознание?

А. Шлейхером был выдвинут в сравнительном языкознании постулат о том, что закономерности развития древних индоевропейских языков, включая и индоевропейский праязык, те же, что закономерности развития современных языков. Если это положение перенести на различные уровни языка, то вопрос можно сформулировать в следующем виде: как должны быть отобраны и обработаны данные различных уровней современных индоевропейских языков для того, чтобы можно было установить известную совокупность моделей, обязательных и для древних индоевропейских языков и настолько в то же время оперативных, чтобы с их помощью можно было строго и непротиворечиво описать структуру индоевропейских моделей. Можно обозначить эту процедуру как лингвистическую экстраполяцию. Предлагается следующая формулировка данной процедуры: в какой мере на основании эмпирических данных величин одной области и отношений между ними можно вывести заключение о постулируемых величинах и постулируемых отношениях между ними в других областях⁵. Не подлежит сомнению исключительная важность процедуры экстраполяции для сравнительного языкознания, в котором реконструкция лишь постулируемых величин и отношений между ними на основе эмпирических данных является одним из самых важных приемов

⁴ А. В. Славин. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971, с. 228—229.

⁵ Впервые мною было выдвинуто понятие лингвистической экстраполяции в работе: Э. А. Макаев. Реконструкция индоевропейского этимона. — ВЯ, 1967, № 4, с. 29; J. Kuryłowicz. Extrapolation d'une loi linguistique. — BSL, T. 63, F. 1, 1968 (в этой работе экстраполяция понимается как простой перенос понятия).

лингвистического анализа. В этой связи укажем со всей определенностью на то, что лингвистическая экстраполяция самым тесным образом связана с принципом жесткого разграничения онтологического и гносеологического уровней в сравнительном языкознании.

Элементарным правилом строгого лингвистического анализа является разграничение реальных языковых данных и наших гипотез и конструктивных предположений по поводу этих данных. Может показаться, что это очевидное положение вообще не требует никаких объяснений, ибо оно является аксиомой; однако в сравнительном языкознании далеко не редки случаи смешения онтологического и гносеологического уровней в исследовательской практике. Особенно остро это неразграничение двух уровней дает о себе знать в работах, посвященных выяснению вопроса о родственных отношениях между индоевропейскими языками и другими языковыми семьями. Укажем на Г. Мёллера ⁶, который, доказывая родство индоевропейских и семитских языков, приводил в подтверждение данного родства в своих работах наличие особого класса ларингальных фонем в протоиндоевропейском и в семитских языках. Весьма характерно в этой связи следующее его заявление, содержащееся в его «Сравнительном индогерманско-семитском словаре»: «Фонемы, которые Ф. де Соссюр постулировал для протоиндоевропейского, соответствуют семитским ларингальным». Что касается семитских языков, то в них действительно представлен данный фонемный класс, количество членов которого может меняться от языка к языку: в ряде случаев история конкретных семитских языков не только обнаруживает их наличие в определенном языке, но вскрывает их дальнейшую судьбу, сокращение их количества и даже полное элиминирование всех членов данного класса ⁷.

Итак, онтологический статус семитской фонологической системы сравнивается с гносеологическим статусом индоевропейских языков, а именно с гипотезой Ф. де Сос-

⁶ *H. Möller. Vergleichendes indogermanisch-semitisches. Wörterbuch. Göttingen, 1911, стр. VI (об этой работе см.: O. Szemerényi. La théorie des laryngales de Saussure à Kurylowicz et à Benveniste. Essai de réévaluation. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», T. 68, Fasc. 1, 1973).*

⁷ *И. Д. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 190—192.*

сюра и на этом основании делается далеко идущий вывод об исконном родстве семитских и индоевропейских языков. То, что подобное смешение онтологического и гносеологического уровней не является характерным лишь для Г. Мёллера, свидетельствуют и позднейшие работы в области сравнительного языкознания. Так, Т. В. Гамкрелидзе⁸ пишет: «Трансформация пракартвельской фонологической системы архаичного периода осуществлялась в основном в направлении упрощения консонантизма (в результате расщепления лабиализованных и веларизованных согласных), фонологизации вокалических аллофонов фонемы *ə и образования особого класса семантических фонем, что было связано с синкопой безударных гласных и возникновением механизма аблаутных чередований».

В результате подобных структурных преобразований на позднем общекартвельском хронологическом уровне возникает морфонологическая система языка, которая имеет разительные структурно-типологические параллели с индоевропейскими морфонологическими моделями, постулируемыми для общеиндоевропейского языка позднего периода⁹. Чем было вызвано такое преобразование древнейших пракартвельских структур в сторону уподобления их индоевропейским структурам? Чем объяснить структурный изоморфизм картвельской и индоевропейской морфонологических систем, возникший на позднем общекартвельском уровне? Одним из наиболее вероятных объяснений структурных преобразований, имевших место в пракартвельском, следует считать наличие в доисторическую эпоху картвельско-индоевропейских языковых контактов, продолжавшихся, по всей видимости, в течение длительного периода. Представляется, что эти языковые контакты и возникшая в результате языковая интерференция способствовали перестройке пракартвельских языковых структур архаичного периода и их уподоблению характер-

⁸ Т. В. Гамкрелидзе. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки (II). — ВЯ, 1971, № 3, стр. 36—37.

⁹ Для архаичного периода праиндоевропейского языка реконструируется монотонная слоговая структура типа CVCVCV, аналогичная пракартвельской, см.: С. Нj. Borgström. Thoughts about Indo-European vowel-gradation. — NTS, XV, 1949; *Он же*. Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms. «Word», vol. 10, № 2—3, 1954.

пым для индоевропейского морфонологическим структурам. Далее Гамкрелидзе продолжает: «Положение о картвельско-индоевропейском морфонологическом изоморфизме как результате картвельско-индоевропейских языковых контактов дает основание по-новому поставить целый ряд проблем индоевропейской ареальной лингвистики, связанных с древнейшим распределением индоевропейских диалектов. Можно предполагать, что носители картвельского и индоевропейского языков занимали смежные территории в эпоху существования контактов между ними, примерно в конце III тысячелетия до н. э. Такая интерпретация структурных сходств между картвельским и индоевропейским позволяет отнести эти языковые системы к общей ареальной группе, к некоторому доисторическому союзу языков, находившихся друг к другу в аллогенетических отношениях, т. е. в отношениях приобретенного, вторичного родства»¹⁰.

Следует прежде всего указать на то, что положение Т. В. Гамкрелидзе о наличии структурно-типологического изоморфизма общекартвельских и индоевропейских морфонологических моделей со ссылкой на работы К. Боргстрёма со всей очевидностью демонстрирует смещение онтологического и гносеологического уровней, ибо реальные языковые данные картвельских языков сравниваются лишь с постулируемыми гипотезами некоторых исследователей относительно общиндоевропейской морфологии. Не совсем корректна и опора на работы К. Боргстрёма. Следует указать на то, что гипотеза К. Боргстрёма о наличии в протоиндоевропейском лишь структуры открытых слогов основана не на проекции реальных данных отдельных индоевропейских языков в общиндоевропейское состояние, что возможно только тогда, когда не возникает никаких сомнений по поводу архаичности этих реконструируемых данных. Гипотеза К. Боргстрёма — классический пример чисто дедуктивного, умозрительного построения, не отвечающего строгости и обоснованности реконструкции и приемам структурирования индоевропейского языкового типа. Укажем также на то, что достаточно только обратиться к работам Ф. де Соссюра¹¹ и Э. Херма-

¹⁰ Т. В. Гамкрелидзе. Указ. соч., стр. 37—38.

¹¹ F. de Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipzig, 1879, стр. 116—159.

на ¹², чтобы можно было убедиться в том, что сравнительная и внутренняя реконструкция позволяет и заставляет для раннеиндоевропейского постулировать наличие структурных типов как с открытым, так и с закрытым слогом.

Но наше главное возражение построениям Т. В. Гамкрелидзе заключается не в приведенных рассуждениях. Шаткость всего вышеупомянутого хода рассуждений Т. В. Гамкрелидзе состоит в том, что своеобразие морфонологического оформления основы и корня в индоевропейских языках, а именно: наличие двух состояний корня, синтагматически включающих друг друга, становление системы количественного и качественного чередования, формирование особой подсистемы сонантов, что существенным образом сказывалось на структурировании всех морфологических единиц в общиндоевропейском и на оформлении индоевропейского слова — все это явилось итогом и следствием весьма длительного внутреннего развития индоевропейских языков, продолжавшегося несколько тысячелетий, все это было подготовлено и явилось реализацией фонетических, морфонологических и морфологических тенденций, заложенных в индоевропейском языковом типе, и не может подлежать никакому сомнению, что в результате вхождения индоевропейских и картвельских языков (по мысли Т. В. Гамкрелидзе) в определенный языковой союз и имевшей место языковой интерференции пракартвельские морфонологические структуры не могли уподобиться индоевропейским морфонологическим структурам, ибо, как это обосновывается во второй главе данной книги, в результате подчас весьма длительной языковой интерференции в языковом союзе, куда втягиваются различные родственные и неродственные языки, не происходит амальгамирования всех входящих в него языков в новый структурный тип, а наблюдается или 1) элиминирование некоторых структурных черт или категориальных признаков, или 2) появление ряда инноваций, распространяющихся на все или на большинство языков данного союза и объяснимых, а нередко просто подготовленных конкретной историей одного из входящих в данный союз языков.

¹² *H. Hermann. Silbenbildung im Griechischen und in den anderen indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1923, стр. 353—356.*

Таким образом, втягивание различных языков в определенный языковой союз и длительная интерференция языков в языковом союзе не приводит и не может привести к навязыванию структуры одного языка другим языкам. В лучшем случае один из членов языкового союза может в отношении других членов данного союза оказаться катализатором¹³, лишь помогающим развернуться тенденциям, уже заложенным в других языках данного языкового союза; вряд ли можно сомневаться, что в том случае, если в этих языках нет соответствующих структурных предпосылок, то они не смогут испытать длительного индуцирующего воздействия со стороны языка-катализатора, доминирующего по тем или иным лингвистическим и экстралингвистическим соображениям в данном языковом союзе. Следовательно, если картвельские и индоевропейские языки в течение длительного времени находились в определенном языковом союзе, что более чем сомнительно, то в таком случае индоевропейские языки могли оказать индуцирующее воздействие на картвельские языки, в которых уже были заложены соответствующие морфонологические и морфологические структурные признаки. Но в таком случае вовсе не приходится говорить об изоморфизме картвельских и индоевропейских языков. В случае, если в протокартвельском не были заложены приемы структурирования, изоморфные индоевропейской языковой структуре, они не смогли бы испытать индуцирующего воздействия со стороны индоевропейских языков. Во всяком случае, такое воздействие носило бы временный характер и не смогло бы сказаться на перестройке наиболее существенных черт соответствующих языков. Наконец, что касается «разительных структурно-типологических параллелей», которые, как полагает Т. В. Гамкрелидзе, наблюдаются между картвельскими и индоевропейскими морфонологическими моделями, то они или 1) представляют смешение реальных данных и логико-дедуктивных постулатов, о чем была речь выше, или 2) представляют результат самостоятельного, по независимому развитию картвельских и индоевропейских языков, что и делает ненужным рассмотрение данных языков в составе одного языкового союза и что часто имеет место

¹³ О понятии катализатора см.: Э. М. Макаев. Вопросы синтаксиса индоевропейских языков. «Уч. зап. ТГУШШЯ», т. VII, 1955, стр. 24.

в истории родственных и неродственных языков. В этой связи достаточно сослаться на «разительные» структурно-типологические параллели между индоевропейскими языками и индейским языком такелма из штата Орегон в США.

Как известно, Н. С. Трубецкой в работе «Мысли об индоевропейской проблеме» доказывал, что индоевропейские языки характеризуются наличием шести отличительных структурных признаков, отдельные признаки, как полагал Н. С. Трубецкой, представлены в других неродственных языках, но в своей совокупности они свойственны только индоевропейским языкам. Однако, как блестяще показал Э. Бенвенист в своей работе «Классификация языков», все шесть признаков, приписываемых Трубецким лишь одним индоевропейским языкам, представлены в языке такелма. Естественно, что между данными языками нет ни генетической, ни типологической общности: это — совершенно случайное, никакими логико-дедуктивными постулатами не предсказуемое совпадение (подробности см. во второй главе).

Такое же смешение онтологического и гносеологического уровней при сопоставлении пракартвельского и индоевропейского структурного типа мы находим в монографии Т. Гамкрелидзе и Г. Мачавариани. Наставая па изоморфизме пракартвельской и индоевропейской морфологической системы, авторы опираются в своем описании и в своих выводах в отношении общиндоевропейского на теорию индоевропейского корня и, особенно, на два его состояния, как это нашло себе выражение в теории индоевропейского корня Э. Бенвениста. В конце своего исследования авторы приходят к следующему выводу: «Можно утверждать, что общекартвельская морфологическая система изоморфна индоевропейской морфологической системе (в интерпретации Бенвениста)»¹⁴. Взятые в скобки замечание авторов одновременно и весьма конкретно, и весьма примечательно. Кто может утверждать в настоящее время, что теория корня Э. Бенвениста является не только единственной оперативной теорией в современном сравнительном языкознании, но что она как никакая другая теория отражает подлинное протоиндоевропейское состояние? А если использовать не интерпретацию

¹⁴ Г. Гамкрелидзе, Г. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. «Типология общекартвельской структуры». Тбилиси, 1965, стр. 474.

Э. Бенвениста, а какую-либо другую теорию, например, теорию индоевропейского корня Ф. де Соссюра или теорию индоевропейских баз и аблаута Г. Хирта, или теорию Фр. Шпехта о соотношении индоевропейских корней и детерминативов, или, наконец, инфиксальную теорию Г. Карстена ¹⁵, то в таком случае уже не придется говорить о пракартвельском и индоевропейском изоморфизме.

Невольно создается впечатление, что авторы рассматривают теорию корня Э. Бенвениста не в ее подлинном гносеологическом аспекте, а как бы выдают ее за онтологический статус древних индоевропейских языков. Во всяком случае внутренняя реконструкция морфологической структуры индоевропейских языков вовсе не приводит лишь к тому протоиндоевропейскому состоянию, которое постулировал Э. Бенвенист. Здесь еще раз следует напомнить принцип, подробно рассмотренный в третьей главе данной книги, согласно которому одной из наиболее характерных черт реконструкции является множественность, а не единственность решений.

* * *

Большая или меньшая степень надежности и эффективности реконструкции предшествующих этапов развития индоевропейских языков непосредственно связана с процедурой лингвистической экстраполяции. Иными словами, когда исследователь сопоставляет определенные фрагменты индоевропейских языков с теми же фрагментами других языковых семей и информацию, полученную на основе анализа материала данных семей, переносит на индоевропейские языки или *vice versa*, то не может не возникнуть вопрос, в какой мере данная информация является обязательной для соответствующих языков. Так, мне приходилось указывать на то, что наблюдающееся в отдельных индоевропейских языках исчезновение отдельных элементов из подсистемы гласных и согласных фонем — обычное явление, многократно повторявшееся на протяжении истории определенного языка, однако исчезновение целого класса фонем (речь идет о ларингальных) — явление совершенно исключительное для индо-

¹⁵ См. об этом: Э. А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.

европейских языков¹⁶. В] своей рецензии на мою книгу Е. Курилович, возражая против данного положения, писал: «Что касается фонетической невероятности теории, то можно здесь указать на потерю в аккадском всех ларингальных и фарингальных звуков (l, h, s, l', ġ) за исключением h, влекущего за собой контракции и изменение тембра гласной»¹⁷. В возражении Е. Куриловича обращают на себя внимание два положения.

1. Указание на потерю в аккадском всех ларингальных и фарингальных, за исключением h, не совсем корректно. И. М. Дьяконов пишет: «Фонологическая система староаккадского языка почти полностью воспроизводит систему фонем, постулируемую для общесемитского... возможно, еще различались h от l, h от l' (в некоторых позициях), но у и l, по-видимому, совпали в l»¹⁸. М. Э. Коэн указывает в своем очерке аккадского языка: «Наблюдаются изменения в консонантизме: большинство ларингальных не получает отражения в графике, но они без сомнения продолжали упорно сохраняться в языке»¹⁹. Из этих положений со всей очевидностью следует, что в аккадском продолжали сохраняться, по крайней мере, несколько ларингальных и фарингальных; кроме того, как подчеркивает сам Е. Курилович, потеря ларингальных в аккадском влекла за собой два явления: а) контракцию и б) изменение тембра гласного, что не идет ни в какое сравнение с индоевропейскими языками, в которых представители ларингальной теории принимают множество разнонаправленных действий в области вокализма, консонантизма, просодики, морфологии и даже синтаксиса, вызванных падением ларингальных.

2. Даже в том случае, если будет принято падение ларингальных и фарингальных в аккадском языке, остается еще доказать, что подобное же падение могло иметь место и в истории индоевропейских языков; ведь я специально оговаривал, что исчезновение целого класса фонем — явление просто уникальное для индоевропейского ареала.

¹⁶ Э. А. Макаев. Структура слова . . . , стр. 137.

¹⁷ Е. Курилович. [Рец. на кн.:] Э. А. Макаев. Структура слова . . . ВЯ, 1971, № 3, стр. 123.

¹⁸ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 268 (в примечании к данному месту И. М. Дьяконов пишет: «Существование общесемитского у вообще сомнительно»).

¹⁹ А. Meillet, M. Cohen. Les langues du monde. Paris, 1952, стр. 99.

Здесь не может не возникнуть вопрос, в какой мере и на каких основаниях можем мы экстраполировать на индоевропейскую плоскость определенные линии развития, характерные для аккадского или какого-либо другого индоевропейского языка? Отвечая на данный вопрос, мы можем установить один из принципов лингвистической экстраполяции, который гласит: в том случае, если в истории любого индоевропейского языка ни на каком хронологическом его срезе не наблюдается исчезновения целого класса фонем, то мы не можем и не должны постулировать для протоиндоевропейского данного класса фонем, ссылаясь при этом на имевшую место подобную эволюцию в истории какого-либо другого неродственного языка (в данном случае аккадского).

Типичным образцом неверного понимания процедуры лингвистической экстраполяции является книга Г. Карстина «Индоевропейские infixы»²⁰. Опираясь на материал австронезийских языков, а также на языки группы мон-хмер и мунда, Г. Карстин пытается доказать, что подобно тому, как в упомянутых неиндоевропейских языках в качестве infixальных продуктивных образований могли выступать различные согласные фонемы, в раннеиндоевропейском было представлено весьма значительное количество infixальных образований²¹; в качестве подобных могли выступать все сонанты, смычные, свистящие и гласные, следовательно, количество infixальных образований было примерно таким же, как количество детерминативов в общиндоевропейском у Фр. Шпехта.

В то же время хорошо известно, что для индоевропейских языков ни в сравнительно-историческом, ни в типологическом плане infixы не являются характерными и что история всех индоевропейских языков знает лишь одно infixальное образование, именно *-n-*. Весьма характерно следующее заявление Г. Карстина: «С самого начала я должен со всей ясностью подчеркнуть, что мой метод заключается не в «реконструкции», а в «анализе».

²⁰ *H. Karstien. Infixe im Indogermanischen. Heidelberg, 1971.*

²¹ Вот лишь единичные примеры из огромных списков Г. Карстина, которые не нуждаются ни в каких комментариях: нем. *Rost* ~ *rot* (infix *-s*, стр. 250); русск. *стена* ~ лит. *siená* (infix *-t*, стр. 256); русск. *веду* ~ готск. *tiuhan* (infix *-d*, стр. 6); лит. *smėgti* ~ нем. *sinken* (infix *-m*, стр. 102).

Я могу удовлетворяться тем, что я в засвидетельствованных формах лишь аналитически, при помощи знаков особого рода, маркирую морфологическую валентность отдельных элементов («ядра корней», «детерминативы», «инфиксы», «придыхания») ²². Опора не на реконструкцию, а на «анализ» привела к тому, что книга Г. Карстина, вышедшая в 1971 г., оказалась на уровне донаучной этимологии XVIII в. Но в данном случае нас интересует не это. Представляется необходимым прежде всего выяснить вопрос, в какой мере оказывается возможным экстраполировать некоторые морфологические и словообразовательные модели австронезийских языков на индоевропейскую плоскость, по сути дела минуя типологическое своеобразие и общую эволюцию индоевропейских языков. Г. Карстин отвечает на этот вопрос следующим образом: «Само собой разумеется, что приведенные выше сравнения между явлениями австроазиатских и австронезийских языков, с одной стороны, и индоевропейским — с другой, по причине того, что данные языки не имеют между собой ничего общего, поскольку речь идет о проблеме инфиксации в индоевропейских языках, имеют лишь условную силу аргументации, но с одним исключением: факт наличия инфиксов в языках мунда, монхмер, а также в индонезийских языках в отношении индоевропейской проблемы мог бы во всяком случае рассматриваться как аргумент, поскольку он не оставляет места сомнению в возможности инфиксации как принципа языкового формообразования» ²³.

Следует заметить, что действительность определенного морфологического или словообразовательного принципа еще вовсе не означает, что можно, опираясь на индонезийские языки, отыскивать в индоевропейских языках два десятка различных инфиксальных типов. На примере Г. Карстина можно убедиться в том, что лингвистическая экстраполяция тесно связана как с общей типологией языка, так и с внутренней историей развития соответствующих языков. На этом основателн мы можем установить еще один принцип лингвистической экстраполяции, который гласит: можно экстраполировать явления одного языкового среза или явления одного уровня определен-

²² *H. Karstien*. Указ. соч., стр. 7.

²³ Там же, стр. 25.

ной языковой семьи сопоставлять с явлениями того же уровня в другой языковой семье лишь тогда, когда они отвечают условиям типологического тождества²⁴.

Кроме того, необходимо учитывать общие тенденции развития и общие приемы структурирования определенных единиц и отношений между ними в определенной семье языков и, наконец, иметь в виду, какие стороны в анализируемом явлении могут относиться к общей типологии языка или входить в состав языковых универсалий. Следовательно, можно уверенно утверждать, что для процедуры лингвистической экстраполяции весьма существенным оказывается выяснение окружения и места, какое определенная единица занимает в определенной подсистеме данного языка; так, на морфологическом уровне принципиально важно установить, какое место определенная морфологическая единица занимает в именной или глагольной парадигматике данного языка, ибо без выяснения этого представляется невозможным, а подчас и просто абсурдным экстраполировать данную единицу или данное явление на другие языки.

То, что данное требование, предъявляемое к лингвистической экстраполяции, не является тривиальным и далеко не всегда соблюдается в сравнительном языкознании, можно проиллюстрировать на примере анализа дентального претерита в германских языках в общей системе германского глагола, предложенного Е. Куриловичем²⁵. Автор исходит из того, что в германских языках вторичное возникновение видовых различий в системе глагола, например, готск. **bar* (несов. вид) ~ *ga-bar* (сов. вид) послужило основанием для исчезновения дентального претерита у сильных глаголов. Е. Курилович подчеркивает, что подлинной проблемой в сравнительной грамматике германских языков является не происхождение дентального суффикса, а функциональное (семантическое) различие между германским сильным претеритом, восходящим к индоевропейскому перфекту, и дентальным претеритом, независимо от его происхождения. Автор полагает далее, что есть возможность предположить существование

²⁴ О понятии типологического тождества см.: Э. А. Макаев. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика. — ВЯ, 1964, № 1, стр. 8.

²⁵ J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, стр. 126—129.

в сильном претерите в германских языках древнего семантического контраста: *bar* ~ **buŕþa* на основе наличных готских форм арханческого характера: *kunþa*, *unþa* с дентальным суффиксом и нулевой ступенью чередования в корне, произведенных от сильных глаголов: *an*, *kan*. Е. Курилович заключает, что если это имело место, то в таком случае в германских языках форма с дентальным суффиксом явилась субститутом индоевропейского имперфекта, как это наблюдалось в латинском, славянских и других языках.

Подобная гипотеза, как подчеркивает Е. Курилович, подкрепляется тем хорошо известным фактом, что система слабых (деноминативных) глаголов была первоначально ограничена основой презенса-имперфекта, не имея особой формы перфекта, в то время как сильные глаголы имели вполне развитую глагольную парадигму. Автор заключал далее, что с семантической точки зрения германская глагольная система: **berō* ~ **bar* ~ *buŕþō* (n) примерно соответствовала кельтской системе, представленной в древнеирландском языке.

Следует со всей определенностью заявить, что ни с одним из этих положений Е. Куриловича невозможно согласиться, ибо то, что он предполагал на основе развития кельтской глагольной системы представленным в германских языках, в них на самом деле не имело места. Действительно, в ряде индоевропейских языков вторично развивается имперфект в глагольной системе, но не потому, что он явился субститутом индоевропейского имперфекта, а просто потому, что в индоевропейском особой основы имперфекта, которая образовывала контраст с основой презенса и перфекта, вообще не существовало, ибо имперфект характеризовался, в отличие от основы презенса, аугментом и вторичными окончаниями, а в то же время хорошо известно, что аугмент был в индоевропейских языках представлен лишь как ареальная инновация, и, следовательно, мы не можем приписать его общиндоевропейскому языку (подробности см. в третьей главе, в разделе, посвященном реконструкции общегерманского языка). Кроме того, не менее хорошо известно, что вторичные глагольные окончания собственно являются первичными, т. е. первоначально индоевропейский праязык имел лишь одну серию окончаний. Следовательно, отпадает различие между основой презенса и основой имперфекта и в об-

пещиндоевропейском следует считаться только с основой инфекта, находившейся в контрасте с основой перфекта; из основы инфекта в позднейшее время в ряде индоевропейских языков, при этом в каждом из них по-своему, развилась основа презенса, которая отныне контрастировала с основой имперфекта.

Таким образом, становится просто нелепым утверждение Е. Куриловича о том, что германский дентальный претерит явился субститутутом индоевропейского имперфекта.

Не менее нелепо и предположение автора о наличии г системы германского сильного глагола дентального суффикса типа **bag* ~ **buŋra*, по аналогии с герм. *kaip* ~ *kuŋra*. Следует прежде всего оговорить, что специально приведенная Е. Куриловичем парадигма готского глагола *ain* — *unra* в данном языке вообще не представлена. Но дело не в этом. Хронологически герм. **bag* и герм. **kuŋra* — совершенно различные явления. Глагол *kuŋra* вторично получил дентальный суффикс, ибо *kuŋra* как претерито-презентный глагол оказался втянутым в германских языках в систему презенса и лишь после того, как вторичные, производные глаголы в германских языках, которые первоначально были ограничены одной основой презенса, получили оформление и в дентальном претерите, глагол *kuŋra* мог получить форму претерита *kuŋra*. В то же время германское **bag* ископно отражало индоевропейский перфект, подобно тому, как герм. **buŋra*, готск. *baŋra* отражало модель, представленную в др.-инд. *sakāra* ~ *sakrā*. Следовательно, предполагать наличие дентального суффикса у сильных глаголов — это нелепость как с индоевропейской, так и с германской точки зрения. Неверно утверждение Е. Куриловича о том, что в германском языке глагольные формы с дентальным суффиксом и без него: **bag* ~ *buŋrō*(п) покоились на семантическом контрасте, т. е. на различии между одновременностью с прошлым и предшествованием прошлому с точки зрения акта высказывания, и что с появлением оппозиции готск. *bag* ~ *gabag* это различие было снято и сильное и слабое прошедшее в германских языках превратились просто в два алломорфа²⁶.

В германском оппозиция сильного и дентального претерита покоится первоначально на различии первичных

²⁶ Е. Kuryłowicz. The inflectional. . ., стр. 127.

и вторичных глаголов и, поскольку сильные глаголы были в германском в огромном большинстве случаев первичными, они тем самым не могли иметь дентального суффикса; поэтому форма **birþō(n)* в германском просто абсурдна. Лишь после того, как стерлось различие между первичными и вторичными глаголами, представленное парадигматически, и вторичные (т. е. производные в широком смысле этого слова) глаголы получили в германском временную парадигму, как и первичные глаголы, некоторые сильные глаголы могли получить дентальный суффикс, но это — весьма поздний процесс, ничего общего не имеющий с общиндоевропейским состоянием²⁷.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что соположение германской и кельтской глагольной системы и все построение Е. Куриловича в отношении сильного и слабого претерита в германских языках не выдерживает серьезной критики. Основной недостаток концепции Е. Куриловича заключается в том, что он неверно определил место дентального претерита в системе германского глагола и поэтому экстраполяция данных, полученных на основе анализа видо-временной системы древнеирландского глагола, особенно использование преверба *ro-*, который Е. Курилович сопоставляет с готским *ga-*, на общегерманскую плоскость лишь затемнила, а не осветила картину общегерманской видо-временной системы.

В заключение необходимо остановиться на вопросе, в какой мере теоретические посылы и постулаты, обоснованные и сформулированные в сравнительном языкознании на материале индоевропейских языков, являются императивными не только для данной, но и для других языковых семей: семитской, финно-угорской, тюркской, алтайской и т. д.? В иных терминах: возможно ли экстраполирование методики индоевропейского сравнительного языкознания на сравнительную грамматику вышеупомянутых неиндоевропейских языков. Или следует полагать, что каждая языковая семья требует своей собственной методики, которая должна быть положена в основу сравнительного описания соответствующих языковых семей? Предвосхищая все то, что будет сказано ниже, подчеркнем со всей определенностью уже сейчас, что опыты построе-

²⁷ В. А. Мигачев. Морфонологический статус дентального претерита в германских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1972.

ния сравнительной грамматики индоевропейских языковых семей убеждают в том, что методика сравнительного языкознания, разработанная на материале индоевропейских языков, может с полным правом претендовать на универсальный характер. Существует лишь один сравнительно-исторический метод для всех языковых семей. В подтверждение этого положения обратимся к тюркским языкам.

Вопросы построения сравнительной грамматики тюркских языков. До недавнего времени многим компаративистам казалась проблематичной и сомнительной возможность построения сравнительной грамматики тюркских языков. Так, А. Мейе подчеркивал: «Построение сравнительной грамматики индоевропейских языков оказалось возможным именно потому, что все эти языки изобилуют аномалиями. Наоборот, языки со вполне регулярной морфологией, например тюркские, плохо поддаются сравнению, и поэтому нелегко установить, с какими языками находятся в родстве тюркские языки»²⁸. Данное положение А. Мейе в свете современного состояния сравнительного языкознания является несостоятельным по следующим соображениям.

1. Невозможно согласиться с А. Мейе в том, что наличие значительного количества аномалий в индоевропейских языках обеспечило возможность построения сравнительной грамматики данной семьи языков. Достаточно указать на то, что Ф. Бопп, впервые в истории сравнительного языкознания разрабатывая сравнительную грамматику индоевропейских языков, опирался на результаты анализа регулярных именных и глагольных парадигм в разных языках²⁹. Мне приходилось уже в другом месте обратить внимание на следующее: «В связи с вопросами «горизонтальной» и «вертикальной» реконструкции следует подчеркнуть, что можно лишь в известной мере согласиться с положением А. Мейе, что для реконструкции праязыковой системы особое значение имеют именно архаизмы и разного рода аномалии. Анома-

²⁸ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 66; см. также стр. 468: «Сравнительное изучение тем надежнее, чем больше аномальных форм в изучаемых языках».

²⁹ См. об этом: В. Delbrück. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1919.

лии чаще всего представляют диспаратный ряд, и хотя они включаются в систему языка и функционируют в ней наряду с другими явлениями, они в ходе развития языка обнаруживают тенденцию к выпадению из языковой системы. В качестве примера можно указать на весьма типичный для индоевропейских языков процесс тематизации в имени и в глаголе, в орбиту которого попадали и многие «единичные» образования, прежде облеченные в самостоятельную «индивидуальную парадигму».

В то же время несомненно, что для внутренней реконструкции «остаточные формы» и аномалии являются опорными пунктами, которые позволяют проектировать языковое состояние в прошлое. Бесспорно одно: в центре реконструкции всегда находятся парадигмы (в широком смысле этого слова) и парадигматические отношения. Поэтому и именно поэтому восстанавливать возможно только систему языка»³⁰. Следует добавить, что любая реконструкция по своей направленности всегда системна; даже при атомистическом подходе младограмматиков к явлениям языка их реконструкции носили системный характер; достаточно вспомнить постулирование *Nasalis sonans* К. Бругманом для системы индоевропейских сонантов, описание явления апофонии, постулирование пинъюнктива для глагольной системы и пр.³¹ Таким образом, положение А. Мейе сохраняет свою действительную силу не в применении к построению сравнительной грамматики, а в отношении принципа относительной хронологии при описании различных процессов, имевших место в истории отдельных индоевропейских языков.

2. В то же время следует со всей определенностью подчеркнуть, что тюркские языки со вполне регулярной морфологией, как отмечает А. Мейе, обладают не меньшим количеством нерегулярных, реликтовых образований, всякого рода аномалий, чем индоевропейские языки. Не ставя задачи дать в рамках данной работы полный список подобных реликтовых образований, ограничусь указанием на следующие явления. П. А. Баскаков подчеркивает:

³⁰ Э. А. Макаев. Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960, стр. 151.

³¹ Э. А. Макаев. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. — ВЯ, 1965, № 4, стр. 3—6.

«Обладая общими признаками, характеризующими все огузские языки, туркменский язык имеет специфические особенности, выделяющие его из других тюркских языков огузской группы а) наличие первичных долгих гласных — рефлекс древнего происхождения туркменского языка и его связей с восточными тюркскими языками...»³². М. Ряснен пишет: «Предметом долгих споров явился вопрос о том, существовало ли в древнетюркском языке какое-либо различие между долгими и краткими гласными... Вопрос был решен, кажется, в положительном смысле только после появления русско-туркменского словаря... А. Алиева и К. Бориева (Ашхабад, 1929), в котором были ясно обозначены различия в долготе (долгота обозначалась, как и в финском языке, двойной гласной) и благодаря которому выяснилось, что эти различия исключительно точно соответствуют различиям по долготе в якутском языке...»³³. В. Котвич отмечает: «Тюркский вспомогательный глагол *ä-, är-* является недостаточным глаголом; старые памятники и живые диалекты сохранили только несколько его форм...»³⁴.

Перечисляя особенности чувашского языка, Н. А. Баскаков в уже упоминавшейся работе пишет: «Эти связи с языками монгольскими и тунгусо-маньчжурскими указывают на весьма древнее состояние фонетической структуры болгарского, хазарского и чувашского языков, что открывает широкие перспективы для сравнительно-исторического изучения процессов развития как тюркских, так и остальных языков алтайской семьи»³⁵. В отношении тувинского языка Н. А. Баскаков замечает: «Тувинский язык обладает, с одной стороны, общими чертами, объединяющими эти языки в одну подгруппу..., а с другой — специфическими чертами, выделяющими его как особый язык. К последним особенностям относятся следующие: ... 2) в грамматическом строе: а) своеобразная форма условного наклонения: *бардымза* «если я пойду», а также параллельные древние формы по диалектам:

³² Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 124.

³³ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 59.

³⁴ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 280.

³⁵ Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 115; см. также: В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.

бардым эрзэ «если я пойду», «если я пошел»; б) наличие многообразных деепричастных форм и др.»³⁶.

Этот небольшой выборочно приведенный материал, который можно увеличить во много раз, позволяет сделать два вывода: а) для тюркских языков как языков агглютинативных характерно наличие наряду с регулярными парадигматическими образованиями значительного количества реликтовых, аномальных, нерегулярных образований, что, тем самым, не только не является препятствием, но и что способствует построению сравнительной грамматики тюркских языков; б) типологические особенности тюркских языков как языков агглютинативных не являются помехой для построения сравнительной грамматики тюркских языков, или, в иных терминах, языки любого типологического строя, родственные отношения между которыми точно установлены, позволяют реконструкцию своего исходного состояния, допускают применение принципа относительной хронологии явлений разных уровней языка и делают, тем самым, возможным построение сравнительной грамматики соответствующих семей языков. Тюркские языки не представляют в этом отношении никакого исключения.

3. Наконец, невозможно согласиться с А. Мейе, когда он подчеркивает, что «тюркские (языки.— Э. М.) плохо поддаются сравнению, и поэтому нелегко установить, с какими языками находятся в родстве тюркские языки» (см. стр. 193). Прежде всего обращает на себя внимание прямое соположение между установлением родственных отношений в пределах определенной языковой семьи и установлением родственных отношений между различными языковыми семьями. Ведь хорошо известно, что родственные отношения между индоевропейскими языками давно установлены, а отношения между индоевропейскими и другими языковыми семьями (семитской, хамитской, алтайской и т. д.) продолжают оставаться совершенно невыясненными. Кроме того, родство тюркских языков с рядом алтайских языков, по крайней мере с монгольскими языками, не может вызывать никакого сомнения³⁷. Именно наличие значительного количества тюрко-

³⁶ И. А. Басканов. Указ. соч., стр. 193.

³⁷ Из огромной литературы вопроса укажу лишь: В. Котвич. Указ. соч.; Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957; N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen

монгольских корреспонденций на разных уровнях языка, говорящих, по нашему мнению, о наличии генетических связей между данными языковыми семьями и не явившихся, тем самым, следствием продолжительных языковых контактов или втягивания тюркских и монгольских языков в один и тот же языковой союз, в значительной мере облегчает построение сравнительной грамматики тюркских языков.

Однако следует тут же оговорить, что наличие тюрко-монгольских корреспонденций еще ничего не говорит о степени родства между этими языковыми семьями, ибо в ряде случаев остается неясным, имеем ли мы дело с генетически родственными формами или с заимствованием из тюркских языков в монгольские, и наоборот. Не приходится специально оговаривать, что заимствования, в каком бы количестве они ни встречались, ничего не говорят о генетических связях двух языковых семей. Так, В. Котвич указывает на то, что «В монгольском языке имеется слово *busu* (варианты *buši*, *biši*) «не этот, иной, нет»³⁸. Несмотря на многочисленные попытки установить его происхождение, этого сделать до сих пор не удалось, а между тем проще всего было бы объяснить его как заимствование из тюркского: *bu-su* < **bu-süz*. Возможно, что данное объяснение В. Котвича не является единственно возможным, но уже это обстоятельство ясно свидетельствует о том, что в области тюркологии и монголистики предстоит еще значительная работа по разграничению исконно-родственных образований и заимствований в тюркских и монгольских языках. В какой мере данные монгольских языков важны для сравнительной грамматики тюркских языков, покажет будущее, особенно покажет более детальная разработка ряда проблем алтаистики, но уже сейчас можно утверждать, что без привлечения данных монгольских языков (а в отдельных случаях, и других алтайских языков) построение сравнительной грамматики тюркских языков окажется ущербным. Для подтверждения этого положения можно было бы сослаться на раздел, посвященный морфологии имени и

Sprachen, T. I. Wiesbaden, 1960; М. Ряснен. Указ. соч.; «Проблема общности алтайских языков» (тезисы докладов). Л., 1969; «Ural-Altäische Jahrbücher», Bd. 41, II. 1/4, 1969; Bj. Collinder. Sprachverwandtschaft und Wahrscheinlichkeit. Uppsala, 1964.

³⁸ В. Котвич. Указ. соч., стр. 127.

глагола в вышеупомянутых трудах Г. И. Рамстедта, В. Котвича, П. Поппе; ограничимся в данной работе анализом лишь одного явления — происхождения формата родительного падежа единственного числа в тюркских языках: *-ыг/-iй* (в согласных основах), *-нуг/-niй* (в гласных основах). Рассматривая различные объяснения данного формата, В. Г. Кондратьев приходит к следующему выводу: «По нашему мнению, первичной формой аффикса родительного и следует считать форму с начальным гласным. В пользу этого говорят данные чувашского и монгольского языков. В чувашском языке аффикс родительного падежа *-(a)н/-(e)н* (чув. *a* соответствует *ы*, *e* соответствует *i* в других тюркских языках).

Чувашский язык принадлежит к языкам очень древней формации. В старописьменном монгольском языке аффикс родительного п. начинается с гласного: *кагад-ун* «каганов». Начальные звуки аффиксов родительного и винительного п. обычно совпадают, что говорит об их общем происхождении»³⁹.

В заключение мы приходим к выводу, диаметрально противоположному тому, к которому пришел А. Мейе: если родственные связи между индоевропейскими и неиндоевропейскими языками продолжают оставаться совершенно невыясненными, то родственные отношения тюркских и монгольских языков, несмотря на регулярность морфологического строя тюркских языков, можно считать достаточно обоснованными. Думается, что если сравнительная грамматика индоевропейских языков могла опираться на данные значительного количества языков с подчас весьма древней письменной традицией (достаточно указать на то, что гимны Ригведы восходят ко II тысячелетию до н. э., древнейшие хеттские тексты относятся к XIX в. до н. э., древнейшие греческие тексты так называемого линейного письма Б относятся к XIV в. до н. э. и т. д.), что в результате имело прямым следствием создание принципов относительной хронологии, то в сравнительной грамматике тюркских языков отсутствие письменных памятников такой временной глубины (известно, что древнейшие тюркоязычные памятники относятся к эпохе не ранее VII—VIII вв. н. э.) искупается возможностью сравнения тюркских и монгольских языков на

³⁹ В. Г. Кондратьев. Указ. соч., стр. 10.

основе их генетической общности и что позволяет значительно расширить временную глубину общетюркского языкового состояния.

Нет сомнения в том, что эффективность и доказательность возведения различных явлений того или иного тюркского языка к общетюркской эпохе или общетюркскому языку в ряде случаев будет диктоваться возможностью контроля со стороны монгольских языков. Из этого положения, конечно, не следует делать вывод, что при отсутствии достаточно твердо установленных тюрко-монгольских корреспонденций возведение определенного явления фонетического, морфологического или синтаксического уровней языка к общетюркскому языковому состоянию окажется невозможным. Монография Н. З. Гаджиевой «Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков» ярко и убедительно продемонстрировала возможность реконструкции основных элементов общетюркского синтаксического строя на основе данных древних и современных тюркских языков. Но в то же время вряд ли можно сомневаться в том, что при анализе синтаксического строя тюркских языков в сравнительно-историческом освещении привлечение соответствующих явлений того же уровня из других алтайских языков, в первую очередь из монгольских, позволит прояснить вопрос о том, имеет ли исследователь дело с исконно родственными образованиями в отдельных тюркских языках, позволяющими их возведение в общетюркское состояние, или речь идет о параллельном, но независимом развитии определенной синтаксической модели в одном или нескольких тюркских языках и что, тем самым, делает невозможным и ненужным ее возведение к общетюркскому состоянию. Ценность монографии Д. Фокоша-Фукса⁴⁰ заключается прежде всего в последовательном и четком проведении данного принципа применительно к урало-алтайским языкам.

Следовательно, привлечение данных монгольских языков при построении сравнительной грамматики тюркских языков выполняет двойную функцию: 1) это позволяет расширить временную глубину общетюркского языкового состояния и в ряде случаев более выпукло и убедительно

⁴⁰ D. R. Fokos-Fuchs. *Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft*. Wiesbaden, 1962.

но представить происхождение определенных явлений в тюркских языках; 2) это позволяет провести более жесткую процедуру разграничения исконно родственных образований, возводимых к праязыковому состоянию, и образований, являющихся следствием параллельного, но независимого развития в одном или нескольких тюркских языках и не возводимых к праязыковому состоянию. Наконец, привлечение данных монгольских, а в ряде случаев и других алтайских языков, при построении сравнительной грамматики тюркских языков позволит прояснить вопрос о типологических особенностях как отдельных явлений, так и тюркских языков в целом, но на этом заканчивается тема данной работы, и мы вступаем уже в другую область.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Основным вопросом для теоретика является не вопрос: „справедлива ли моя теория?“, а вопрос: „является ли то, что я делаю, теорией?“»

(Ф. Дайсон. *Математика в физических науках* — Сб. «Математика в современном мире». М., 1967, стр. 118—119)

Завершение парадигмы современного сравнительного языкознания, о чем была речь в первой главе, мыслимо на путях еще более строгого обоснования исходных постулатов, лежащих в основе сравнительно-исторического метода, самой существенной частью которого является процедура реконструкции. Такие исходные понятия сравнительного языкознания, как генетическое родство определенной семьи языков, которая только потому является семьей языков, что она связана генетическими узлами со всеми своими членами, понятие исходного языкового состояния или праязыка, понятие праформы или архетипа, понятие языкового пространства, весьма существенного для ареальной лингвистики, вне которой в настоящее время уже немислимо сравнительное языкознание, понятие архаизма и инновации, без которого немислимо построение относительной хронологии, одного из фундаментальных принципов сравнительного языкознания, — все эти понятия или исходные постулаты вплоть до настоящего времени не имеют однозначного определения, что сказывается на многих работах современных компаративистов, вкладывающих в один и тот же термин различное содержание, благодаря чему к примеру индоевропейский праязык в работах Е. Куриловича, В. Пизани, Г. Краэ, В. Лемана, Г. С. Клычкова, В. В. Иванова и Э. А. Макаева всякий раз получает иную интерпретацию, не говоря уже о скептиках, вообще отрицающих существование праязыка. Подобное положение вещей относится ко всем вышеперечисленным исходным понятиям, и это является красноречивым свидетельством незавершенности парадигмы современного сравнительного языкознания. В то же время следует напомнить слова Канта в его «Критике чи-

стого разума» о том, что: «Если мы хотим нечто назвать методом, то оно должно быть способом действия согласно основоположениям». Несколько далее Кант продолжает: «Что касается сторонников научного метода, то перед ними выбор: действовать либо догматически, либо скептически, но они при всех случаях обязаны быть систематичными»¹.

С процедурой реконструкции теснейшим образом связано понятие модели или эталона, когда определенный индоевропейский язык избирается в качестве основы для реконструкции общезыкового состояния: в первой главе указывалось на А. Шлейхера, в работах которого в качестве такого эталона выступал санскрит, на Е. Куриловича, который реконструкцию акцентной системы общиндоевропейского языка сознательно проводил в опоре лишь на одно ведическое наречие; можно указать также на К. Уоткинса, который в III томе «Индogerманской грамматики», посвященном истории индоевропейской глагольной флексии, хотя и не *expressis verbis*, но методически, шаг за шагом, направляет внимание читателя на самую важную языковую группу — на хетто-лувийские языки². В то же время, при ближайшем рассмотрении оказывается, что опора на один индоевропейский язык при реконструкции праязыкового состояния также бесперспективна, как и опора на многие языки, что всегда приводило и приводит к эклектичности реконструкции, о чем была речь в первой главе. Там же было указано на парадоксальность положения в современном сравнительном языкознании, но как оно должно разрешиться? Из истории науки хорошо известно, что каждый новый этап в развитии науки (в том числе и сравнительного языкознания) требует разработки новых эвристических приемов исследования, а это означает, что любая реконструкция в известной мере статична, на что неоднократно указывалось разными компаративистами.

Следовательно, мы должны приложить все усилия к тому, чтобы статичная реконструкция уступила место динамической реконструкции, которая могла бы оперировать не одним, а несколькими хронологическими срезами, в основании которой лежало бы новое понимание языкового

¹ *Иммануил Кант. Сочинения в шести томах*, т. 3. М., 1964, стр. 694—695.

² *C. Watkins. Indogermanische Grammatik, Bd. III, Erster Teil. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.*

пространства и что позволило бы учитывать потенции различных ареалов и их различный удельный вес при реконструкции определенного явления или фрагмента системы определенного языка на плоскость праязыка.

Новая, динамическая реконструкция, в свою очередь, должна повлечь за собой новое осмысление исходного языкового состояния — праязыка, который, не переставая быть научной конструкцией и не будучи никогда в состоянии приобрести статус естественного языка (в этом праязык и не нуждается!), постепенно будет наделяться временными и пространственными параметрами. Динамическая теория реконструкции позволит также более обоснованно разграничивать архаизмы и инновации, что при реконструкции праязыка имеет первостепенное значение.

Праформы всегда были и всегда останутся гипотетическими построениями, но в этом не следует усматривать их недостаток; в конечном счете гипотетична любая наука и гипотетично наше знание. Хорошо об этом сказал Кр. Станг: «Наука — это диалог и никто из нас не может претендовать на то, что кому-то удалось по всем вопросам добиться твердого и гарантированного результата. Но ведь то, что предлагают, подвергается критике и возражениям. При помощи этой неорганизованной команды наука продвигается вперед. Поэтому я охотно выпускаю из рук эту работу, хотя я, естественно знаю, что не все, что я высказываю в этой работе, правильно. Вот почему я так охотно выдвигаю теории. Книга, которая содержала бы лишь проверенные и известные вещи, была бы для исследователей просто бесполезна»³.

Как видно, на современном этапе сравнительного языкознания предстоит большая, трудная, но захватывающе увлекательная работа, и нет сомнения в том, что в опоре на своих великих предшественников современные компаративисты достойным образом довершат построение парадигмы сравнительного языкознания.

³ Chr. Stang. *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo—Bergen—Tromsö, 1966, стр. V.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1	
Основные линии в развитии сравнительного языкознания и его современное состояние	6
Глава 2	
О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства	67
Глава 3	
Проблемы реконструкции	86
Глава 4	
Лингвистическая экстраполяция	177
Заключение	202